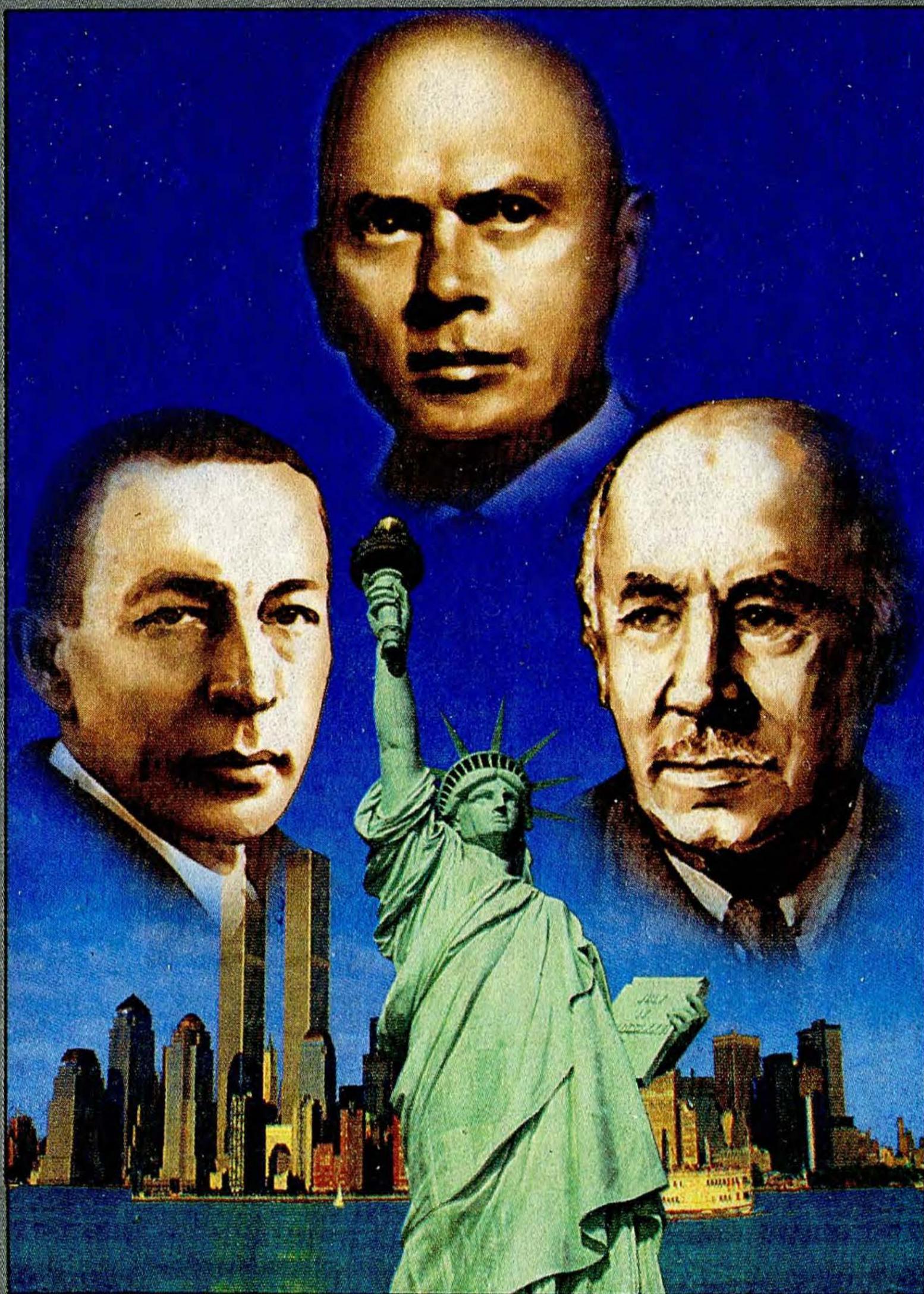

ИСТОРИЧЕСКИЕ

СИЛУЭТЫ

ЗНАМЕНИТЫЕ ЭМИГРАНТЫ ИЗ РОССИИ

Марк Рейтман

Марк Рейтман

ЗНАМЕНИТЫЕ ЭМИГРАНТЫ ИЗ РОССИИ

**Очерки о россиянах,
добившихся успеха в США**

**Игорь СИКОРСКИЙ
Василий ЛЕОНТЬЕВ
Сергей РАХМАНИНОВ
Юл БРИННЕР
Игорь СТРАВИНСКИЙ
Владимир НАБОКОВ
Елена БЛАВАТСКАЯ
Нина БЕРБЕРОВА
Александр СОЛЖЕНИЦЫН**

РОСТОВ-НА-ДОНУ

«ФЕНИКС»

1999

ББК 84
Р 76

Рейтман Марк.

Р 76 Знаменитые эмигранты из России. Очерки с россиянами, добившихся успеха в США. — Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 1999. — 320 с.

Игорь Сикорский, Юл Бриннер, Елена Блаватская, Владимир Набоков, Сергей Рахманинов, Игорь Стравинский, Василий Леонтьев — вот только часть звездных имен, вошедших в эту замечательную книгу. На долю этих людей выпала трудная судьба. Попадая за рубеж, они оказались на грани выживания. Но сила воли, талант, вера в свои силы не дали им сломаться, а, наоборот, помогли подняться на, казалось бы, недостижимую высоту и прославиться на весь мир. Воистину, человек может все, если очень захочет этого.

Об этом в увлекательной форме и рассказывает эта книга, раскрыв которую, Вы уже не сможете оторваться от нее.

ББК 84

ISBN 5-222-00618-2

© Марк Рейтман, 1998

© Оформление, изд-во «Феникс», 1999

Предисловие к русскому изданию

Книга Марка Рейтмана о россиянах, добившихся признания в США, «Знаменитые эмигранты из России», вышла в г. Бостоне в 1997 году. Несколько экземпляров книги попали в Ростов-на-Дону, и она вызвала большой интерес у читателей — отсюда и родилась идея русского издания. Возникла также необходимость кратко познакомить русского читателя с автором книги.

Марк Исаевич Рейтман родился в г. Ростове-на-Дону в 1936 году в семье служащих. Его отец был инженером-технологом, мать — врачом. После нападения Германии на Советский Союз и в связи с угрозой захвата Ростова-на-Дону (мать в это время работала военврачом в одном из военных госпиталей) в начале ноября 1941 года семья была эвакуирована в Узбекистан.

После освобождения г. Ростова-на-Дону семья Рейтман вернулась в родной город, где в 1944 году Марк поступил в 1-й класс средней школы. Окончил школу в 1953 году с золотой медалью и поступил в Ростовский инженерно-строительный институт. В 1959 году Марк Рейтман окончил РИСИ с «красным дипломом» и уехал на строительство молодого города Волгодонска. После двух лет работы инженером-строителем, сдав кандидатские экзамены, поступил в аспирантуру Центрального института строительных конструкций в Москве. Учеба закончилась успешной защитой диссертации и полу-

чением степени кандидата технических наук. К этому времени Марк успел жениться на выпускнице Московского историко-архивного института Тамаре Дрияевой, и молодая семья получила квартиру в г. Апрелевка Московской области, куда Марк Рейтман был направлен на работу в институт «ГипроНИИсельхоз». В Апрелевке в 1964 году родилась дочь Мария. Работая в институте, Марк начал трудиться над докторской диссертацией по прикладной математике, которая в тот период только начала освоение ЭВМ. Работа над докторской диссертацией закончилась ее успешной защитой на ученом совете Центрального института строительных конструкций в 1970 году.

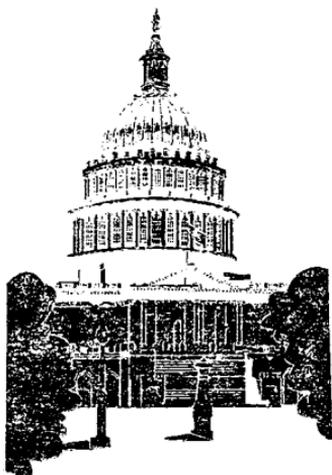
В 1968 году Марка Рейтмана пригласили на преподавательскую работу в Московский инженерно-строительный институт, и семья переехала в Москву, где в 1970 году родился сын Леонид. Там Марк Рейтман продолжал публикации научных работ по прикладной математике, а также начал писать научно-популярные статьи, которые публиковались в журнале «Квант» под псевдонимом З. Я. Тъмеладзе. Воспользоваться псевдонимом ему порекомендовала редакция журнала, посчитав его настоящую фамилию Рейтман неудачной. Интересно происхождение псевдонима: если это слово прочитать без знаков препинания, то получится «зять Меладзе» — вторая грузинская фамилия отца его жены Н. Д. Дрияева, выходца из Южной Осетии.

В 1978 году Марк Рейтман впервые обратился в ОВИР с просьбой разрешить ему выезд за границу по так называемой «израильской визе». Одновременно по собственному желанию он уволился из МИСИ, чтобы не навлекать гнев властей на руководство своей кафедры. Однако в визе ему отказали без объяснения причин. Только в начале 1985 года визу на

выезд наконец дали как участнику «независимого мирного движения». По известному маршруту Москва — Вена — Рим семья Рейтман переехала на постоянное местожительство в США. Работу профессором математики удалось найти в г. Урбана, где размещается Университет штата Иллинойс, там семья проживала около 2 лет. В 1987 году Марк Рейтман получил должность профессора Бостонского университета, и семья переехала в г. Бостон. В настоящее время Марк Рейтман активно сотрудничает в журналах «Вестник» и «Лебедь», причем последний распространяется только по системе «Интернет», так что его можно регулярно читать в России. Главный редактор этого журнала — Валерий Лебедев — бывший доцент Московского физико-технического института, известный русский журналист.

При подготовке русского издания книги «Знаменитые эмигранты из России», с согласия ее автора, было принято решение дополнить книгу очерками о некоторых других россиянах, волею судеб попавших из России в США и вошедших в историю современной культуры. Эти очерки помещены в книге после очерков Марка Рейтмана, а фамилии их авторов указаны в оглавлении.

На второй родине

Страна эмиграции оказывает сильное влияние на каждого из иммигрантов. Однако лишь немногие из них оказывают еще большее влияние на эту страну.

Дж. Ден-Гартог

Кто из россиян имел наибольший успех в Америке? Пусть некоторым россиянам это неинтересно. Эта книга для других — для тех, кто хочет понять слабые стороны этого успеха, очистить его корни от налета предубеждений и расположить (но не похоронить!) легенды отдельно от знаний. Итак, кто же из эмигрантов добился успеха независимо от профессии и возраста — мы слишком много слышали об их необоримости?

Мне кажется, что лучше всех на этот вопрос ответит энциклопедия: кто попал в энциклопедию, тот и добился настоящего успеха. Энциклопедий много. В поисках наиболее авторитетной, я остановился на энциклопедии «Гролиер» на компактном диске. Это

адаптированный к диску вариант Академической американской энциклопедии. Выбор носителя информации был однозначен: крошечный диск содержит столько же данных, сколько помещается в тридцати увесистых томах. Причем пользоваться этой информацией гораздо удобнее, ее легко сортировать по любому ключевому слову и она гораздо оперативнее: ведь чтобы что-то добавить или изменить в изданной энциклопедии, нужно ее всю перепечатывать.

Но вернемся к выбору «успешных новоамериканцев». Я пробовал провести опрос избранных лиц, каждый из которых вываливал мне ворох фамилий. Один из опрошенных, тонкий российский интеллектуал, назвал ряд имен. Но большинство из них мой критерий не удовлетворили: ни поэт И. Елагин, ни писательница Н. Берберова, ни литературоведы Г. Флеровский и М. Слоним, ни журналист А. Седых, ни историк Ростовцев, ни прозаик С. Довлатов, ни даже актер М. Чехов и философ Г. Федотов в американской энциклопедии на компактном диске не значились. Были в числе избранных из его списка только писатель В. Аксенов, лингвист Р. Якобсон (сначала я не нашел и его, так как его фамилия пишется через к), Иосиф Бродский (он очень известен как нобелевский лауреат, а еще больше как лауреат премии Конгресса 1991 г.).

Кто еще фигурирует в энциклопедии в разделе, характеризуемом словами «русско-американский»? Здесь можно встретить Айзика Азимова, который приводится как «ученый-биохимик, просветитель и плодовитый писатель», здесь модернистские скульпторы Александр Архипенко и Наум Габо (Певзнер), романист и редактор на идише Абрам Каган, генетик Тадеуш Добжанский (он считал себя русским несмотря на польские имя и фамилию), физик Георгий Гамов, виолончелист Григорий Пятигорский,

скрипачи, представители знаменитой «одесской плеяды» Ефрем Цимбалист, Натан Мильштейн, Миша Эльман и Исаак Стерн и отдельно Яша Хейфец, дирижер Сергей Кусевицкий, многие годы руководивший Бостонским симфоническим оркестром, романист Владимир Набоков, писательница и философ Эйн Рэнд. Популярны в США представители нового русского балета балетмейстеры Георгий Баланчин и Леонид Мясин, танцовщики Наталия Макарова, Александра Данилова, Ольга Спесивцева, Александр Годунов и Михаил Барышников, актер Юл Бриннер, композиторы Сергей Рахманинов, Игорь Стравинский, Александр Черепнин и Израиль (Ирвинг) Берлин, пианисты, два Владимира, Горовиц и Ашкенази.

В числе удачливых энциклопедией называются Григорий Шелехов (Шелихов) и Александр Баранов, основавшие в конце XVIII века Русско-Американскую компанию, «наблюдатель сверхъестественных явлений», как ее назвала энциклопедия, Елена Блаватская, изобретатель телевизора и электронного микроскопа Владимир Зворыкин, изобретатель многомоторных самолетов и вертолетов Игорь Сикорский, исследователь экономико-математических методов, «нобелевец» Василий Леонтьев, предприниматель в области радио Давид Сарнов, изобретатель стрептомицина (и, конечно, нобелевский лауреат) Зельман Абрам Ваксман, художник-гравер Татьяна Гросман (Агушевич), лидер американского анархизма Эмма Гольдман.

Попали в «Гролиер» и несколько не слишком известных персонажей, как, например, профсоюзный деятель Давид Дубинский, психолог в области дошкольного образования Ури Бронфенбреннер, малоизвестный (по крайней мере мне!) композитор Луис Грюнберг, католический миссионер, работавший в

среде американских индейцев, Деметриус Августин (!) Галлицын, философ и лингвист Макс Блэк, театральные художники Павел Челищев, Евгений Берман и Борис Аронсон, и... все!

Есть, правда, случаи, которые не знаешь куда отнести. Например, композитор Александр Черепнин большую часть эмиграции провел во Франции и лишь в конце жизни поселился в Чикаго. При этом мы не обходим фактор гражданства. Например, можно говорить о грандиозном успехе дирижера Мстислава Ростроповича, 20 лет руководившего Национальным оркестром США, хотя он никогда не был американским гражданином, а большую часть этого времени не имел и российского гражданства, т. е. был вообще лицом без гражданства. Леопольд Ауэр, старейшина Петербургской школы скрипачей, именуется в «Гролиере» американско-венгерским скрипачом, хотя 49 (!) лет работал в России.

Не стал американцем и писатель А. Солженицын, хотя он прожил в США 17 лет и пользовался значительным успехом у американцев. Танцовщик Рудольф Нуреев, больше выступавший в Америке, чем в Европе, все-таки, наверное, не зря пожалован английской королевой званием рыцаря, чтобы считаться еще и американцем. Я уж не говорю о значительной категории парижских эмигрантов, которые могут обидеться, попади они в эту книгу. Писатели В. Аксенов и В. Войнович прямо называются русскими, а объем созданного И. Бродским на английском языке все же не идет в сравнение с его русским вкладом.

Не попали в наш набор удачливых Шелехов (Шелихов) и Баранов: они никогда не были гражданами США, и хотя их в целом успешная деятельность проходила на современной территории США, эта территория находилась тогда под российским протекторатом, т. е. они как бы не покидали Россию.

Писатель А. Азимов и популярный композитор И. Берлин оказались за бортом, так как они, хотя и родились в России, но были привезены соответственно 3-летним и 5-летним несмышленишками. Их не задела русская культура. Нас будут интересовать только те, кто прибыл в Америку хотя бы в школьном возрасте.

Автор сравнительных жизнеописаний всегда может подыграть любимцу, и я исключения не составил, включив в число избранных инженера-теоретика Степана Тимошенко. Хотя его и нет в означенной энциклопедии. Кроме естественного желания уважить коллегу, сыграла роль и поистине огромная популярность Тимошенко в инженерных кругах России и США. Хотя по традиции, запечатленной еще в чеховском «Пассажира первого класса», мнение этих кругов широкая публика обычно игнорирует.

Бывали случаи увлечения ложным следом. Например, мне сообщил приятель, что в русском еженедельнике «Аргументы и факты» появилась заметка о том, что создатели известной мотоциклетной фирмы Харлей и Дэвидсон на самом деле русские, Харлампиев и Давыдов. В изданной истории фирмы о родителях Харли и братьев Дэвидсон не сказано ни слова. Зато много говорится о том, что эта компания — единственный американский производитель мотоциклов, остальные давно разорились. Из других источников я узнал, что фирма несколько раз была близка к банкротству и спасалась правительственными субсидиями. Конечно же, как «единственная американская»... Я написал президенту фирмы письмо, где обещал ему, что два миллиона русских американцев будут, быть может, покупать только его мотоциклы, если... В то же время на возможности субсидий это не отразится, так как никто в конгрессе по-русски не знает. Очень скоро пришел ответ:

Дорогой Марк Рейтман! Ваше письмо поступило ко мне. Когда я кончил смеяться, что потребовало несколько дней, я теперь, наконец, способен ответить. Я уже слышал об этой глупости несколько раз и смею вас заверить, что семьи Харли и Дэвидсона не русские. С уважением и т. д.

Мартин Джек Розенблюм, историк (!)

Я понял ответ так: или смешливый историк прав, т. е. Харли и иже с ним не русские, или же тайна зарыта гораздо глубже, чем это можно раскопать найвным письмом — в конце концов историкам платят за что-то зарплату. А книга эта выйдет без очерка о предприимчивых американцах, которые в 1903 г. стали первыми в Америке производить мотоциклы.

При написании книги использовалось, конечно, много английской в основном литературы, ссылки на которую я опустил. Незаменяемым источником служил автору также «Интернет» и энциклопедии «Гролиер», «Вебстер», «Британская», «Эн карте» и др.

Далеко не все герои выглядят рыцарями без страха и упрека, ибо автор меньше всего видел свою задачу в лакировке. Каждый должен смотреться, каким он был в жизни, и по величине, и по направлению — иначе эта книга лишается смысла. В то же время не все области деятельности русских в Америке пользуются одинаковым интересом автора, а некоторые он находит просто чепухой. Тем не менее добиться успеха даже в этих областях было непросто, и автор в таких случаях предпочел оставить свое мнение при себе.

Вертикальный взлет Игоря Сикорского

Самые крупные неудачи и жесточайшие разочарования происходят от чрезмерной самоуверенности и бесконтрольного воображения, принимаемых изобретателем за интуицию.

Игорь Сикорский

Сикорский Игорь Иванович — родился 25 мая 1889 г. в г. Киеве, умер 26 октября 1972 г. в г. Истон, штат Коннектикут, США. С 1903 по 1906 год учился в Петербургском морском училище, а затем в Киевском университете (с 1907 г.). В 1908—1911 годах построил два вертолета (нелетавших). В 1910 г. поднял в воздух первый самолет своей конструкции. В 1912—1914 годах создал самолеты «Гранд», «Русский витязь», «Илья Муромец», положившие начало многомоторной авиации. В 1919 году эмигрировал в США, где в 1923 году основал авиационную фирму. До 1939 года создал около 15 типов самолетов, с 1939 года перешел на конструирование и строительство вертолетов различных назначений.

Обыкновенный мальчик родился у киевского психиатра профессора Сикорского. Родители у мальчи-

ка были русские, дед — православный священник (ходят слухи о польском происхождении Сикорского, но им автор не нашел никакого подтверждения). Мальчик как мальчик, невысокий, щуплый. Любил мастерить технические игрушки. Увидел, например, в книге о Леонардо да Винчи рисунок вертолета, каким тот представлялся великому Леонардо в далеком 1482 г., и попытался сделать модель, используя электродвигатели и батарейки, которые уже тогда, на рубеже нашего столетия, продавались в городских магазинах. Ничего у него, конечно, не вышло. А вот модель с резиновым двигателем взлетала. Забывают мальчишки о таких игрушках через полчаса. Но Игорь не забыл, не забыл ни в гимназии, ни в военно-морской академии, не забыл и в политехническом институте, когда изучал там математику и физику. В 1906 г. Сикорский покинул академию и обнаружил, что все технические вузы России закрыты из-за революции. Проучился семестр в Париже, в технической школе, но об авиации профессора нигде ничего даже не упоминали.

Появились уже, однако, кучки чудаков, которые на окраинах городов возились с обрезками железа, дерева и... как его?... алюминия: самые удачливые из них — братья Райт: в 1903 г. им удалось поднять в воздух первый самолет. О братьях Райт Игорь узнал только через пять лет случайно, из немецкой газеты, когда был студентом Киевского университета. Ему уже 19 лет, сколько времени потеряно зря! Разве стал бы он заниматься постройкой парового мотоцикла, к тому же не получившегося! Зато теперь летательные аппараты тяжелее воздуха целиком овладели всем его существом.

Юноша снова поехал в Париж, но там его привлекали не институты и не злачные места, а мастерские авиаторов. Париж был в те годы их Меккой.

Блерио, Фарман, Вуазен — были верховные жрецы нового культа. Они собирали толпы любопытных на редкие демонстрации полетов. Затем толпы разбрелись, и оставались энтузиасты, готовые часами обсуждать свойства диковинных машин на новом «летном жаргоне», — Игорь был среди них. В Киев в багаже Сикорского отправился авиационный двигатель Анзани. Игорь нанимал плотников, слесарей — тоже из чудаков, готовых работать за копейки. Заказал еще два двигателя. Правда, не все шло по плану. Например, началась зима, и городской транспорт в Киеве не справлялся с морозами и снегом. Выручили аэросани, так сказать, побочный продукт творчества. Жил Игорь на даче при мастерской, но благодаря саням он поспевал на зачеты в институт.

Затею с вертолетами, правда, пришлось на время отставить. Старик да Винчи многого не предусмотрел. Например, того, что у вертолета должно быть по крайней мере два винта, чтобы аппарат не вращался беспомощно обратно движению главного винта. Винты могут быть в перпендикулярных плоскостях (второй винт — хвостовой) или в параллельных, когда оси винтов соответственно совпадают или различны. Конструкция с соосными винтами показалась Игорю самой простой. Однако два трубчатых вала никак не хотели вращаться один в другом, ужасно вибрировали. Пришлось сконцентрироваться на самолетах. Но с самолетами дело пошло лучше.

Сикорский строил их прямо на даче, одновременно улучшал от модели к модели, и учился летать на них. Конечно, были и аварии, всего четыре за два года. Ни в одной он серьезно не пострадал, зато извлек полезные уроки. К примеру, он быстро понял, что двигатель нельзя ставить позади пилота. В то время пилотам эта наука стоила жизни: даже когда самолет встречал небольшую ямку на земле, двигатель

подавался вперед и сминал пилота. Сердце юноши рвалось в небеса, но набитые в полетах шишки, а главное — материальные потери укрощали порывы и заставляли снова и снова летать от одного угла пустыря до другого, попутно с летным мастерством совершенствуя и систему управления самолетом. Такое сочетание функций было обычным для того времени (правда, учились летать, как правило, на чужих самолетах). Необычным был быстрый успех его полетов-экспериментов.

В феврале 1912 г. лучшая модель Сикорского S-6A (Игорь всю жизнь скрупулезно вел счет своим моделям) получила первый приз на Московской авиационной выставке. Хотя противостояли ему профессиональные авиаторы и... свежевспаханное поле — на него должен был садиться и с него взлетать самолет по условиям состязания. Финансовые возможности семьи Сикорских были к тому времени истощены до предела. Главный успех состоял в том, что компания «Руссобалт», крупнейший тогда в России производитель авто и самолетов, предложила 23-летнему самородку возглавить самый амбициозный проект — четырехмоторный многоместный самолет «Гранд», который должен был перевозить 12 человек на 500 верст. Это была первая победа из серии крупных успехов Сикорского. В дальнейшем в их числе дипломы почетного доктора многих университетов мира и академичка многих академий, но обычного инженерного диплома он еще не имел, институт был давно заброшен.

То были счастливейшие годы для российской индустрии, когда она успешно избавлялась от многих зол. Вместе с Игорем отправились в Петербург на достойные оклады шесть его ведущих сотрудников. Здесь проявилась черта, присущая Игорю в течение всей жизни, — учет человеческого фактора в производственной деятельности, внимание к людям. После-

дующие годы — золотая пора в жизни Игоря. Он руководил двумя проектами. Первым был роскошный «Гранд». Этот самолет имел, помимо пилотской кабины, салон с четырьмя стульями, диваном, даже туалетом, что опередило время почти на 20 лет! Управлял пилот самолетом с балкончика перед кабиной: весил «Гранд» четыре с лишним тонны. Два огромных крыла несли четыре двигателя по 100 л. с. каждый. Летом 1913 г., когда самолет отправился в первый полет, Сикорский стал и в течение года оставался единственным летчиком в мире, способным поднять в воздух четырехмоторный самолет. Он сразу побил все мировые рекорды грузоподъемности. Во время одного из полетов воздушный гигант поднял 16 человек. Тут уместно было бы предоставить слово приверженцам мнения о вековой отсталости России — все в самолете, кроме двигателей и шин, было русского производства.

Сам Николай Второй со свитой осмотрел самолет, взобравшись на борт по приставной лесенке (о трапе в спешке не позаботились), и удостоил авиатора получасовой беседы. Поговаривали о возможном полете императора, но до этого дело не дошло: из-за нелепой случайности «Гранд» попал в аварию.

Поскольку двигатели не были достаточно надежны, очень полезна была возможность обслуживать их во время полета. Более того, можно было даже в воздухе тушить пожар двигателей — такой пожар случился в одном из полетов. Все эти достижения обсуждались в русских газетах. Вершина гражданской карьеры Сикорского прилась на триумфальный перелет четырехмоторного самолета по маршруту Петербург — Киев — Петербург под управлением самого авиатора. Воздушный гигант легко покрыл расстояние в 4 000 км, так как из-за плохой погоды и

навигационных ошибок полет проходил не по прямой.

«Гранд» не получил распространения, но бомбардировщик «Илья Муромец» был изготовлен в количестве около 60 штук под руководством Сикорского в Петербурге и в начале первой мировой войны произвел на немцев некоторое запугивающее впечатление. Хотя промышленный потенциал Германии превышал русский, их собственный подобный самолет запоздал на три года, он появился в небе Англии лишь в последние месяцы войны, когда все ставки в игре были уже сделаны.

«Илья» был практически неуязвим. Зенитных орудий тогда не было, а ранение или даже гибель одного-двух человек из экипажа самолета не слишком отражались на боеспособности машины. Другое дело, что лишь наиболее передовые военачальники понимали это, а большинство по-прежнему уповали на конницу. Значительная часть «Муромцев» так и остались несобранными на русских военных складах. Но умелые летчики (каким был, например, штабс-капитан Горшков) и ловкие метатели 40-фунтовых бомб наносили большой урон противнику. При этом за всю войну лишь два «Муромца» были сбиты немцами. К сожалению, производство самолетов сдерживалось поставками импортных французских двигателей.

Когда на Россию обрушилась большевистская чума, Игорю было всего 28 лет. Многие в этом возрасте только начинают инженерную карьеру, но для него эта карьера была окончена. С крушением великой империи его деятельность лишилась высшего смысла, а ему было не все равно, кому служить. Так же абсурдно и коряво окончился его короткий брак. Зачем жить дальше?

Такие невеселые мысли крутились в голове у Си-

корского, когда он в марте 1918 г. покидал Петербург, чтобы начать новую карьеру в авиации союзников, теперь уже в естественной для этого возрастной категории. Но Париж встретил его неприветливо. Все не ладилось с проектом, которого он уже почти сумел добиться здесь. Сказывались то ли присущая французам подозрительность к иностранцам, то ли усталость от военного грохота, с которым связывалась авиация в сознании людей, — ведь не все же умели мечтать о грядущем расцвете пассажирского воздухоплавания. Так или иначе, но Париж обернулся для него лишь пунктом затянувшейся пересадки перед Нью-Йорком.

Но и в Новом Свете были свои трудности, и не только с языком. Здесь далеко не сразу обнаружился спрос на исключительные способности Сикорского. Читать русские газеты никто из сильных мира не умел, последние технические журналы были еще на скудном пайке военного времени. В общем, хлебнул Игорь эмигрантского лиха в полном ассортименте, включая репетиторство по математике и физике для здешних русскоязычных недорослей и фасолевы ланчи по 20 центов.

Однако постепенно все образовалось, как это нередко (но не всегда!) бывает в Америке. В 1923 г. удалось создать компанию «Сикорский», хотя сам авиатор стал в ней вице-президентом, уступив пост президента, в интересах дела, коренному американцу. Деньгами помог корпорации С. Рахманинов, «русский композитор и скрипач», как его рекомендует своим читателям Делир, автор обстоятельной биографии авиатора. Однако ничто бы не помогло, если бы первый проект Сикорского в Америке, двухмоторный биплан S-29A не имел успеха.

Самолет неплохо зарекомендовал себя. В компании Сикорского говорили больше по-русски, так как

основные сотрудники были русские. Таким образом Сикорский помогал безработным соотечественникам и одновременно обеспечил себя самоотверженными кадрами. Именно эти люди спали по три часа в сутки, восстанавливая самолет после его неожиданной аварии и довольствуясь лишь хлебом и молоком из соседней лавки. Напоминанием о скорбном времени остались слова Сикорского: «Главная опасность для тех, кто занимается авиацией, — перспектива умереть с голоду».

Случались и крупные проколы. В 1926 г. шла конкурентная борьба за первый межконтинентальный перелет Нью-Йорк—Париж. Здесь все решал совет директоров компании, где преобладали американцы, слабо подкованные в технологии полетов, но знавшие толк в конкурентной борьбе, а также клиент, французский летчик, по заказу которого создавался самолет, человек отчаянной смелости. Пока Сикорский сражался с английскими артиклями, они как дважды два доказывали, что надо лететь не медля ни минуты. Тяжело груженный бензином трехмоторный самолет, подгоняемый коварным попутным ветром, докатился до конца полосы, но взлететь не смог, остановиться — тоже. Дополнительное шасси, которое следовало сбросить после взлета, сломалось и тормозило разбег. Остановившись далеко за пределами взлетной полосы, самолет загорелся. Двое летчиков успели выскочить, механик и радист задержались. В итоге в Париже весной 1927 года оказался Чарльз Линдберг, близкий друг Сикорского, но на самолете другой компании. Мы даем здесь нашу интерпретацию этого события, так как Сикорский никогда не перекладывал вины на других. В данном случае он определил причину неудачи как «неудачное решение компании» (*wrong judgement*). Когда при посадке летающей лодки пассажиров изрядно потрянуло, а за

штурвалами сидели он и Линдберг, Сикорский, похоже, больше опасался за репутацию последнего, всячески подчеркивая, что это была его, Сикорского, ошибка. В итоге событие вошло в историю авиации как образец скромности авиаконструктора.

Очень продуктивна была работа Сикорского именно над летающими лодками, которая шла все 30-е годы. Летающие лодки были единственной возможностью принимать большие самолеты в городах, где не было аэропортов со взлетно-посадочными полосами. Самолеты компании «Пан Америкен» летали в города Южной Америки и Канады, перевоза 40 и более пассажиров. В 1934 г. летающая лодка S-42 установила своеобразный рекорд, побив десять мировых рекордов. Сикорский настолько верил в возможности самолетов этого типа, что предлагал рядом с городами, расположенными вдали от морей и рек, рыть для них каналы и заполнять их антифризом, чтобы не зависеть от погоды.

Эпоха реактивных машин, увы, вытеснила летающие лодки, хотя некоторые из них долетали до 60-х годов: поправки все-таки вызывают большое сопротивление воздуха на высоких скоростях, и их никуда не уберешь.

И все же мальчишеская затея с игрушкой Леонардо да Винчи не покинула Сикорского, даже когда он был в разгаре своей авиаконструкторской деятельности. Но ведь все вокруг твердили, что этим заниматься не стоит, что обманчивая простота «штопора, вгоняемого в небо», не сулит практических успехов, что десятки конструкторов здесь в Штатах, в Германии, во Франции уже потерпели неудачу. В России в обстановке глубокой секретности действовали конструкторские бюро Братухина и Черемухина, там же подвизались некий итальянец Витторио Исаако и какой-то местный Изаксон — энциклопедия по вер-

толетам считает их разными людьми. Однако остается фактом — работающего серийного вертолета не было ни в одной стране мира.

Да и потом возрастной барьер... Вот-вот Сикорскому стукнет пятьдесят. В этом возрасте еще можно рассчитывать на недолгое пилотирование новых моделей самолетов. Но вертолет... Он требует совсем иных навыков, их он не успеет освоить. Там не годятся обычные средства управления самолетом — руль, элероны, двигатели. А что годится? Это знает только Всевышний. Тем не менее свою третью карьеру, карьеру конструктора вертолетов, Сикорский осуществил еще успешнее, чем две предыдущих.

Фотографии 1939 г. показывают немолодого человека, открытого всем ветрам, в пилотском кресле вертолета с хвостовым винтом — верное решение, до сих пор 90 процентов вертолетов относятся к такому типу. Пилотской кабины нет. На человеке нелепо смотрятся цивильное пальто и старомодная даже по тому времени шляпа. Это не сцена из кинокомедии, это всемирно известный авиатор Сикорский ищет секрет управления вертолетом. Ничего не оставалось иного: перед теоретической задачей об устойчивости полета вертолета пасуют даже современные компьютеры. Так или иначе, но скоро вертолет S-51 залетал, а в 1941 году он впервые в мире пошел в серию. В 1956 году вертолеты Сикорского впервые в мире приняли участие в эвакуации населения из местности, застигнутой наводнением. Дело было в Мексике, и число спасенных достигло 9 000! Последняя модель Сикорского S-64 представляла собой подъемный кран грузоподъемностью 10 тонн.

Прежде чем уйти из жизни, Сикорский привел в порядок свое гуманитарное наследие — кажется почти невероятным, но существует и такое. В его составе рано (в 49 лет) написанная автобиография и

несколько небольших книг на английском языке, освещающих трудные, но неизменно уважительные отношения между автором и Богом. Его уничтожающие оценки коммунизма позволили многим американским инженерам сложить правильные представления о сем предмете. Современные мыслители мало ссылаются на книги Сикорского, и нам представляется, что напрасно. Здесь, за океаном, любят бестрепетно сносить в архивы все, что претендует на принадлежность к классике, — это цена, которую приходится платить за отсутствие некрофилии.

Последние годы жизни были для Сикорского (он умер в 1972 г.) сплошной чередой почетных церемоний и чествований, на которые так щедро благодарная Америка.

Гам вокруг Георгия Гамова

Гамов Георгий Антонович — родился 4 марта 1904 года в Одессе, умер 19 августа 1968 года в г. Болдер, штат Колорадо, США. Окончил Ленинградский университет в 1926-м по специальности «физика».

В 1928—1931 гг. работал в Геттингене (Германия), Копенгагене (Дания), Кембридже (Англия). В 1931—1933 гг. преподавал в Физико-техническом институте г. Ленинграда. В 1933 году эмигрировал во Францию, затем в 1934 году в США. Являлся с 1934 по 1956 год профессором университета Дж. Вашингтона, с 1956 г. университета штата Колорадо.

Дал первое квантово-механическое объяснение альфа-распада. Внес существенный вклад в теорию бета-распада (совместно с Э. Теллером). В 1946 году выдвинул гипотезу «горячей Вселенной». Сделал первый расчет генетического кода.

Я не имею права пренебрегать автобиографиями моих героев; тем более в особом случае Гамова, настолько эта личность своеобразна и настолько полно она отразилась в изданной самим Гамовым автобио-

ографической книге. Ниже цитаты из этой книги приводятся курсивом без специальных ссылок.

Предки матери Георгия Гамова, по семейному преданию, были запорожскими казаками, а его прадед по отцовской линии — офицером русской армии, которая этих казаков в конце XVIII века истребила. Отец преподавал литературу в одесской гимназии; его самого способного ученика звали Лев Бронштейн, который был более известен миру театральным псевдонимом своей матери — Троцкая.

Ребенок рос, и родителям ничего не оставалось, кроме как определить его в университет, сначала Одесский, который почему-то назывался Новороссийским, а потом, когда уровень преподавания юношу все же не устроил, в Петроградский. Впрочем, за время обучения Гамова университет вырос в Ленинградский, так что окончил он уже другой университет.

Это было время, когда преподавание в университетах перестраивалось с «научного» на «единственно верное», т. е. марксистское, отчего из Москвы наезжали специальные лекторы преподавать универсальный идеологический принцип всех советских ученых, «диалектический материализм». Экзамен для Гамова проходил драматически.

«Один из вопросов был: «Какая разница между животными и человеком?» Вспомнив свое раннее религиозное образование, я уже был готов ответить: «Люди имеют души, а животные нет», что привело бы к полному провалу. Но я вовремя поправился и ответил: «Никакой!». «Неверно, — сказал экзаменатор. — Согласно вот этой книге, люди используют орудия производства, а животные нет».

И Гамову поставили оценку «удовлетворительно», на его академические успехи, к счастью, не повлиявшую. Гамову «единственно верный метод» казался сплошной ахинеей, но мы-то теперь знаем, что в нем

содержался глубокий смысл: после его изучения все партийные документы начинали казаться большинству строго логичными. Меньшинство же, подобно Гамову, вынесло из изучения этого предмета, по его словам, только «единственно верное» истолкование различия между «диалектическим материализмом» и «матерным диалектом».

При этом Гамов не забывал о развлечениях с друзьями: их все вокруг называли «три мушкетера». Это были, кроме одессита Гамова, бакинец Лев Ландау и полтавчанин Дмитрий Иваненко, в дальнейшем не последние люди в советской физике.

Нет, читались, конечно, и другие лекции тоже. Например, математик А. А. Фридман читал «Математические основы теории относительности». Он нашел ошибку у самого Эйнштейна. Причем ошибку математическую — идеологические ошибки у Эйнштейна находили другие, это было гораздо проще.

При университете работали целых два больших научно-исследовательских института. Одним из них, назывался Рентгеновским институтом, в который настолько глубоко проник «единственно верный» метод, что его можно было назвать «Единственно Верным Рентгеновским Институтом», руководил академик Абрам Иоффе, и в нем работали сплошь евреи.

Зато другим руководил Дмитрий Рождественский, или «дядя Митя», в нем был только один сотрудник-еврей и назывался институт этот очень уместно ГОИ — Государственный оптический институт. Когда я окончил университет, профессор Рождественский взял меня аспирантом. Но поскольку я завершил сдачу экзаменов на год раньше, мне предложили год проработать преподавателем в Артиллерийской школе.

«Единственно верный» научный метод блюлся там не менее неукоснительно. Он стал аспирантом и начал исследовать рефракцию стеклянных блоков

в большом, наполненном водой сосуде, похожем на аквариум. Одновременно занимался и теоретическими исследованиями. Однако переход от теории к эксперименту требовал от Георгия пересечения Невы, а это было непросто. На трамвае эта операция затруднялась опасностью подхватить в давке тифозных вшей. Гамов предпочитал пересекать реку пешком по льду. Однако весной он нечаянно оказался в воде вместе с наручными часами, тогда большой редкостью. Владение методами экспериментальной физики помогло ему спасти часы: он искупал их в спирте и высушил. Но это было сигналом к тому, чтобы прекратить совмещать теоретическую физику с экспериментальной. Отныне Гамов стал теоретиком.

«Следующий год принес мне приятный сюрприз: когда я открыл Анналы Физики, в нем была моя с В. Прокофьевым статья об аномальной дисперсии света. Я даже не знал, что Рождественский, когда я уже бросил экспериментальную физику, дал ту же тему другому, более «рукастому» студенту, который довел ее до победного конца. Так появилась на свет моя первая и последняя статья по экспериментальной физике».

В 1928 г. с подачи профессора Хвольсона, ни одной лекции которого Гамов так и не посетил, хотя он и читал элементарную физику, Гамов был рекомендован постажироваться в знаменитый Геттингенский университет. Тогда еще такая форма обучения не была отставлена советчиками, хотя уже и появились трудности с валютой: никто не хотел принимать советские рубли. Но это не помешало Гамову устроиться с жильем и закрутиться в вихре квантовой механики. Он занялся теорией потенциального барьера. После Геттингена Гамов задержался в Копенгагене, где он работал с Н. Бором. Деньги подошли к концу, но Бор вызвался выбить стипендию.

«Работа в институте Бора была совершенно бесплатной; можно было приходиться как угодно поздно и оставаться сколько угодно, играя в пинг-понг, обсуждая вопросы физики или что-то еще. Но было одно условие: Бор все время что-то обсуждал и не желал делать никаких математических выкладок... Передо мной не стояла опасность попасть на такую работу, ибо Бор знал, что я еще чаще, чем он, делаю ошибки в трудных вычислениях и не могу быть полезным в стилистике и грамматике какого-либо иностранного языка».

Тем не менее проведенные Гамовым вычисления вероятности того, что альфа-частицы, бомбардирующие атом, попадут в его ядро, совпали с результатами Резерфорда, и Бор посоветовал Гамову съездить в Англию, познакомиться с ними Резерфорда. Ему, правда, удалось провести еще год в Кембридже, пользуясь стипендией Рокфеллеровского фонда, и выпустить там книгу о своих исследованиях. Зато его возвращение в Россию в 1931 г. было триумфальным. Газета «Правда» писала о пареньке «от станка» (то, что Гамов никогда не подходил к станку, не имело в глазах газеты никакого значения), который доказал капиталистам, что государство рабочих и крестьян может «рождать собственных Невтонов». Там же (на первой странице!) был тиснут длиннющий и архибездарный стих Демьяна Бедного (это при огромных-то «правдишных» гонорах!). Героем стиха был Гамов, фамилия которого рифмовалась со словом «хамов», отнесенным, разумеется, не к нему.

Гамов стал преподавать в Ленинградском университете, но сразу стало ясно, что он не рожден жить на советской земле. Во главе науки встали коммунистические чиновники типа некоего Гессена, который возглавил Физический институт Московского университета. По своей квалификации он был школьным учителем физики и, следовательно, физику знал.

Но не настолько, чтобы проводить современные исследования. Зато Гессен сумел возглавить «единственно верную» кампанию против теории относительности А. Эйнштейна. Эйнштейн был объявлен врагом марксизма, народа и власти советов, поскольку он отрицал наличие «мирового эфира», существование которого было предусмотрено самим «диалектическим материализмом». При этом то, что Энгельс ставил существование эфира под сомнение, а другие классики по этому поводу не высказывались, имело не больше значения, чем связь Гамова со станком. Эфир существовал, а ученым-марксистам следовало искать его механические свойства и все тут! Причем долгий и трудоемкий путь прохождения научных идей через журналы и конференции Гессена не устроил: он сразу написал статью в «Советскую энциклопедию», куда должны поступать только выверенные научные материалы.

Группа физиков во главе с Г. Гамовым и Л. Ландау решила, что надо действовать. Свой протест они воплотили в шуточное письмо Гессену, где написали, что статья об «эфире» вдохновила их на поиски, что «старик Альберт — идиот-идеалист», а они готовы под руководством Гессена пуститься в исследования. Конечно, они подозревали, что Гессен вознегодует, но не думали, что до такой степени. В Рентгеновском институте и в Политехническом институте состоялась совместная массовая разборка: Л. Ландау и А. Бронштейна отстранили от преподавания, но не от научной работы. Гамову тоже досталось: он стал «невыездным».

Гамов решил встретиться по этому поводу с Н. Бухариным. К их встрече тот уже прошел свой зенит и был председателем комитета, надзиравшего за советской наукой и техникой, который, конечно, не имел никакого политического значения. Бухарин однаж-

ды присутствовал на докладе Гамова по поводу производства электричества, и никакой связи между ними не было.

Но Бухарин запомнил молодого ученого. Удовлетворить просьбу он уже своей властью не мог, зато перекинул Гамова к В. Молотову, который с улыбкой обещал решить этот вопрос. И решили: отказаться, дабы не создавать опасного прецедента. Жены были более полезны как залог возвращения своих мужей, чем как стражи их морали за границей. Увидеть Молотова вторично не получалось, и Гамов пошел на опасный эксперимент.

«— Я не поеду в Брюссель.

— Но вы обязаны ехать, вы представитель Советского Союза.

Я, несомненно, действовал как безумец, так нельзя было говорить с советским правительственным чиновником.

— Вы, конечно, можете меня послать под охраной до границы Советского Союза, — сказал я, — но охране не разрешат проводить меня до Брюсселя и она не заставит меня занять место в зале конгресса.

Я повернулся на каблуках и вышел вон. На несколько дней я остался в Москве, ожидая ареста. На следующий день раздался звонок. Кто-то из паспортного отдела просил меня прийти и забрать паспорт.

— Второй паспорт тоже готов?

— Нет, только один.

— Позвоните мне, пожалуйста, когда оба паспорта будут готовы. Почему я должен дважды посещать вашу контору?

Такой же разговор состоялся через день и через два. На четвертый день тот же голос информировал меня, что оба паспорта готовы».

Зато во многом стало ясно, кто есть кто; кстати, неблагоприятна была роль академика Иоффе. А ведь в

гамовской истории были и весьма драматические страницы. В 1933 г. Гамов и его молодая жена Любовь, в научном просторечии Ро, хлопотали о выезде в Рим, но Гамова чиновники «кормили завтраками», пока не прошли все сроки. И тогда Гамов решил покинуть Россию с помощью не паспортов, а байдарки. Турецкий берег был в 270 километрах. Они позаботились о провизии (несколько фунтов шоколада и крутые яйца) и о навигации (компас, ночью Полярная звезда, днем горы позади и впереди, одни должны были исчезнуть, а другие показаться), о легенде по прибытии в Турцию (он назовется датчанином, покажет свои давно истекшие датские мотоциклетные права и попросится в посольство: там останется только связаться с Бором). Не учли неопытные мореплаватели только свою спортивную форму: чтобы преодолеть по морю такое расстояние, требовалась хорошая атлетическая подготовка. А Гамовы через день путешествия изнемогли и заснули в своей байдарке. Зато ветер стал крепчать, появились на гребнях волн белые барашки. Так что пришлось повернуть и после невероятных мучений не выйти, а упасть на свой берег.

Осталось попробовать Мурманск, но там была нужна моторная лодка. Да и шансы на успех... Черт побери, почему Россия устроена так, что на Черном море нет островов?

Но через несколько дней после прибытия в Ленинград пришло письмо от Наркомпроса, извещавшее, что Гамов включен в советскую делегацию на Сольвейевский конгресс в Брюсселе по ядерной физике.

«Поехать в Брюссель означало остаться за границей, а я не хотел делать это без Ро. Таким образом, проблема была в том, чтобы получить второй паспорт

или послушаться распоряжения правительства и не поехать на конгресс.

Единственный человек, который мог мне помочь, был Николай Бухарин».

Так покинул СССР первый невозвращенец в ранге члена-корреспондента Академии наук. В своей автобиографии он даже не упоминает об избрании, настолько его волновали в то время другие проблемы. Но самый большой сюрприз преподнес Гамову в Париже Н. Бор: он сказал Гамову, что тот должен вернуться в Москву, ибо Бор лично поручился за него коммунисту профессору П. Ланжевену и тот ходатайствовал перед Москвой — положение обязывает. Позднее этот разговор Бора станет лыком в строку с дезинформацией генерала Судоплатова о том, что Бор был советским агентом. Но в таком случае речь шла бы лишь о недоразумении между своими, так как, по Судоплатову, и Гамов тоже был советским агентом. Если оставить в стороне эти ГБ-истские трюки, то речь шла не только о репутации Бора; правительство могло и выдать советского гражданина, ведь в воздухе Парижа пахло народным фронтом. К счастью, Мария Кюри, по просьбе Гамова, переговорила с Ланжевенном и сообщила Гамову, что тот может остаться. Еще раз нельзя не поразиться сладкому прекраснодушию западных деятелей; они как бы не ведали, что дело идет о самой жизни двух людей. Я бы не поверил в искренность Бора, если бы сам не встречал таких, как он.

А дальше прошло много лет, занятых звездами, их пышными расцветами и чудовищными невзгодами, работой по созданию ядерного оружия (к атомной бомбе Гамов еще не был допущен из-за малости своего американского стажа: состояние в категории «порядочных людей» тогда к нему не приравнивалось), двадцатью двумя популярными книгами (не

слишком ли много?), наконец, «экскурсом», как он сам его назвал, в генетику.

Вокруг Гамова стоял гам, т. е. обстановка легкого скандала. Он всегда шокировал академические круги, которые и сами были не прочь пошутить и посмеяться, в меру разыграть кого-то, вежливо связать. Но у Гамова это всегда получалось сверх меры. За официальным столом он начинал рассказывать скабрезную историю по-французски, не соизмеряя, из-за плохого владения языком, степени неприличности используемых выражений.

Популярные книги он не только писал, но и отчасти объяснял своему постоянному слушателю мистеру Томпкинсу, забавному, скромному, любознательному банковскому служащему, которого он выдумал. Но когда м-р Томпкинс появился в роли соавтора серьезной статьи Гамова по генетике, публикация затянулась, ибо редакторы оказались, как ни странно, народом начитанным... В этом гаме естественно затерялись голоса тех, кто считал Гамова достойным Нобелевской премии. Ученый может быть против «теории стационарного состояния». Но Гамова не пригласили, по его мнению, на Сольвейевский конгресс 1958 г. из-за критики этой теории, выполненной в форме пародии на... Библию. Этому человеку было тесно в любых рамках, в том числе и в рамках портрета нобелевского лауреата.

Американский инженер Степан Тимошенко

Тимошенко Степан Прокофьевич — родился 11 декабря 1878 г. в с. Шпотовка Сумской области, умер 29 мая 1972 года в г. Вупперталь, ФРГ. Окончил Петербургский институт путей сообщения по специальности «механика» и с 1903 по 1906 год там же преподавал.

С 1907 по 1911 год профессор Киевского политехнического института, с 1912 по 1917 год — профессор институтов в г. Петербурге. В 1918 г. избран академиком АН Украины. В 1920 году эмигрировал в Югославию, а затем в 1922 году в США. Работал там в компании «Вестингауз», с 1927 г. — профессором Мичиганского университета, а с 1936 года — Станфордского университета. В 1960 году переехал в ФРГ. Основные научные труды посвящены механике твердых деформируемых тел и расчету сооружений. Создал классическое учебное пособие «Курс сопротивления материалов» (1911 г.) и «Курс теории упругости» (1914—1916 гг.). Член многих академий мира, иностранный член АН СССР (1928).

Он по праву считается здесь «русским ученым», хотя в нем и нет, говоря в современных терминах, русской крови: мать Степана была полькой, а отец — украинцем. Тем не менее Тимошенко — это русский

ученый в лучшем смысле этого слова. Россию ее правители размахнули на полсвета с запада на восток, а с севера на юг. Некто постарше их располосовал ее гигантскими реками, которые для коммуникаций скорее помеха, чем подспорье. Чтобы связать всю эту громаду в целое, нужны были дороги. Их-то и предстояло построить русским инженерам. А для того требовалось рассчитать рельсы, подогнать детали паровозов, найти очертания огромных мостов... Да точнее, чтоб лишняя сталь не оседала мертвым грузом в конструкциях, давая ход алчным конкурентам. Вот почему именно железнодорожные задачи стали главными для славной плеяды русских инженеров (Журавского, Лолейта, Ясинского, Коробова, Шухова, Белзецкого и др.). Даже звучание фамилий выдаст, что не все они были русскими по крови. Но русский простор стал частью их профессионального мышления.

Вот что привело способного мальчика из г. Ромны в Петербургский институт путей сообщения — головной мозг дорожного организма России. Собственно, он бы с наименьшей охотой отправился в университет изучать математику. И это была бы серьезная потеря как для России, так и для Америки, но... это было невозможно. И тут, видимо, впервые для него дала себя знать нелепость российской действительности — сколько еще раз придется с ней столкнуться рациональному мозгу инженера! Дело в том, что он, выпускник реального училища, не имел права поступать в университет. Хотя математику ему давали в большем объеме, чем в гимназиях, но не учили древним языкам. Как будто Эвклида можно изучать только по подлиннику, а не по прекрасному учебнику Киселева! Может, отсюда (все мы люди!) пошла у Тимошенко придиричивая ревность к университетским математикам.

Математику в институте им преподавали непра-

вильно, считал Тимошенко. «Инженерам нужно знать только, что составляет суть математических дисциплин и как эти знания применять на практике». Этому профессора математики не учили. Они лишь повторяли курсы, которые им преподавали в университетах, перегружая их доказательствами, но почти не давая приложений. Великий математик и логик Бертран Рассел сказал: «Математики готовят в вузах только преподавателей математики, чтобы те готовили, в свою очередь, преподавателей математики и т. д. до бесконечности». Тимошенко разделял это суждение. Много лет спустя знаменитый физик А. Ф. Иоффе, соученик Тимошенко по ромненской гимназии, напишет, что Тимошенко принесло славу внедрение современных достижений математики в инженерные расчеты. Это отчасти верно, хотя тут и сквозит снобизм, присущий физикам. На самом деле Тимошенко использовал математику лишь как утилитарный язык инженерных рассуждений, никогда не выпячивая ее на первый план. Лекции по математике Тимошенко не слушал, отдавая предпочтение инженеру Белзецкому, который давал на своих лекциях много примеров. Посещение лекций тогда было добровольным, когда число слушателей падало ниже двух-трех, чтение курса с облегчением прекращалось.

А вокруг был шумный студенческий Петербург, Шаляпин в Мариинке, война с Японией, студенческая столовая. Всему этому Тимошенко отдал долг. Он участвовал в студенческом самоуправлении, желал победы японцам, все чаще выступал как инженер-расчетчик во многих проектах. Окончил курс в числе первых, но не первым, подчеркивает Тимошенко в своей автобиографии: таким людям препятствует в первенстве их избирательность. Вскоре после окончания он был приглашен преподавать в свой институт. Но тут произошла осечка: Тимошенко преградила путь первая русская революция, институт был

закрыт за отказ студентов повиноваться приказам. Но границы государства оставались открытыми, и Тимошенко отправился в Германию посмотреть, как живут, учатся и рассчитывают конструкции европейцы. Здесь на него большое впечатление произвела восходящая звезда немецкой механики Людвиг Прандтль. Курс, который он прочел, лег в сознание Тимошенко плодородным слоем. Тем временем Россия временно успокоилась, поезда стали снова ходить по расписанию, восстановились и расписания лекций. Тимошенко стал профессором Киевского политехнического института. Началась его карьера лектора, которая продолжалась много лет и завершилась лишь в 60-х годах в Станфордском университете, штат Калифорния.

Тимошенко оказался замечательным лектором. Слушавший его лекции профессор К. С. Завриев (кстати, очень многие из его слушателей стали профессорами) рассказывал автору о лекторской манере Тимошенко. Каждую лекцию Тимошенко строил как решение инженерной задачи, которую он формулировал вначале. Всегда без всяких записок он создавал иллюзию, что решение ищется на глазах у слушателей. Нередки были и ошибки, которые слушатели находили сами, шумно споря друг с другом. Эти моменты он считал самыми продуктивными в процессе обучения, а вовсе не механическое списывание с доски готовых формул. Конечно же, это была лишь артистическая имитация процесса творчества. На самом деле вывод формул был тщательно подготовлен дома, но студентам решение казалось нетрудным благодаря такому подходу, и лектор из-за ошибок не выглядел неподражаемым небожителем. Студент чувствовал себя и сам готовым к приятному процессу рождения новых формул. На вопрос, все ли ошибки рождались естественно, не было ли нарочитых, Завриев уверенно не ответил.

Казалось, ничто не было способно прервать эту победоносную карьеру. Была подготовлена первая книга, Тимошенко стал деканом строительного факультета университета. Как вдруг все рухнуло в одночасье. И виной всему был, как это часто бывало в истории, пресловутый «еврейский вопрос». Нет, ни сам Тимошенко, ни его родственники не были, как говорится, «ни в одном глазу»... Но проклятый вопрос достал и его! Все получилось из-за конфликта между рациональным мышлением инженера и вздорными бюрократическими установлениями, а точнее из-за процентной нормы на прием евреев в политехнический институт. Да какой нормы! Целых 15 процентов! О такой норме во времена «брежневского застоя» евреи и мечтать не смели. Но в 1910 году не хватило и этой гигантской нормы. Молодой профессор и слышать не хотел ни о каких нормах, считая их оскорбительными для коренного населения Украины.

Ослушание уже тогда каралось в России сурово. Тимошенко был изгнан с должности с «волчьим билетом», без права работы в правительственных учреждениях, а частных технических институтов в России тогда не было. Отобрана была и казенная квартира. Встал вопрос о хлебе насущном и для самого профессора, и для двух его маленьких дочерей. О том, как восприняла эту кару профессиональная среда, как все коллеги почувствовали себя оскорбленными этим шагом властей, стоит сказать особо. Ему была присуждена Всероссийская премия имени А. Журавского. Чтобы обосновать премию, лучшие механики России написали и издали (что обычно не делается!) восторженные отзывы о его работах. Среди них были и университетские механики Колосов и Бобылев, которые, если говорить по чести, тогда не были высокого мнения о его работах, но гражданский долг ставили выше профессионального. В 1978 году, к 100-ле-

тию со дня рождения Тимошенко, мне удалось опубликовать этот эпизод в журнале «Техника и наука». У редакторов чесались руки выбросить неприятный для сопоставления факт, он мог бы оставить чувствительный след в их карьере: но каждый из них думал: «Почему это должен сделать я? Пусть лучше кто-то другой». В итоге издевательские «15 процентов» увидели свет.

Но политический климат России переменчив: через пару лет страсти вокруг скандала перешли в обычную российскую скукоту, и Тимошенко снова в Петербурге, он профессор института путей сообщения. Правда, время стоит необычное, когда-нибудь его назовут порой наивысшего подъема российской промышленности. Растут домны и электростанции, набирает силу индустриальный капитал. Нужны фонды, сырье, рабочая сила и... уравнения, которые привели бы все в действие. Тимошенко привносит последнее. Его имя становится все более известным. Но периоды успешного движения вперед в России обычно недолги. Вдруг события снова пошли чехардой: война, революция, разруха и самое страшное — большевики.

Сначала Тимошенко бежал от них в Киев, к украинским националистами. Там он ввязался в создание Украинской Академии наук. Ездил в Ростов, договаривался о сотрудничестве с русским «добровольческим правительством». Из этого, разумеется, ничего не могло выйти: там слышать не хотели ни о какой-то «малороссийской» науке. Не лучше обстояло дело и в самом Киеве: Тимошенко упорно говорил только по-русски, не желая переходить на знакомый, но непривычный украинский. Так что, по известной схеме В. Некрасова, он попал в «великодержавные самостийщики». А тем временем большевики стремились к Киеву. Тимошенко казалось, что нужно немного переждать, сохранив себя, и безумие, овла-

девшее Россией, кончится. Это привело его сначала в Загреб, где он, буквально мимоходом, стал основателем хорватской школы в механике. В 1970 году Тимошенко опубликует свою последнюю научную статью: она будет в юбилейном сборнике патриарха хорватской механики Хлитчиева, армянина по рождению и его ученика. Между тем время шло, а безумие не проходило. И в 1922 году Тимошенко решил пересечь океан.

Для преодоления языковых трудностей он взял в университете курс «Египетская культура» на английском языке. Конечно, это мало помогло в объяснениях анализа напряжений. Неумолимый возрастной ценз не позволил Тимошенко полностью овладеть английским. Его английский остался по сути дела русским, в котором подставлены английские слова. Как же случилось, что сорокапятилетний ученый буквально заставил Америку понимать русский язык, да так, что это ощущается в языке американских механиков и сейчас? Эта часть жизни Тимошенко овеяна легендами, которые нам сейчас придется разоблачать.

Начнем с популярной легенды о том, как Тимошенко устраивался в фирму «Вестингауз». Если верить тому, что говорили в свое время в курилках советские инженеры промеж анекдотами, начальник научно-исследовательского отдела фирмы, поговорив с Тимошенко, сказал: «Садитесь на мое место. Я не только менеджер, я еще и акционер. Мне выгоднее, чтобы на месте начальника были вы, чем если я им буду». От этой легенды так и несет той святой верой в совершенство американской системы предпринимательства, которую исповедовали многие совки, находясь на почтительном расстоянии от Америки. Такое совершил за всю историю науки только один раз английский физик Барстоу по отношению к Ньюто-ну, да и то давно дело было и мы не знаем деталей.

В случае с Тимошенко все было куда прозаичнее:

чтобы опубликовать на английском свою первую книгу, Тимошенко взял своего начальника, Лессельса, в соавторы. Собственно, Тимошенко перевел на плохой английский свой курс теории упругости, а Лессельс приложил к нему скромный экспериментальный раздел. Так дело было доведено до обоюдного удовлетворения с помощью тихого компромисса, без высекания жертвенных искр. Книга была переведена на русский и доступна всем, но в ней не было обаяния легенды.

Вторая легенда говорила о том, как Тимошенко отбирал сотрудников. Сначала проводился серьезный экзамен по математике с трудными по-настоящему задачами. Те, кто прошел его успешно, из дальнейшего отбора исключались. «Это математики, — говорил Тимошенко, — они не заинтересуются инженерным делом, а если и заинтересуются, то напишут такое, что я сам не смогу понять». Затем следовал трудный инженерный экзамен из задач, каждая из которых заканчивалась диаграммами поведения различных инженерных характеристик. Предполагалось, что экзаменуемые должны были произвести сложные расчеты и отразить их результаты в диаграммах. Большинство экзаменуемых в расчетах запутывались, не успевали, на их диаграммах появлялась всякая ерунда. Эти тоже выбывали из соревнования. Наконец, единицы среди соискателей понимали, что получить диаграммы в отведенное время невозможно, и придумывали их. Кто подогнал диаграммы правильно, выигрывал состязание.

В этой легенде больше истины. Тимошенко и в конце жизни поругивал чистых математиков за бессодержательность и элитарность их работ, он возражал против засилия математики в инженерном деле. Посещая Ленинградский институт путей сообщения в 1957 году, он говорил об этом тогдашнему заведующему кафедрой строительной механики профессо-

ру А. П. Филину, который живет ныне в Линне, штат Массачусетс. Однако все важные решения в Америке принимаются коллегиально. Особенно о приеме на работу. И провести в жизнь такую схему приема на работу математика Тимошенко не дали бы. Хотя он, конечно, ценил инженерную интуицию. А когда инженеры лишь следуют формулам и компьютерным программам, которых не понимают, итог получается плачевным.

Третья легенда, вопреки второй (с легендами это случается нередко), говорит о перестройке, которую произвел Тимошенко во всем инженерном образовании США. Если раньше американские студенты не получали вывода формул, а имели их в готовом виде, то в книгах Тимошенко они увидели доступные им выводы всех формул. С тех пор вывод формул приобрел в американском образовании такую же роль, как и в европейском.

Эта легенда, которой и автор отдал должное в статье 1978 года, преувеличивает значение одного человека, даже очень влиятельного, на такую большую и сложную систему, как американское высшее образование. Конечно, учебники Тимошенко содержат превосходные выводы многих уравнений. Но эти выводы не заняли ведущего места в техническом образовании, а основным содержанием экзаменов остаются задачи. И Тимошенко защищал эту американскую черту образования, будучи в Союзе, хотя и не советовал абсолютизировать ее.

Очень трудно объяснить непосвященным суть сделанного Тимошенко. Поэтому мы ограничимся кругом читателей, имеющих техническое образование. Тимошенко намного расширил круг конструкций, которые поддаются аналитическому или численному анализу. Наряду с вопросами прочности он широко использовал расчеты на устойчивость и колебания. Причем вместе со стержневыми конфигурациями,

часто исследовал пластинки, оболочки и трехмерные тела. К явному неудовольствию специалистов, нам придется здесь покинуть мир профессиональных терминов, автор чувствует, каково среди них непрофессионалам. Взамен этого обсудим человеческие черты ученого.

Обращает на себя внимание долголетие Тимошенко (он прожил 94 года). Тем более, что в молодости ему случалось серьезно болеть. Объяснением служит образ жизни и творчества ученого. В пожилые годы он не стремился не отстать от молодых и не лез, очертя голову, в сверхновые научные области, а предпочел спокойную основательность историка науки. Последняя из написанных им книг — результат поездки в Россию. Это книга о постановке высшего образования в СССР. Она помогла американцам понять, в чем они уступали Советам в начале космической эры, в 50-х годах, и быстро наверстать упущенное. Советские коллеги не могли понять, что заставляет старого американца часами беседовать на кафедрах с молодыми коллегами на своем нафталиновом русском языке. Например, Тимошенко вспоминает в автобиографии, что вызвал смех, сказав: «Как у вас много барышень среди студентов. У нас в Америке их мало». («Оказывается, нужно было сказать «девушек».) Выходит, и эти беседы были не случайными, ученый вел их на благо своей страны, не просто любопытства ради. Не забыл он заглянуть и в Музыкальный театр, сдержанно похвалил «Севильского цирюльника».

Интересны его оценки советских ученых. Например, М., ученого с негромким именем, но постоянно подвизавшегося на ниве международных контактов, Тимошенко в автобиографии уверенно зачислил в ГБ. М. по этому поводу умно негодовал, он гордился смелостью своих суждений. Мой шеф, когда я ему рассказал об этом, реагировал академической фра-

зой: «Этот результат я получил независимо от Тимошенко». По своим убеждениям, Тимошенко относился к умеренным кругам эмиграции, что отдаляло его от двух братьев, профессоров русского университета в Праге: те были убежденными и активными антисоветчиками.

Большинство книг Тимошенко выпустил в Америке с соавторами-американцами Янгом, Гере, Войновским-Кригером, а соавтор Гудьер стал к тому еще и зятем ученого. Книги выдержали по многу изданий, их и сейчас еще трудно застать на полках библиотек, хотя как учебники они уже не употребляются — это весьма состязательная область деятельности. Все его книги немедленно переиздавались в Москве, издательства их не рецензировали: имя автора говорило само за себя. Только координировали, чтобы не вышли два издания одновременно. До недавнего времени издания были пиратскими и ученый не получал с них ни гроша.

Умер Тимошенко в Вуппертале (Германия), где жил в последние годы с овдовевшей дочерью: умер не от болезни, а оттого, что упал в ванну при купании и у него оторвалась почка. Он прожил длинную и славную жизнь, закончив в срок все земные дела. Вот почему по поводу такой смерти позволительно сказать, что она, как и его жизнь, была профессионально и неотделимо связана с проблемой прочности.

Трудное отцовство Владимира Зворыкина

Я также верю, что в течение следующего десятилетия будет разработан способ передачи и приема живых картин.

Давид Сарнов (1923)

Зворыкин Владимир Кузьмич — родился 30 июля 1889 года в г. Муроме, умер в США.

Закончил Петербургский технологический институт в 1912 году, а в 1914 году Коллеж де Франс в Париже. В 1917 г. эмигрировал из России, а в 1919 году переехал в США, где поступил на работу в фирму «Вестингауз-электрик». В 1926 г. получил степень доктора философии в Питсбургском университете, а в 1938 году степень доктора наук в Бруклинском политехническом институте.

С 1929 года работал в Американской радиокорпорации, где возглавлял лабораторию электроники в Камдене и Принстоне.

В 1931 г. создал первый иконоскоп — передающую трубку, которая сделала возможным развитие электронных телевизионных систем. С 1954 по 1962 год директор Центра медицинской электроники, член Американской академии искусств и наук, а также многих других академий и научных обществ.

Мы живем в «век телевидения», что не мешает нам на все лады клясть их обоих, и телевидение, и наш век. А между тем век наш — не сирота безродная, у него есть отец. Кто же он? Посмотрите в Американскую Академическую Энциклопедию, обычную или еще лучше в новейшую, «Гролиер», на компактном диске. И вы узнаете, что «отцом телевидения» называют в Америке Владимира Кузьмича Зворыкина (1899—1982). Правда, год рождения указан неверно, на самом деле он родился в 1889 г.; но таким невниманием к родителям грешат многие дети — главное родство признают! По вине латинского алфавита, статья о Зворыкине находится в самом конце энциклопедии, когда внимание редакторов ослабевало.

А заслуги Зворыкина в создании телевидения огромны, переоценить их гораздо труднее, чем заслуги А. Попова в открытии радио, на которых, кстати, не настаивал и сам «изобретатель», ленинградский профессор, доживший до 20-х годов и отнюдь не страдавший болезненной скромностью.

Если кто-то, подобно мне, захочет узнать из книги А. Эйбрамсона, кто изобрел телевидение, его ждет нелегкая задача. Недаром автор предисловия к этой книге д-р Альберт Розе предупреждает: «Общая и всеупрощающая практика признания кого-либо «отцом» телевидения есть патентованное искажение истории... Скорее можно говорить о взаимодействии сотен ведущих ученых в их движении к общей цели, причем каждый двигался своим путем». И тем не менее в признании «отцовства» Зворыкина есть большая доля истины. Идея передачи изображений на большие расстояния очень стара, она намного старше передачи звуков, т. е. радио. Ее предыстория относится к 1671 году, когда священник Афанасий Кирхнер описал прин-

цип «волшебного фонаря». В XIX веке идея считывания изображения, как неподвижного, так и движущегося, получила уже значительное концептуальное и практическое воплощение. Только в 1880 г. в разных странах было предложено и опубликовано семь (!) различных систем телевидения. Особенно плодотворным выдвинулось представление о перфорированном диске, который использовался для сканирования изображения, его передачи и проецирования. Такие электромеханические устройства, «диски Нипкова» (по имени их первого конструктора, польского инженера), позволяли довольно просто передавать изображения сравнительно низкого качества. Сотни ученых занимались совершенствованием механической развертки изображения во всем мире до конца 20-х годов, прежде чем все поняли, что этот способ развертки слишком неуклюж и представляет собой тупиковый вариант.

Современное телевидение, как это бывает часто, родилось из неглавного направления исследований, также, однако, представленного десятками имен. В 1907 г. петербургский профессор физики (электроники тогда еще не было) Технологического института Борис Львович Розинг попытался запатентовать электроннолучевую трубку в качестве приемника. Сначала изображение в электроннолучевой трубке сканировалось, а затем передавалось принимающей трубке. В 1911 году Розинг усовершенствовал систему синхронизации передатчика и приемника и продемонстрировал свой прибор публично, получив Золотую медаль Российского технического общества. Однако до бытового телевизора было еще далеко, предстояло решить кучу технических проблем. Розинг покушался на них и даже пытался в 1925 году в СССР кое-что запатентовать, но всех трудностей не преодолел.

Владимир Зворыкин родился в семье состоятельного купца, владельца волжских пароходов, в г. Муроме Владимирской губернии, который выделяло огромное количество церквей: наряду с религиозностью характеру купца были свойственны непоседливость и даже авантюризм. Как выяснилось позже, у отца Зворыкина были причины подчеркивать свою религиозность. По настоянию отца юноша поступил в Петербургский технологический институт и летом 1911 г. участвовал в работе Розинга в качестве студента-старшекурсника. В следующем году он окончил институт и в течение двух лет перепробовал несколько занятий, не выявив, однако, большой целеустремленности. Например, почти год он провел в аспирантуре у знаменитого французского физика Поля Ланжевена, но это его, кажется, мало вдохновило, и вскоре он уже был дома. Когда в 1914 г. началась первая мировая война, его призвали в российскую армию. Там, хотя он и служил радистом, пропали для исследования еще четыре года.

В конце 1919 г. Зворыкин с трудом, через Токио, попадает из Омска в Америку, но не в роли эмигранта, а в качестве официального представителя правительства Колчака, чтобы вести переговоры о поставках продовольствия в Россию. Это был уже его второй за год визит в США. Но он знал, что белые правительства в России обречены, надо было устраиваться на работу. Рискнем предположить, что Зворыкин, как это приходится делать эмигрантам нередко, сперва несколько преувеличил свой телевизионный «экспириенс», но в следующем году он стал сотрудником известной фирмы «Вестингауз» по разработке систем телевидения — большой успех, если учесть, что он был никем. Вспомним, что Сикорский в то же время мыкался пять лет, но он уже был Сикорским!

Вспомним также, что фирма «Вестингауз» первая дала приют и Тимошенко.

Правда, условия контракта Зворыкина не были идеальными. В 1921 году он уходил из фирмы «Вестингауз» в одну канзасскую компанию, потом вернулся, оговорив лучшие условия контракта; теперь за ним сохранялись права на прежние открытия и лишь новые принадлежали фирме.

По-эмигрантски быстро войдя в дело, Зворыкин уже в 1923 году подал заявку на патент передатчика изображений с электроннолучевой трубкой, содержащей пластинку, покрытую слоем фотоэлектрического материала. Впоследствии ему пришлось сожалеть о приведенном в заявке описании прибора, так как оно стало предметом длительного судебного разбирательства.

Свет от изображенного предмета вызывал электронные излучения различной интенсивности, зависящие от яркости объекта. Это электронное излучение усиливалось ионизацией паров аргона, которые заполняли контейнер. Таким образом, система Зворыкина позволяла передавать и получать телевизионное изображение чисто электронным путем, используя развертку изображения электронным лучом, без всякого механического движения. Это было существенным преимуществом зворыкинской системы, идея которой, как он сам все время подчеркивал, принадлежала Розингу. (И британцу Аллану Суинтону, который по совпадению предложил ее тоже в 1911 году. Поистине созревшие научные идеи витают в воздухе.)

В 1925 году, когда предыдущий патент еще гулял по бюрократическим инстанциям Патентного управления США, а автор тщетно пытался заменить в нем один фотоэлектрический материал другим, Зворыкин подал на патентование другой проект, посвященный

уже цветной системе телевидения. Этот проект прошел на удивление быстро: в 1927 году права Зворыкина были признаны в Великобритании, а в 1928-м — в США. Собственно этого было уже достаточно, чтобы считаться изобретателем телевидения. Однако примерно в то же время ряд аналогичных проектов был запатентован или представлен на патентование в США, Великобритании, СССР, Франции, Германии и Японии. Сравнение их осложняется тем, что авторы использовали неустоявшуюся терминологию на своих языках, а порой скрывали наиболее важные элементы патента. Но в системе, созданной Зворыкиным, был, по-видимому, выше уровень практической доработки; одно время казалось, что еще одно усилие, и система телевидения будет создана.

Однако трудности оказались по-прежнему непреодоленными. Компания «Вестингауз» теряла терпение, все время откладывая продолжение финансирования. Практически начиная с 1926 г. Зворыкин телевидением в «Вестингаузе» уже не занимался: компания переключилась на разработку не признаваемой им электромеханической системы; зворыкинский проект казался ей журавлем в небе. Более того, отношения обострились настолько, что компания даже мешала принятию патентов своего же сотрудника. Можно себе представить, насколько неуютно было в это время эмигранту. Гиганты индустрии США Эй-Ти-эн-Ти, «Дженерал Электрик» и «Белл» тоже смущенно мялись, боясь завязнуть в нескончаемом проекте. Энтузиасты были заняты отстаиванием своих приоритетов, от них не стоило ждать поддержки. Но изобретатель не сдавался; он надолго отправился в Европу, чтобы познакомиться с тамошними достижениями в этой области. Снова и снова старался добиться поддержки.

В 1928 году Зворыкин встретился с могуществен-

ным генеральным менеджером «Радиокорпорации Америки» (РКА) Давидом Сарновым. Впоследствии, через 25 лет после встречи, Сарнов вспоминал, что в объяснениях изобретателя он абсолютно ничего не понял, но ему понравился сам Зворыкин как деловой человек и он согласился выделить на проект 100 млн долларов, которые тот запросил. Хотя этого дипломатичный Сарнов не сказал, можно предположить, что секрет обаяния Зворыкина объяснялся еще и языком общения: оба они были эмигрантами из России. А английский язык Зворыкина не был совершенным. Так или иначе, но после бесконечных согласований и проволочек в 1930 г. Зворыкин был назначен руководителем лаборатории электроники РКА и пять предложенных им сотрудников вошли в нее, в том числе привезенный Зворыкиным из Европы Григорий Оглоблинский, которому принадлежала в последующих событиях ведущая роль.

Несмотря на связь с колчаковцами, Зворыкин не был непримиримым антисоветчиком. В 1934 г., после установления Рузвельтом дипломатических отношений с СССР, Зворыкин, ставший еще в 1924 г. гражданином США, приехал с частным визитом в СССР, читал лекции, знакомился с деятелями советского околотелевизионного мира. Он провел в СССР полтора месяца, но это не дало ему настоящих друзей в правящей верхушке этой страны.

Конечно же, при этом закон Паркинсона, гласящий, что «каждый проект стоит втрое больше, чем на него отведено средств», в отношении телевидения более чем подтвердился: на доработку зворыкинской системы ушло 10 млн долларов, прежде чем система заработала, и 40 млн долларов, прежде чем она стала приносить доход. Но зато вскоре система «Иконоскоп» позволила передавать полноценные изображения, которые принимались на

кинескопах тоже зворыкинской системы. Три камеры передающей системы помогли устроить прямую передачу с Олимпийских игр 1936 г. из Берлина. Так волей судеб только что созданное телевидение сразу же славно послужило рекламе гитлеровского режима, что заставило многих критически задуматься о полезности научного прогресса. Благо телевизионная аудитория была не очень велика: принимающая система механического типа стояла в специально снятом театре в Лондоне.

Все 30-е годы прошли в ожесточенной конкурентной борьбе десятков создателей систем телевидения. Только в Соединенных Штатах над созданием электронных систем телевидения успешно работали Файло Фарнуорт, Джон Бэйрд, Эдвин Армстронг и многие другие. А сюда нужно приписать француза Пьера Шевалье, немца Манфреда фон Арденне, японца Кендзи Такаэнаги... Не все конкуренты вели себя как джентльмены: случались и подлоги. В итоге патентную схватку выиграл Зворыкин: в конце 1938 г. он наконец-то получил патент на электронное телевидение, которого ждал 15 лет — да, это был тот самый патент 1923 г., причем всего поступило 11 заявок на установление приоритета! И почти у каждого из заявителей были какие-то основания участвовать в этой гонке. Зворыкин доказал, что если и использовал достижения своих конкурентов, то делал это законно, купив право на них.

Итак, телевидение было в принципе создано и нуждалось лишь в совершенствовании, что Зворыкина мало вдохновляло. Он не стал даже доводить до ума свою же систему стереоскопического телевидения, запатентованную еще в 1932 г. и использующую две передающих трубки с катодными лучами. Его ждали новые поприща, а может быть, он просто ус-

тал от телевизионной гонки и хотел заняться чем-то далеким от острия общественного внимания.

Лаборатория, которой заведовал Зворыкин, хотя и выиграла главный телевизионный приз, но недаром называлась лабораторией электроники, а не телевидения. Телевидение было лишь одним из направлений ее деятельности. Как только телевидение лишилось ореола новизны и стало вязнуть в производственных проблемах, центр тяжести исследований Зворыкина переместился в сторону электронной микроскопии. Фактически микроскопия была для Зворыкина той же передачей изображений, что и телевидение, только изображений очень малых предметов. Но, разумеется, это была совершенно новая наука. Он был соизобретателем электронного микроскопа, который позволяет увеличивать изображения микроскопических объектов в миллионы раз. Им издана книга об электронной микроскопии.

Когда началась вторая мировая война, Зворыкин переключился на военную радиотехнику и был привлечен своим другом генералом Сарновым к военным разработкам. Здесь в активе Зворыкина были управляемые по телевидению бомбы. Во время второй мировой войны он руководил специальным Фондом военной помощи русским и даже навлек на себя слежку американского ФБР — что делать, ужинать с коммунистами нужно было с длинной ложкой. С 1943 по 1945 г. ФБР следило за ним, обнаружив, что он имеет интимные отношения с некой «коммунисткой» Екатериной Полевицкой, особой на год старше его, а также, что он... еврей! В силу какого-то из этих открытий в 1945 г., ему не дали визы для посещения ряда европейских стран. Впрочем, первое из них вскоре подтвердилось: в 1951 году Зворыкин действительно сочетался браком с Полевицкой — она и ее муж, скончавшийся годом раньше бывший мэр г. Мурман-

ска, долгие годы были его друзьями и соседями. Зворыкины, обвенчанные в православной церкви, были образцовыми супругами до его смерти. Первая жена Зворыкина Татьяна, с которой он не жил с 1930 г., в конце 1994 г. была еще жива во Флориде — ей было уже за сто!

Некоторые изобретения Зворыкина вырастали из запросов жизни естественно и свободно. Например, незадолго до его ухода на пенсию в 1954 г. он разработал пилюлю с радиопередатчиком, которую пациент глотал, и она выдавала данные о состоянии дел в его желудке и кишечнике. Много занимался Зворыкин в последние годы и компьютерами, не забывая, впрочем, и свое главное детище — телевидение. Под письмом президенту США, где обращалось внимание на будущее компьютеров, письмом, положившим основу компьютерного царства, подпись Зворыкина соседствовала с подписью Джона фон Неймана, крупнейшего математика века. Последний патент Зворыкина датирован 1957 г.: это установка, включающая электронный микроскоп для наблюдения живых клеток в медицинских исследованиях.

Зворыкина объединяют с Сикорским (1889—1972) совпадающие даты рождения, почти одновременное бегство из России в Америку и то, что оба они были наиболее успешными изобретателями своего времени, опередившими и определившими это время. Есть у них и еще одно общее свойство — полное непризнание при жизни на далекой российской родине, «розоватость» Зворыкину не помогла. К примеру, Большая Советская Энциклопедия издания 1956 г. персоналий таких людей не дает, хотя они глухо упомянуты как творцы открытий, которые давали им место в энциклопедии. Это вдвойне нелепо оттого, что все эти годы шла ожесточенная охота за так называемым «приоритетом русских ученых». Не гнушаясь пере-

держиванием фактов, притягиванием за волосы и даже прямой фальсификацией документов, советские околонаучные борзописцы исступленно прославляли «научные подвиги» бесплодных прожектеров Попова и Можайского, якобы изобретших радио и самолет. Хотя сами Попов и Можайский вины за свое возвеличение не несут, они на него не претендовали. Между тем люди, на чье место они были несправедливо водружены, подлинные русские гении, безнадежно замалчивались в угоду всесильной политике. Особую непримиримость, естественно, проявляли по отношению к создателям военной техники. А именно в этом направлении много работали Зворыкин и Сикорский и за это они были наказаны. Со Зворыкиным играли в молчанку до 1959 г., когда он приехал в Москву на открытие американской выставки.

Обобрав народ России материально и духовно, большевики попытались взгромоздить на пьедесталы и вознаградить почестями ложных кумиров, тем самым, как им казалось, восстанавливая равновесие. Но делали это столь коряво и топорно, что были законно освистаны во всем мире. Ни Попов, ни Можайский ни в какие западные энциклопедии, понятное дело, не попали. Но памятников Зворыкину и Сикорскому нет ни в Муроме, ни в Киеве и сегодня. А не помешали бы...

Василий Леонтьев — апостол планирования

Умение видеть погрешности в основных понятиях, которое слишком долго считалось само собой разумеющимся, является на самом деле очень редкой особенностью ученого. Не думаю, чтобы кто-то превосходил Леонтьева в этом отношении.

Роберт Дорфман

Леонтьев Василий — родился 5 августа 1906 г. в Петербурге, умер в 1982 г. в США.

Окончил Ленинградский университет в 1925 году. В 1925—1928 гг. учился в Берлине. В 1931 г. эмигрировал в США, где начал преподавать в Гарвардском университете. С 1948 г. — директор службы экономических исследований. Разработал метод экономического анализа «затраты-выпуск», создание которого начал еще в России в 1924—1928 гг. Предложенные Леонтьевым методы используются в практике прогнозирования капиталистической экономики.

Лауреат Нобелевской премии 1973 г.

Предки Леонтьева были простые крестьяне, но

прадед оторвался от земли и переехал в Петербург. Его дед разбогател, открыв там ткацкую фабрику. Один из сыновей деда женился на англичанке, откуда пошла британская ветвь семьи Леонтьевых. Отец будущего «нобелевца» был уже русским интеллигентом, профессором экономики труда Петербургского университета. Так что Василий шел по проторенной тропе, но шел невероятно быстро: в 14 лет он окончил гимназию и в 1921 г. поступил, одновременно с Гамовым и Рэнд, в Петроградский университет.

О Леонтьеве ходит в России много легенд, его называют бывшим ответственным сотрудником Госплана, перебежавшим на Запад, но на самом деле в Госплане Леонтьев никогда не работал и на Запад не сбегал, а по-тихому скрылся. Просто, будучи в университете в статусе вундеркинда, несмотря на все потуги «единственно верного» учения, диамата, он позволял себе называться «меньшевиком». В 1926 г., девятнадцати лет от роду, Леонтьев уже окончил четырехгодичный курс университета и получил диплом экономиста. Обучение тогда велось ни шатко ни валко: но подросток прочел в библиотеке университета много книг по экономике на русском, английском, французском и немецком языках.

По окончании университета он устроился преподавать экономическую географию, одновременно подал заявление на визу в Германию, чтобы продолжить образование в Берлинском университете. Разрешение поступило через шесть месяцев — возможно, была тогда идея от подобных людей избавиться путем высылки. Но в Берлине пошли неожиданные осложнения: там не признали его диплом, понадобилось досдать экзамены по латинскому и греческому языкам, от которых гимназистов революция (еще Февральская!) великодушно освободила, и поэтому Василий задержался там до 1928 г. Для заработка

пописывал статейки в коммерческие журналы. Годом раньше в Берлин прибыл в командировку его отец, сменивший к тому времени университет на наркомат финансов. Да там же, в Берлине, и остался: ЧК уже подбиралась к нему.

Хотя аспирантуры в Берлине не получилось, сразу же после университета, в 19 лет, Василий опубликовал там свою статью. Математическая теория планирования на основе модели «затраты-выпуск» получила право существования. Именно за эту работу, к тому времени много раз перепубликованную, получил Леонтьев в 1973 г. Нобелевскую премию по экономике.

Но Леонтьев вовсе не был «певцом одной песни». Он интересовался многими направлениями экономики и экономической статистики, был легок на подъем. Только этим можно объяснить его очередное, после Института мировой экономики в Киле, место работы. Как-то в перерыв познакомился за кофе с китайскими коммерсантами, каким-то образом попавшими в Киль. Слово за слово, и предложили ему китайцы на год контрактную работу в... Нанкине, тогдашней столице Китая! Это сделало его специалистом по экономическому планированию развивающихся стран. Но надо было искать место посерьезнее, и Леонтьев обратился в Гарвардский университет.

Оттуда откликнулся профессор Гэй, который предложил ему профессорскую должность при условии, что он займется нужными Гэю позарез статистическими вычислениями. Но вокруг было много желающих загрузить чью-то молодую голову чужой скучной статистикой. В ответ соискатель имел наглость предложить собственную тему для исследования по экономическому планированию. В ответ Гэй написал, что по решению кафедры, предлагаемая тема —

барахло, но Леонтьеву все-таки могут выделить крошечный годичный грант на научную должность и право прочесть лекцию. Надо знать нравы и обычаи этого сверхпрестижного университета, чтобы понять: это была пусть небольшая, но победа молодого ученого. В уютный Кембридж, пригород Бостона, где находится Гарвардский университет, Леонтьев отправился с новыми надеждами и новой женой, поэтессой Этель Маркс.

Лекция прошла успешно, и Василий закрепился в Гарварде на пять лет. А через пять лет он, хотя и не проявил себя как плодовитый писатель, однако подготовил свою первую книгу «Структура американской экономики», которая привлекла многообразием подходов и свежестью суждений, присущей человеку «из иного мира», зато понимающего основы капиталистической экономики. Его судьба была решена: теньор в Гарварде ни на что не меняют.

Вначале экономисты оперировали лишь словесными фигурами, в виде которых представили экономическую картину мира Адам Смит и Дэвид Рикардо. Но вскоре словесными фигурами стали ограничиваться лишь темные, малограмотные личности типа Маркса или Ленина, а те, кто пограмотнее, переходили на язык математики. (Маркс, правда, пытался изучать математику, но у него это плохо получалось, хотя Энгельс и помогал. Ленин же всю жизнь боялся математики, как огня.)

Основу подхода Леонтьева к планированию заложили еще французские «физиократы» в XVIII веке во главе с Франсуа Кесне. Они, хотя и исходили из неверного тезиса, будто только сельскохозяйственная деятельность имеет экономический смысл, а все остальные производства лишь расходуют ресурсы, зато предложили верный методологический подход к проблеме экономического планирования. Физиократы

использовали «технологические таблицы», позволяющие учитывать все, что производит и потребляет всякая экономическая система. Этот подход развил в математической форме в XIX веке французский экономист Леон Вальрас. Чтобы понять смысл этого подхода, возьмем два любых продукта, скажем сталь и галстуки. Какое-то количество галстуков требуется для производства стали, так как инженеры-сталелитейщики должны ходить в них на работу. Но в галстуках должны быть и инженеры предприятий, производящих галстуки. Так что часть галстуков идет на производство самих галстуков. И так для каждого из 10 млн видов продукции, которые производит современное общество — все определяется «технологическими коэффициентами».

Леонтьев внес в этот подход в сущности незначительное добавление, буквально на грани тривиальности, но оно в определенном смысле венчало создание модели «затраты-выпуск». И когда стало ясно, что данное научное направление должно быть украшено «нобелевкой», а Кесне и Вальрас как реципиенты уже не устраивали Нобелевский комитет — Нобелевская премия присуждается только живым ученым, — Леонтьев оказался единственным подходящим кандидатом.

Мир большой экономической науки оказался не менее конфликтным, чем ВКП(б) — только-то и разницы, что побежденных не расстреливали. Леонтьев внес свой вклад в ряд по-настоящему важных научных направлений в экономике, но этот вклад трудно было четко очертить, и давать за него «нобелевку» никто и не думал — за это давали зарплату.

Леонтьев принципиально не был кейнсианцем, т. е. не разделял подхода английского экономиста Джона Кейнса, согласно которому для управления экономической системой достаточно выбрать два-три-че-

тыре главных, укрупненных показателя, с помощью которых вы можете контролировать всю экономическую систему, не управляя каждым из продуктов. (Всеми десятью миллионами продуктов пробовала управлять социалистическая экономика, и мы знаем, что ничего хорошего у нее не получилось.) По-видимому, в эффективной системе рычагов управления должно быть меньше, но все же больше, чем два. Но Леонтьев считал, что подход Кейнса может помочь стабилизировать экономику, предотвратить провалы, которые были в 20—30-е годы в виде мировых кризисов.

В своих практических оценках Леонтьеву удалось правильно оценить ряд тенденций в глобальной экономике США, Японии, ФРГ и других стран, а также в поведении рынков товаров и услуг и рыночное положение отдельных компаний.

В 1969 г. Леонтьев посетил Кубу и дал скептическую оценку планам Фиделя Кастро по подъему экономики страны. Действительность показала, что эта оценка была близка к ней. Ученый побывал также в Китае, и недавний подъем китайской экономики содержит элементы его рекомендаций. Его вклад есть и в японском «экономическом чуде».

Беда современной экономики в том, считал Леонтьев, что «многие из его коллег отдают дань элегантному, но бесполезному теоретизированию». В своем президентском послании Детройтской экономической ассоциации он объявил, что «порок современной экономики — не равнодушие к практическим проблемам, как полагали многие практики, а полная непригодность научных методов, с помощью которых их пытаются решать». И, пожалуй, добавим мы, самый яркий пример этой непригодности — неспособность экономистов предвидеть экономический крах коммунизма, хотя бы за пять лет, хотя бы в 1985 г.

Они предвидели мелочи, но не заметили главного — невозможности существования общественного строя, который казался им вполне боеспособным. Отдельные пророки, за 20—25 лет правильно назначавшие сроки гибели коммунизма (например, советский историк Андрей Амальрик или Давид Сарнов), рассуждали чисто интуитивно и ошибались в симптомах этой гибели (например, Амальрик видел войну между СССР и Китаем). Теперь уже ясно, что экономическая причина лежала в неэффективности производства; все галстуки шли на производство галстуков и не поступали на рынок — купить галстук было невозможно, даже имея деньги.

Сейчас история повторяется, экономисты не могут ответить на главный вопрос: куда вывезет кривая современного общественного развития Россию и ее бывший лагерь? Попадут ли они на берег демократии или они будут вечно дрейфовать в океане разбоя, а то и прибьются к авторитарическому материку? И у экономистов еще меньше шансов ответить на этот вопрос из-за того, что отвечать на него придется уже без острого ума Василия Леонтьева: он умер в 1982 г.

Давид Сарнов, человек-колокол

Мы должны начать думать о новых взаимоотношениях, при которых наша техника, наше общество и окружающая среда рассматривались бы как одно целое.

Давид Сарнов

Сарнов Давид — родился 27 февраля 1891 года в Минской губернии. Стоял у истоков американского радио и телевидения.

Эмигрировал с родителями в 1900 году сначала в Албанию, затем в Нью-Йорк. Здесь окончил школу, причем будучи еще школьником, помогал семье прокормиться: продавал газеты, пел в синагоге.

В 1906 г. окончил школу, служил посыльным на телеграфе. Быстро освоил азбуку Морзе и нашел себе работу радиооператора. 14 апреля 1912 года Сарнов принял сигнал бедствия с «Титаника».

В 1916 году Давид Сарнов первым подал идею создания «музыкального радиоящика», предлагая поставить его производство на коммерческую основу.

В 1921 г. он был главным менеджером недавно созданной американской корпорации «Радио».

В 1926 г. основал национальную компанию по радиовещанию.

В 1928 г. он создал экспериментальную телестанцию для изучения спроса.

Во время второй мировой войны был консультантом президента по средствам связи.

В 1930 году стал президентом американской корпорации «Радио».

Ушел на пенсию в 1970 году.

Умер 12 декабря 1971 года.

На примерах Гамова, Тимошенко, Сикорского, Лентьева и Зворыкина мы увидели образцы успешной научно-изобретательской карьеры россиянина в Америке. Но это был, так сказать, «российский вид спорта». Хотя состязатели и начинали с нулевой отметки, но их оценка велась почти по интернациональным правилам оценки академической карьеры, лишь с небольшими бизнес-поправками. Давид Сарнов — первый человек, родившийся в России и добившийся огромного успеха в Америке в игре «по чисто американским правилам»: аналогом мог бы служить великий русский бейсболист, но такой пока еще не появился.

Личности Давида Сарнова в США посвящена обширная литература (укажем подробнейшую биографию Ю. Лайонса и избранное под слегка тошнотворным заголовком «Глядя вперед». Мы специально приводим этот заголовок, чтобы подчеркнуть, что речь идет не о великом писателе и не о крупном журналисте, а о великом «коммуникаторе» — иначе роль Сарнова не определишь, ибо русское слово «связист» неизбежно уведет нас в сторону).

Сарнов сделал блестящую деловую карьеру в США. Почему она ему удалась? Это непростой вопрос, и не все качества Сарнова привлекательны. Он никогда не был бесконфликтным «йесменом», но обладал искусством обрывать конфликты, не доводя

их до катастрофического исхода. Уже в школе Давид показал свой нрав. Преподаватель литературы однажды, разъясняя образ Шейлока в пьесе Шекспира «Венецианский купец», сказал, что знает случай, когда еврей, недовольный расшумевшейся христианской детворой, позвал полисмена и попросил его вырезать по фунту мяса у каждого из них. Давид возмущенно остановил учителя, объявив эту историю антисемитской. Объяснение кончилось в кабинете директора школы тем, что учителю пришлось подать в отставку, а Давид вернулся в класс. Это очень американская история, но она имеет еще более американское продолжение. Как-то уже взрослым, зайдя в какой-то банк и поговорив с пожилым вице-президентом, Давид сказал ему:

— Мистер М.! Я заслужил слова благодарности от вас. Это мне вы обязаны успешной карьерой в банке.

— ?

— Если бы не я, вы бы остались школьным учителем.

Эти два человека в дальнейшем часто встречались и были довольны друг другом. Гм... Как говорят в таких случаях в Одессе: «Ну-ну!»

Но вот восемь классов окончены, надо начинать жить. Всего семь лет прошло с тех пор, когда в 1899 году итальянец Маркони изобрел радио, но уже сотни станций на судах всего мира были оборудованы «беспроволочным телеграфом». Основанная Маркони Компания беспроволочного телеграфа наняла пятнадцатилетнего истсайдского подростка Давида Сарнова «оффис-боем» за пять с половиной долларов в неделю.

Судьба принесла Давиду несколько лотерейных билетов, но так, в меру, не миллионного достоинства. Первый лотерейный билет состоял в том, что

родители привезли его из захолустной деревушки Узлян Минской губернии в Америку в девять лет. Это был 1900 год. Хороший американский язык, начавшийся с традиционной немоты на манхеттенском подворье, был составной частью его карьеры. Известно, что мало кто из выучивших язык в возрасте после 10 лет владеет им достаточно хорошо, т. е. не сбивается порой на русизмы, на грамматически верные, но языково-небезупречные конструкции, и чувствует все оттенки.

И первые шесть лет карьеры Давида в Компании беспроводного телеграфа как будто не предвещали сногшибательного успеха: он стал всего лишь полноправным оператором радиостанции. За этим скромным успехом стояли годы неустроенного эмигрантского быта, еще не ведавшего никаких велферов, тяжелые пачки газет на идише, которые приходилось жадно хватать и всучивать читателям с криком: «Экстра!», суровый и нищенский семейный антураж, где царил всеильный и беспомощный матриарх — бабушка Ривка. И наконец, то благодатное сочетание американских возможностей и отсутствия прочных надежд на наследство, какое окончательно вершит эмигрантский успех в Америке.

И тут судьба вручила Давиду Сарнову второй лотерейный билет несколько более высокого достоинства. Надо сказать, что до 1912 года развитие радио сопровождалось поразительным безразличием общества. Причем это было характерно как для беспроводного телеграфа, что вполне понятно, так и для радиотелефонии, что понять труднее. И политические передачи, и новости, и выступления эстрадных певцов, и оперные спектакли с участием Карузо уже прозвучали в эфире, но натолкнулись на всеобщее равнодушие как пошлые и скучные игрушки. В лучшем случае их слушали полсотни профессиональных

радистов на своих дежурствах. «Слушать радио» — просто никому в голову не приходило.

И вдруг все переменялось! 14 апреля 1912 года публика почувствовала интерес к запаху жареного мяса из эфира, хотя этот запах исходил от ледяной горы, в которую врезался самый большой, самый престижный и вообще самый, самый, самый пароход «Титаник». Мы даже сейчас еще ощущаем дыхание этой трагедии, хотя и погигло-то «всего» 1 500 человек — ерунда в сравнении с последующими мировыми войнами! Но нас сейчас интересует не трагедия «Титаника», а как мир узнал о ней. А узнал он из телеграммы, полученной в Нью-Йорке с парохода «Олимпик», находившегося на расстоянии более 2 500 километров: «Пароход «Титаник» врезался в айсберг и быстро тонет». И принял эту телеграмму оператор Давид Сарнов, который после этого трое суток не снимал наушников, окруженный трепетным вниманием всего мира.

По приказу президента США Тафта было прекращено все постороннее радиовещание, и весь мир судорожно ловил сигналы судов из района бедствия. Образ симпатичного паренька в наушниках задержался в поле зрения американских газет, ибо именно он служил в тот момент самым надежным источником информации.

А тут еще такая незадача: радиокомпания Маркони, попавшая в центр общественного внимания, нуждалась в американизации, так как была всего лишь американским филиалом британской компании: как сам Маркони, так и многие его сотрудники сходили за американцев лишь с большим натягом. Может быть, поэтому Давид Сарнов пошел в гору: он стал инспектором радиослужбы Нью-Йоркского порта, а затем и всех Штатов. Но энергия распирала молодого эмигранта по-прежнему. Он был полон идей, как

лучше вести радиовещание с точки зрения содержания передач, их структуры и оборудования — ведь ничего этого еще не было!

Да тут еще апрель 1917 года, до Америки докатилась первая мировая война. Все передатчики конфискованы правительством, сразу понявшим их военное значение. Сарнов у кормила всех этих по-американски быстрых организационных перемен. Одна из его обязанностей — организация технической учебы сотрудников фирмы Маркони, другая — проведение этой учебы (которую, между прочим, прошел и менеджер, принявший его оффис-боем), третья — написание разнообразных журналистских материалов, четвертая — докладные записки начальству... Где тут было думать о собственном высшем образовании? Нам не удалось найти никаких сведений о Сарнове-студенте. Зато в его обязанности по должности генерального менеджера созданной в 1917 году и слившейся через два года с компанией «Маркони» Радиокорпорации Америки (РКА) входила оценка и финансовая поддержка всех ведущих достижений мировой науки в этой области. Например, это он дал добро на детекторные приемники, изобретенные генералом Генри Данвуди и положившие начало миллионному движению радиолюбительства. Затем покровительством Сарнова пользовались изобретатель гетеродина Эдвин Армстронг; наконец, именно Сарнов опекал своего гениального соотечественника Владимира Зворыкина, изобретателя современного электронного телевидения. И за всем этим многообразием надо было внимательно следить. Не всем великим изобретателям это удавалось; например, увлеченные своими идеями стареющий Эдисон и неутомный Маркони за калейдоскопом радиомира, откровенно говоря, не поспевали. Одним из правильных кардинальных решений, принятых Сарновым,

была поддержка предложенной Зворыкиным электронной развертки изображения: большинство специалистов склонялось к механической развертке, которая была развита значительно лучше и сулила быстрый успех.

Тем не менее к чужаку внимательно присматривались, не давая ему сверхважных постов; зато стоило дать сбой, сделать неверную ставку, и собрание акционеров РКА немедленно отреагировало бы на это, благо речь шла формально не о ключевой позиции. Только в 1930 году Сарнов, давно уже фактический глава РКА, основоположник всех направлений деятельности — от практического радиовещания до производства радиоприборов, — стал ее президентом. Это промедление было, по нашему мнению, очевидным следствием 5-го пункта, а к тому же незримого эмигрантского клейма (что в какой пропорции — об этом я предлагаю подумать читателям). К тому времени уже вся Америка и пол-Европы обзавелись «музыкальными ящиками», предложенными Сарновым еще в 1916 г. Эти «ящики» развлекали и образовывали их, а также вколачивали в них рекламу по сарновскому стереотипу. Была и конкуренция — как же без нее! Руководил конкурирующей компанией У. Пэйли, по совпадению (случайному ли?) тоже сын российского эмигранта. Это так американцы привычили еврейско-украинскую фамилию «Палей».

2 июля 1921 года с матча на первенство мира по боксу в тяжелом весе между Демпси и Карпентьером из города Джерси-Сити (США) началась трансляция спортивных событий в прямой эфир. Болельщики выходили на площади, так как индивидуальных приемников было еще очень мало. В 30-е годы зазвучало в эфире с подачи Сарнова пение Титта Руффо и Беньямино Джильи, миллионы слушателей, никогда не бывавших в концертном зале, приобщились к искус-

ству Артуро Тосканини и Яши Хейфеца через дочернюю для РКА радиостанцию Эн-Би-Си. Разлетелись по всему свету звуки, издаваемые голосовыми связками, трубами, саксофонами и кларнетами знаменитых джазменов. Симфония и джаз долго соперничали, пока наконец не были объединены временем и, добавим, радиовещанием в единое понятие «музыкальной классики». Питомцы Сарнова рассказывали и о событиях в мире, и скоро это стало главным, отчего массы людей в западном мире припадали к приемникам, разумеется там, где они не были отобраны: начиналась полоса тревожных событий.

Сам Сарнов этого времени отнюдь не напоминал капиталистическую акулу в духе героев Драйзера и Фицджеральда: это был обстоятельный семьянин, предпочитавший общество музыкальных критиков и изобретателей компании толстосумов. Хотя он получал, конечно, немалые барыши, их основу составляла зарплата президента компании, в 1937 г. она принесла Сарнову 100 000 долларов — не правда ли, неплохо по тогдашним временам? С таким доходом и Давид, и его жена, очаровательная француженка Лизетт, вполне могли состоять попечителями многих благотворительных фондов.

А что национальность Сарнова, она не играла никакой роли? Такое приятное заблуждение, если и обитало в чьих-то умах, то лишь по другую сторону железного занавеса. А вот реальность: как-то в газетах появились статьи о том, что в деятельности РКА присутствует антисемитизм. Следы вели в отдел кадров, который, как и во многих других компаниях, играл очень важную самостоятельную роль. Обнаружилось, что анкета для устройства на работу в компанию содержит графу «религиозная принадлежность». Сарнов вызвал к себе шотландца-католика, руководившего отделом, и сказал ему:

— Видишь ли, вопрос анкеты наводит на мысль о дискриминации. Но о какой дискриминации? Это не может быть дискриминация против евреев, ибо я, президент компании, еврей. Не может это быть и дискриминация против католиков, так как ты католик. Так зачем нам дискриминировать против несчастных протестантов?

Сомнительная графа была без особого шума убрана. Жизнь в США только поверхностному взгляду представляется очень легкой: это купить продукты здесь просто, да и то если вы не придаете значения выбору. А уладить национальный конфликт, чтобы это устроило все стороны, ох, как непросто. И то, что это Сарнову удавалось даже в такой скользкой области, как радиовещание, было внушительным плюсом.

Влияние Сарнова не ограничилось тем, что он был руководителем крупной корпорации. Еще важнее денег было идеологическое влияние Сарнова, в силу которого он был личным советником всех президентов США, начиная с 20-х гг., с Вудро Вильсона. Это требовало четкой политической позиции, отвечающей мнению большинства американцев, с ограниченной свободой маневра. Пока Сарнову удавалось выбирать такую позицию, он занимал прочное место в истеблишменте. Как только обнаружился разрыв, ему пришлось уйти, но это случилось много позже, в середине 50-х гг.

А впереди была грандиозная задача создания американской системы телевидения, когда роль Сарнова была намного важнее современной роли Тернера. Неизбежны были и поражения, которые Сарнов переносил с поразительным достоинством. Например, пресловутая (всегда!) компания Эй-Ти-эн-Ти обошла РКА по цене радиоламп и на время овладела рынком радиоприемников. Или, скажем, телевидение. Его ка-

чество сразу же, после первых восторгов, перестало устраивать массового потребителя. Потребитель требовал цвет, а цвет в коммерческом одеянии долго не появлялся. Хотя цветная электроннолучевая трубка была запатентована Зворыкиным еще в 1925 году, бытовое телевидение непростительно долго оставалось черно-белым.

В 1941 году США активно вступили во вторую мировую войну. Сарнов получил звание бригадного генерала и стал заведовать практически всем радиовещанием США. С той поры его называли обычно «генерал Сарнов». Он руководил вещанием на оккупированные немцами и японцами территории, на вражеские страны и на страны-союзники, хотя это и был, по его выражению, «самый странный союз за всю историю». После войны Сарнов оказался в лагере крайне правых, звал к «крестовому походу против коммунизма». Сначала он ратовал за создание «Голоса ООН», свободного независимого органа, нового «Колокола», который был бы слышен повсюду за железным занавесом и воплотил бы право всех жителей планеты видеть и слышать. Однако, поскольку большинству членов ООН принципы свободы информации были чужды, создать международное вещание под эгидой ООН не удалось и пришлось ограничиться укреплением «Голоса Америки», «Свободы» и ряда других американских детищ. Однако и те сыграли выдающуюся роль в крушении тоталитарной системы.

В записке на 35 страницах, которую Сарнов в 1952 году подготовил по просьбе президента Эйзенхауэра, он предлагал «разбудить страны железного занавеса колокольным звоном радиовещания». На склоне лет Сарнов написал ряд провидческих футурологических статей не только политического, но и технологического характера. Особенно широкую под-

держку вызвала его «Программа политического наступления против коммунизма» (1955), которая удостоилась специальной статьи в «Правде», где Сарнов был назван «поджигателем войны». Это он на обеде в Нью-Йорке привел в дикую ярость «либерала» Н. Хрущева, когда тот был в США, призывом «открыть информационное пространство России»: «Мы же не препятствуем России вести радиовещание здесь. Почему советское правительство не даст своему народу такую же свободу?» Уже вернувшись в СССР, Хрущев долго не мог успокоиться, ему все мерещилась «вражеская пропаганда», свободно гуляющая по «просторам Родины чудесной».

Но «правизна», к худу или к добру (по мнению автора, этот процесс чересчур форсировался либералами), выходила из моды, а Сарнов, казалось, не желал того замечать. В середине 50-х политика и лексика «крестового похода против коммунизма» дали трещину. Тактике «наведения мостов» было оказано предпочтение перед тактикой «крестового похода». Возобладал умеренный подход, связанный с именами Никсона и Кеннеди, что отразилось и на положении Сарнова, и даже приход в Белый дом его личного друга Линдона Джонсона не смог помочь делу: ушло время, которое, как известно, сильнее самого могущественного политика.

В 1954 году он перестал быть президентом РКА, сменив этот пост на менее действенный: председатель совета компании. Формально он пробыл на посту президента РКА 24 года, фактически — гораздо дольше. С 1961 г. и до самой смерти в 1971 г. он почти не задевал вопросов политики. Научная футурология стала центральной темой его выступлений. Чем старше он становился, тем больше его притягивали самые новые направления научного мышления. Например, он посвятил много энергии новым разделам

науки о компьютерах, находя все новые области их применения.

Сарнов не был великим изобретателем. Он предпочитал рассуждать о том, что следует изобрести и как бы он оценил возможное изобретение. Не все его суждения бессмертны, некоторые решения откровенно конъюнктурны. Но не станем забывать, что именно Сарнов предсказал падение коммунизма в 80-х годах и возрастание роли компьютеров. Более того, он уловил связь между этими явлениями. Действительно, мог ли существовать коммунизм, если копию «Архипелага ГУЛАГа» можно получить за полминуты одним нажатием кнопки? Хотя он заговорил таким языком позднее, но ощущение триединства общества, технологии и среды обитания всегда было сильной стороной его личности. Именно оно позволило ему так долго и так плодотворно находиться на самом верху американской властной пирамиды при десяти разных президентах. Давид Сарнов — это пока рекорд власти, которой добивался россиянин в США. И будущим министрам и сенаторам, говорящим по-русски, стоит присмотреться к нему.

Иммануил Великовский: величие или ничтожество?

Мы уже познакомились с рядом научных светил российского происхождения. Однако «русский вклад» в американскую научную мысль ими не ограничивается. Среди американских «Лысенко» тоже попадались россияне. Кстати, и сам Лысенко не избежал включения в энциклопедию — и это законно, великим плутам не откажешь в величии. Познакомимся с кратким жизнеописанием нашего героя по фамилии Великовский, как его дает энциклопедия Гролиера. Сам факт попадания в эту энциклопедию показательен — туда, повторимся, включены лишь крупнейшие ученые нашего века, но много достойных остались за бортом. Почему же там оказался и историк, как его характеризует Гролиер?

* * *

Печальная плоская равнина пересекается рекой, нехотя текущей вдаль, к Балтийскому морю. Неяркие хвойные леса с вкраплениями лиственных де-

ревьев. Бедные поля — рожь, лен, картофель... Яблоневые сады вокруг убогих сельских хаток, подступающих к самому городу. Витебск — пристань на Западной Двине, когда-то столица Витебского княжества, располагавшегося к северу от Киевской Руси. В XIII веке этот город с окружающими землями вошел в состав Великого Литовского княжества — потом Речи Посполитой. А в конце XVIII века ненасытная экспансия Московии поглотила эти земли и сделала их частью Российской Империи.

Во времена Витебского княжества, а возможно, и раньше в городе на Западной Двине уже была еврейская община. Как она появилась здесь? Откуда пришли сюда евреи? С юга ли — со стороны Киевской Руси, где еще раньше IX века жили евреи? С юго-востока ли — с Волги, из царства хазар? Кто знает...

Но путь семьи Великовских в Витебск прослеживается без особых затруднений.

Можно в какой-то мере понять гордость коренных американцев, знающих свою родословную вплоть до пятого-шестого поколения. Можно понять гордость английских или французских аристократов, родословная которых еще на пять-шесть поколений древнее.

Основоположник витебской ветви Великовских — Шимон — знал свою родословную по материнской линии до сотого поколения. Она восходила до Эзры Коэна, восстановившего в Иерусалиме храм после возвращения евреев из вавилонского плена.

У Великовских не было ни родового герба, ни титулов. Более того, у рода Великовских, как и у всех евреев в России, не было даже элементарных гражданских прав. Зато в библиотеке дома Яакова — отца Шимона — стояли книги, написанные Шимоном — отцом Яакова, и отцом Шимона — Иегудой, и Лейб-Ихиэлем — отцом Иегуды, и дедом Иегуды — Айзи-

ком. Глубины талмудической мудрости содержали эти книги, написанные просто евреями, единственным фамильным «титолом» которых была ученость и глубокая вера. К несчастью, та библиотека пропала — сгорела во время большого пожара в городе Мстиславле Могилевской губернии в 1859 году.

Именно в этом городке, который и сегодня остается глухой провинцией на востоке Белоруссии, в 1860 году родился Шимон Великовский. Здесь он безвыездно жил до своего еврейского совершеннолетия и даже еще один год — до 14 лет. Здесь, в хедере на краю города, он сдружился со своим сверстником Шимоном Дубновым, будущим выдающимся историком.

В хедере реб Зелиг тяжелой линейкой «вбивал» знания в своих учеников. Только двум Шимонам — Великовскому и Дубнову — не доставались побои. Возможно, это была дань уважения ребе Зелига, не знавшего грамматики, к ученикам, которые грамматику каким-то образом выучили. Зимой, ненадолго отрываясь от книги, Шимон прижимался носом к замерзающему окну и сквозь оттаявший кружок в стекле с завистью наблюдал за мальчишками, скользящими по льду. Но ему и думать запрещалось о таких развлечениях. Ведь он был примерным учеником среди изучающих Тору и Талмуд, и не пристало ему заниматься чепухой. Летом, когда он увлекся голубями, отец снова настойчиво напомнил ему: глупости мешают ученью!

В семье Великовских ученость была самым ценным достоянием. Ко времени подготовки Шимона к еврейскому совершеннолетию в доме не было денег. Но отец Яков заплатил учителю, готовившему Шимона к бар-мицве, столовым серебром. Он не считал, что совершает нечто из ряда вон выходящее.

Мать Шимона, символ скромности и сострада-

ния даже далеко за пределами Мстиславля, была внучкой рава Шимона Хотимского из-под Чернигова. Брат Хотимского — Янкель ацадик — был женат на Ривке из рода Иосефа Каро, знаменитого раввина из Испании. Великовские помнили свою родословную.

Отец Шимона, Яков, по субботам говорил только на иврите. В синагоге он оповещал, что бедные, не имеющие субботней трапезы, приглашаются к нему на обед. Хотя нередко и для членов семьи Великовских не хватало еды за субботним столом.

Летом 1874 года четырнадцатилетний Шимон сбежал из дому, пешком пришел в местечко Мир, где находилась знаменитая ешива, и стал в ней заниматься. В ешиве, как и в хедере, Шимон был среди первых. Но достигал он этого не столько незаурядными способностями — в способных юношах в ешиве не было недостатка! — сколько поразительным усердием. Летом он занимался по 18 часов в день, зимой — по 12. Глава ешивы приглашал Шимона на субботу в свой дом, что считалось для учащихся высшей степенью отличия.

Через полтора года Шимон был вынужден прервать учение и вернуться домой: он получил повестку на призыв в царскую армию. Защищать отечество, в котором они не имеют гражданских прав, было не только единственным гражданским правом, но и обязанностью евреев России. От воинской повинности он получил отсрочку по малолетству, но в ешиву уже не вернулся. Учение продолжал в мидраше, там же и работал.

После размолвки на идейной почве с отцом начался период скитаний в поисках работы. Сперва город Пропойск. Получив отказ, Шимон Великовский отправился в Могилев. Но и здесь ему отказывали во всех местах, куда бы он ни обращался. В Киеве еще сложнее. Работу приходилось искать, ста-

раясь оставаться незамеченным, так как у него не было права на жительство. В дополнение ко всем несчастьям у него появились резкие боли в позвоночнике. Эти боли периодически обострялись на протяжении всей его жизни. Пришлось вернуться домой и помогать отцу во время его продолжительных поездок на подводе за товарами — за многие сотни километров от Мстиславля. И вот в Смоленске Шимон нашел работу у купца средней руки. Тот нещадно эксплуатировал молодого человека. Беда усугублялась тем, что Смоленск находился вне черты оседлости. Еврей мог поселиться здесь, только отслужив в армии.

В Смоленске Шимон Великовский стал активным сионистом, что сделало его слишком заметной личностью. А потому полиция вскоре арестовала его и по этапу доставила в Могилев.

Скитания в поисках работы, арестантский опыт, а главное — активная сионистская деятельность сделали умного и энергичного молодого человека настоящим бойцом. И это не преувеличение! Только боец мог решиться после всех мук, пережитых им, приехать не просто за пределы черты оседлости, а в Москву, в самое запретное для еврея место, и здесь чудом стать на ноги.

Получив после подписания договора с крупнейшим финансистом Юлием Марком многолетний кредит во всех банках и коммерческих домах Москвы, Шимон Великовский становится видной фигурой финансово-коммерческого мира. Его сионистская деятельность приобретает еще большую широту, чем прежде. Руководя московской организацией Хиват-Цион, Шимон Великовский в 1884 году направляет посланца в Эрец-Исраэль для покупки земли в пустыне Негев, возрождение которой к жизни было его давней мечтой. Впоследствии на купленной земле

возник кибуц Рухама. Лично Великовский пожертвовал на это огромную по тем временам сумму — полтора килограмма золота.

Жить неофициально в Москве было для еврея делом рискованным и опасным. С ужасом вспоминал Великовский смоленскую тюрьму и возвращение в Могилев по этапу арестантом. Официальное право жительства ему можно было получить, только став купцом первой гильдии. И хотя путь этот сложен и продолжителен, другого для него просто не существовало. В течение пяти лет, проживая в черте оседлости, он должен был выплачивать огромный налог — по 1000 рублей золотом в год. Весь налог превышал заработок врача городской больницы примерно за четыре года.

Великовский решил поселиться в Витебске — на перекрестке путей с юга в Петербург и Прибалтику, а из Москвы — в Варшаву и дальше, на запад. И еще одно дело, более важное, предстояло завершить именно теперь.

В 1883 году в Страдове он познакомился с милой и умной девушкой Бейлой-Рахелью. В Страдов она приехала вместе с братом, чтобы хоть в малой мере помочь своему отцу Нахуму Гродински, видному лодзинскому купцу, находившемуся в то время на грани разорения. Шимон и Бейла-Рахель полюбили друг друга. И вот сейчас, когда его материальное положение позволяло создать семью, Шимон написал письмо в Лодзь своему будущему тестю и попросил руки его дочери. Было это летом 1885 года. Только спустя четыре года в канун Рош-ашана молодая чета Великовских поселилась в Витебске. Еще в Страдове у них родился сын Даниил, через два года — второй сын, Александр.

12 июня 1895 года в Витебске, в семье Великовс-

ких родился третий ребенок. Младшего сына назвали Иммануилом.

Но вот пришло время, когда отец Иммануила решил переехать в Москву. Здесь дела его сразу пошли в гору. Очень скоро он стал одним из самых видных и наиболее уважаемых оптовых торговцев столицы. Казалось бы, все шло хорошо. И тут выяснилось, что еврейские дети в православной Москве не имеют возможности учиться в гимназии. Поэтому сначала двух старших детей, а потом и Иммануила обучали частные учителя: отец надеялся, что позже удастся устроить детей во второй или третий класс гимназии. Кроме учителей по самым обычным, традиционным предметам в семье Великовских был и еще один, обучавший не только мальчиков, но и их отца. Это был первый в истории Москвы преподаватель иврита. Здесь самым способным оказался Иммануил, с особой заинтересованностью и старанием изучавший Тору и Талмуд.

Результаты обучения превзошли все ожидания. Когда Иммануилу исполнилось одиннадцать лет, финансовое положение отца, пошатнувшееся было во время русско-японской войны, упрочилось, появилась возможность отдать мальчика в гимназию. И вот Шимон сидит в приемной, а за массивной дверью гимназические преподаватели экзаменуют его сына. Время идет, ребенок не выходит, Шимон не знает уже, чего и ждать: время, отведенное на экзамены, давным-давно истекло. Но вот его наконец пригласили в кабинет. Слова директора его потрясли: «Мальчик поразил нас своими знаниями. Ему нечего делать в третьем классе (а по возрасту Иммануил должен был пойти во второй). Это единодушное мнение — мое и обоих учителей. Но... не будем в этом случае выходить из рамок установленных правил. Кроме того, господину Великовс-

кому, вероятно, известно, что 9-я императорская гимназия — одна из самых престижных в России. Так что пусть все идет своим чередом. Ваш сын зачисляется в третий класс». В течение всех шести гимназических лет Иммануил был первым учеником.

Иммануил Великовский окончил гимназию в 1912 году с золотой медалью, что, впрочем, никого не удивило. Тем не менее радость всего семейства не поддается описанию. Дело в том, что золотая медаль давала бесспорное право на поступление в университет в счет пятипроцентной нормы для евреев. Каково же было разочарование Великовских, когда даже с медалью Иммануила в Московский университет не приняли. Тогда они всерьез задумались о возможности поступить в какой-нибудь зарубежный университет; где-нибудь там, где антисемитизм не так силен.

Такое место нашли: в августе 1912 года Иммануил поступил на медицинский факультет университета в Монпелье, на юге Франции. Проучившись здесь год, Иммануил кратко посетил Палестину, после чего пришел к выводу, что теперь может попробовать поучиться и в Англии, чтобы заодно овладеть еще одним иностранным языком (по-французски и по-немецки дети Великовских свободно говорили с детства, их обучала мать). Так случилось, что он поступил на учебу в Эдинбургский университет в Англии на медицинский факультет.

Однако в 1914 г. быстро вернулся в Россию, так как началась мировая война. Осенью 1914 года Иммануил Великовский был зачислен студентом Вольного университета в Москве, который был основан стараниями некоторых преподавателей Московского университета в знак протеста против дискриминационной политики царского правительства. В течение двух семестров Иммануил слушал здесь курс юрис-

пруденции, истории и экономики. А уже в 1915 году ему удалось поступить на второй курс медицинского факультета Московского университета. При этом учебу в Вольном университете он не оставил, получив таким образом два образования: медицинское и гуманитарное, и после шести лет учебы получил в 1924 г. в Московском университете специальность врача.

Великовскому было легче, чем большинству студентов медицинского факультета. С младенческих лет приученный к систематическому учению, обладая незаурядными способностями и феноменальной памятью, он схватывал и запоминал изучаемый материал быстрее и легче, чем его однокурсники. Благодаря этому у него оставалось время для стихов, публицистической деятельности. И для углубленного изучения Библии.

С тревогой наблюдал он за очень немногочисленными студентами-евреями Московского университета. Оживление политической активности, обусловленное войной, обстановкой в стране, слухами о поражениях на фронте, коррупции и воровстве в тылу, влекло некоторых из них в различные партии, благо в партиях тогда не было недостатка. Наиболее привлекательными для них казались леворадикалы — большевики, меньшевики, эсэры. Этой патологии, как считал Великовский, еще можно было найти объяснение. Но как понять вот такое: Великовский знал еврейского парня, студента юридического факультета, который шумно поддерживал крайне реакционную и откровенно антисемитскую монархическую партию. Несколько студентов-медиков были даже приглашены на грандиозную церемонию его крещения в храме Христа-спасителя.

С удивительной для юноши прозорливостью Великовский улавливал во всем этом тревожные симптомы надвигающегося несчастья. Спору нет, Рос-

сия нуждается в социальных переменах. Но это не дело евреев. В черте ли оседлости загнивающей империи, приобретаю ли гражданские права, если победит революция, евреи, как и прежде, останутся на русской земле инородным телом. Более того, как и на протяжении всей трагической истории их рассеяния, евреи окажутся в роли этакого «козла отпущения» в любом случае. Если победят реакционеры, евреев легко будет обвинить в том, что они затеяли революцию. Если победит революция, во всех неизбежных экономических и социальных бедах можно будет опять-таки обвинить евреев. Глупый и несчастный народ! Какого черта они ввязываются в чужие, чуждые им дела, вместо того, чтобы заняться своими?

Волновался Иммануил не напрасно. Принцип неучастия в происходящем, которым руководствовались проживающие в России евреи, не понравился новым властям. Если ты активно не борешься с врагами народа, значит, ты сам враг. Простая и действенная логика. В результате такого расклада в феврале 1918 года в Москве арестовали группу сионистов. Шимона Великовского успели предупредить об опасности. Ему пришлось бросить все свое имущество и спешно скрыться. В течение трех недель он прятался, а потом вместе с женой и младшим сыном выбрался из Москвы. Решено было добираться до Палестины. Логичнее всего Великовским казалось отправиться на юг и пересечь Украину. Они не учли всей серьезности происходящих там событий. Весь юг был охвачен войной, пробиться на запад им так и не удалось. Тогда они решили попытаться направиться на восток и через Кавказ пробраться в Закавказье, а уже оттуда — либо в Турцию, либо в Персию.

Случилось это в начале зимы 1919 года на Дону. Иммануил пошел в станицу в надежде раздобыть хотя

бы какую-нибудь еду. Высокий юноша с интеллигентным лицом и волевым подбородком, в котором безошибочно можно было распознать еврея, почему-то показался казакам генерала Шкуро большевистским агитатором. Допрашивавшему Иммануила есаулу попросту лень было выслушивать объяснения какого-то жида. Мало их что ли комиссарит в Красной Армии? Приговор был скорым и безапелляционным: расстрелять!

Казак средних лет повел Иммануила на окраину станицы, к яру, в котором расстреливали пленных. Великовский шел не оглядываясь, время от времени ощущая прикосновение штыка к спине. Жидкая грязь чавкала под ногами. Первые снежинки неуверенно парили в сером свете рано угасающего дня. Какое-то непонятное состояние, какое-то неясное ощущение безмерности отсекло и страх, и даже тревогу о родителях, ничего не знающих о его судьбе. Неизвестно почему и зачем он вдруг начал спокойный рассказ. Он говорил о том, что еще совсем недавно вспомнилось ему на Украине, на пепелище еврейского местечка, куда, в надежде на кров и еду семья Великовских пришла, к счастью, уже после погрома.

Он рассказывал о Диего Пиресе — рыцаре и мариане начала XVI века, прекрасном юноше, любимце португальской королевы. Под влиянием выдумщика Давида Реубени, объявившего, что он пришел из чудесного царства, где счастливо живут десять исчезнувших колен Израиля, Диего принял иудаизм, обрезался, сменил свое имя на Соломон Молхо и стал изучать каббалу. Католическая церковь обвинила его в ереси. В день аутодафе папа Климентий VII спрятал его, а на костре сожгли другого человека. Диего-Соломон и Реубени под знаменем Маккавеев направились к королю Карлу. Король выдал тридцатидвухлетнего Диего-Соломона. В день казни король

направил своего посланника с предложением о помиловании, если Диего возвратится в христианство. Пирес отказался и был сожжен.

...Чавкала грязь под ногами. Казак слушал с интересом и удивлением. Он шел, уже не прикасаясь штыком к спине Иммануила. Когда они остановились у обрыва над яром, казак, внимательно вглядываясь в лицо пленника, сказал:

— Чудной ты какой-то... Хоть и жид, а человек. Ладно. Не стану я брать греха на свою душу. Спустишься в яр, дождись темноты и уходи.

Два выстрела прогремели в мокрых сумерках. И снова тревожная тишина окутала мир.

Скрываясь в яру до темноты, охваченный нахлынувшим страхом, Великовский пытался проанализировать, что же произошло с ним по пути к расстрелу. Откуда взялось то непонятное и сейчас состояние безмерности, отсутствия страха и даже тревоги о родителях? Что это было? Стопор? Охранительное торможение? И почему он вдруг заговорил о Диего Пиресе?

Уже на Кавказе, глядя на мощную шапку Казбека, преграждающего путь на юг, в Эрец-Исраэль, Иммануил Великовский написал поэму в прозе о рыцаре и маране, прекрасном юноше Диего Пиресе.

Пройдет еще пятнадцать лет, и эта поэма будет опубликована в Париже на языке оригинала — на русском языке: Эмануил Рам «Тридцать дней и ночей Диего Пиреса на мосту Святого Ангела».

Итак, первая попытка выбраться из России не увенчалась успехом. Около трех лет семья Великовских скиталась по югу России, охваченному гражданской войной. В Москву возвращаться было нельзя, Шимон об этом даже и не думал. А вот Иммануил решил рискнуть, понимая, что нужно все же что-то предпринимать, попытаться закончить учебу и,

быть может, найти возможность покинуть страну легально.

С убогой поклажей в руках Великовский вышел на заснеженную площадь перед Киевским вокзалом. Справа, за Москвой-рекой, в сумеречной дали проступали очертания Новодевичьего монастыря. Обшарпанный трамвай душераздирающе заскрежетал на повороте. Все такое знакомое и все такое чужое... Но через это надо пройти.

То ли по причине некоторой либерализации, то ли потому, что Москва остро нуждалась в медицинских кадрах, особенно во врачах, восстановление Великовского в университете оказалось относительно легким делом. Тем более, что блестяще учившегося студента помнили уцелевшие на факультете профессора.

Летом 1921 года Великовский окончил университет и получил диплом врача. Еще несколько месяцев он работал терапевтом, прежде чем ему с колоссальным трудом удалось раздобыть разрешение на выезд за границу для себя и для родителей, все еще скитавшихся по Украине. Весной 1922 года Шимон Великовский с женой и младшим сыном покинули пределы опустылевшей им России.

Голова Великовского-старшего всегда была полна идей, связанных с возрождением еврейского государства. Собрать бы туда цвет научного мира, украшающий цивилизованные страны, — какой бы мог получиться университет! Мечта эта казалась даже не утопией, а так, чем-то эфемерным. Но почему бы не начать ее осуществление с создания многоотраслевого научного журнала, в котором будут публиковаться работы виднейших ученых-евреев? С этой целью Шимон Великовский, как только семья выбралась за пределы России, направил Иммануила в Берлин, а сам вместе с женой поехал в Эрец-Исраэль.

Иммануил отправился в Берлин, где женился на юной скрипачке и стал редактировать журнал «Скрипта университетис», в котором сотрудничал Альберт Эйнштейн. В том же году переехал в Палестину, где в течение 15 лет практиковал психиатрию. По психиатрии была и его первая научная статья, опубликованная в 1930 г., но его успехи в области психиатрии оказались более чем скромны, и вскоре он бросил ею заниматься.

В 1939 г. он приехал с семьей в Нью-Йорк. «Вначале предполагалось, что это будет не слишком продолжительная поездка. Иммануил хотел закончить здесь начатую им книгу «Фрейд и его герои».

В среду, 26 июля 1939 года, задолго до причаливания парохода к берегу, Великовские вышли на палубу. Слева проплыл Стейтен-Айленд и еще через несколько минут — островок со статуей Свободы, столько раз виденной на фотографиях, а сейчас задевающей струны сердца даже у них, не эмигрантов. Справа, словно горная гряда, высились небоскребы Манхэттена.

Пароход мягко коснулся причала Элис-Айленда. Здесь их встречал давний друг и коллега Великовского. Несколько часов заняло оформление необходимых документов, а после этого они поплыли на пароме к причалу на южной окраине Манхэттена. Девочки снова рассматривали статую Свободы, вид на которую открывался по правому борту, а Великовский подробнее, чем в письме, рассказывал другу о цели поездки в Соединенные Штаты. В течение восьми месяцев он надеется завершить работу над книгой. Если к этому времени ему повезет с издателем, то в марте—апреле будущего года они надеются вернуться домой.

Друг выслушал его и мрачно заметил, что Амери-

ка — это не та страна, в которой можно строить оптимистические прогнозы.

— Ну что же, — ответил Великовский, — я сделаю то, что зависит от меня. Если дела пойдут, как я наметил, то в самом худшем случае мы можем задержаться здесь на два года.

Квартира на Риверсайд была очень скромной, но из окна открывался вид на Гудзон и на Риверсайд-парк, находившийся совсем рядом. Утром Великовский выходил из дома на 72-й улице и широким размеренным шагом шел по Бродвею до Тайм-сквер, дальше по 42-й улице до библиотеки на углу Пятой авеню. Четырехкилометровая прогулка была отличной разминкой перед долгим рабочим днем в библиотеке».

До тех пор, т. е. до 44 лет, его жизнь представляла мало интересного. Но тем разительнее происшедшее с ним в Новом свете. В Нью-Йорке он стал усиленно посещать библиотеку и заниматься... Чем бы вы думали? Тут в биографии Иммануила обнаруживается первый вывих: темой его занятий была не психиатрия и даже не медицина вообще, а история взаимоотношений древнегреческого царя Эдипа и фараона Эхнатона — не правда ли, интересная темка в начале второй мировой войны! Тем более, что, по мысли автора, это было одно и то же лицо.

Жизнь египетского фараона Эхнатона Великовский изучал буквально шаг за шагом. Затем так же тщательно вникал во все хитросплетения трагедии Эдипа у Эсхила, Софокла и Эврипида. В результате Иммануил пришел к выводу, что Эхнатон послужил прообразом героя древнегреческой легенды. Даже имя героя — «говорящее»: Эдипус по-древнегречески означает «отечные ноги». Именно такими были ноги Эхнатона, это видно на сохранившихся изображениях фараона. Работа его была интересна тем, что на-

ряду с изучением особенностей психологии Эхнато-на-Эдипа Иммануил занимался еще и историческим исследованием и филологическим разбором.

А тем временем истек срок пребывания семьи Великовских в Америке, во всяком случае истек тот, который они для себя намечали. Им хотелось домой, особенно девочкам (у Великовских к тому времени было две дочери). Уже были куплены билеты на пароход, но совершенно неожиданно отъезд пришлось отложить: издатель, которому Великовский передал рукопись «Фрейд и его герои», пришел в совершенный восторг. Нужно было подписать контракт. Однако дело почему-то затягивалось. И вдруг через неделю после первого разговора с издателем Иммануил с изумлением услышал, что его книгу непременно издадут, а как же, но только сперва нужно доработать рукопись, а до этого никакой контракт подписывать не будут. Великовский пришел в негодование: из-за обещаний безответственного человека они не уехали домой, и напрасно!

К разговору с обманувшим его издателем Великовский больше не возвращался. Рукопись книги «Фрейд и его герои» он так и оставил неоконченной, только небольшая ее часть была использована для статьи «Сны, которые снились Фрейду». И только через двадцать лет увидит свет основная часть рукописи.

А Великовский тем временем увлекся новой идеей. В апреле 1940 г. его впервые озарила мысль о том, что во время исхода израильтян из Египта там произошли гигантские естественные катастрофы. Египет-де постигла моровая язва (чума), море раскрылось, пропуская бегущих от нее израильтян, а сушу за ними затопило; на горе Синай разверзся вулкан. Кроме того, по Египту то и дело шваркали кометы и метеориты, имели место также глад, мор, засуха, зем-

летрясение, градобитие, ураганы, пожары, саранча и прочие прелести. Для одной страны, притом за короткое время, вроде бы многовато. Но Великовский утверждал — в самый раз. И особенно напирал не на мелочи вроде ураганов, а на огромные метеориты, которые с завидным постоянством все время попадали во все тот же злосчастный Египет.

Ввиду этого историческую теорию Великовского стали называть «катастрофизмом». Вообще-то идея всемирных катастроф не нова, не говоря уже о библейском всемирном потопе. Еще великий палеонтолог Кювье в прошлом веке, обнаружив ископаемые огромные кости «допотопных» чудовищ, высказал мысль, что все живое не раз уничтожалось на Земле некими катастрофами, а потом жизнь снова возникала, но уже совсем в других формах.

Однако одно дело — общие рассуждения о катастрофах, а другое — привязка их к конкретной исторической эпохе, притом сравнительно недавней. Имеются ли письменные египетские подтверждения этих событий, спрашивали Великовского ученые. Да, имеются, утверждал Великовский, ссылаясь на малопонятный папирус под названием «ипувер», хранившийся в библиотеке голландского города Лейдена.

Он обнаружил тождественность событий, описанных в Библии и в этом папирусе, приведших в истории Древнего Египта к падению Среднего Царства. Правда, для этого требовалось слегка сместить хронологию событий, лет этак на сто, что и было проделано. Он обратил внимание на то, что в книге Ионы сообщается, будто на Землю упал разрушительный метеоритный дождь, после которого «Солнце остановилось в небе». Таким образом, делает вывод Великовский, имела место грандиозная космическая катастрофа, приведшая к смещению пластов суши.

Чтобы такая катастрофа могла осуществиться, можно было сдвинуть хронологию и дальше. И вот уже гибель Среднего Царства вслед за пластами суши передвигается Великовским на целую тысячу лет.

В 1950 г. Великовскому после многочисленных отказов различных издательств удалось опубликовать книгу «Столкновение миров», ставшую в США бестселлером номер один. Такого с научной книгой еще не случалось. Через два года вышла книга «Века в хаосе», где исторические события рассматриваются более подробно. Автор проводил историческую реконструкцию событий, изображенных в Библии и охватывающих с 1450 по 840 год до н.э., синхронизируя их с египетской историей. В другой книге Великовского «Смещение пластов» описаны геологические и палеонтологические свидетельства того, как появилась из чрева Юпитера планета Венера, место которой около Солнца вдруг оказалось внутри земной орбиты. И, разумеется, это вызвало невиданные потрясения в земной цивилизации. Читатели валили валом, чего не скажешь об ученых: здесь лов был не столь успешен. Им подавай доказательства!

Доказательства Великовский приводил, но на них либо старались не обращать внимания, либо, намеренно искажая его же слова, снова принимались нападать. В своих выступлениях Великовский не раз повторял: «Я ни в коем случае не настаиваю на том, что мои теории есть непреложная истина. Я с удовольствием признаю свои ошибки, если кто-нибудь укажет мне, где я ошибся». И снова его слова извращались. Обвиняли его и в том, что он ссылается на «несерьезные» источники, имея в виду Библию, а также ряд древних легенд самых разных народов.

Великовский говорил: «Попытка радикальной реконструкции древнего мира (речь идет о второй его работе «Века в хаосе»), основанная на рассмотрении

многих народов и царств, сама по себе беспрецедентная, встретит резкую цензуру тех, кто в своем преподавании и написанных трудах уже глубоко увяз в старых исторических концепциях. И многие из тех, кто следует авторитетам, выразят свое неверие в то, что истина так долго могла оставаться необнаруженной, из чего они сделают заключение, что это не может быть истиной».

«Века в хаосе» — работа достаточно сложная и многоплановая. Великовский обращается к теме исхода евреев из Египта. Интересных моментов здесь много, среди них, например, вопрос о «казнях египетских». Ученые смотрят на них по-разному: одни считают казни просто красочными измышлениями, другие ищут разумное научное объяснение.

Итак, евреи уходят из Египта. Фараон во главе своих войск бросается в погоню. Дальше — евреи подходят к морю, и поднимается водяная стена, т. е. гигантская волна. На другой берег они переходят посуху. А вот преследователей их море не пощадило, они погибли в волнах. А дальше евреи шли по пустыне на восток, следуя за столбом дыма днем и за столбом огня ночью. Историки относились ко всей этой истории весьма скептически. В лучшем случае некоторые из них предполагали, что гора Синай была вулканом, и именно ее столб огня видели евреи перед собой.

Проанализировав текст Библии, Великовский выдвигает гипотезу: описывается в Библии не извержение вулкана, а глобальная катастрофа. По логике вещей, если такая гигантская катастрофа действительно была, она не могла не оставить следа в древнеегипетских источниках. Великовский обращается к тексту одного папируса, найденного предположительно в Мемфисе (точное место определить не удалось). В 1828 году папирус этот был приобретен Лей-

денским музеем в Голландии. Великовский тщательно анализирует текст папируса, датированного археологами приблизительно концом Среднего Царства в Египте. Обнаруживается, что речь здесь идет о тех же событиях, что и в Библии. Текст папируса ранее также считался преимущественно мифологическим, хотя в нем и приводятся конкретные имена и географические наименования. Существует и еще один папирус, хранящийся в Эрмитаже в Санкт-Петербурге, и в нем также описываются те же самые события: сначала серия катастроф, гибель войска, а затем нашествие иноземного войска. Иноземцев называют гиксосами (в Библии), или аму (в египетских источниках). Предположений относительно того, откуда они пришли, было множество. Согласно тексту папируса они пришли из Азии. А вот евреи, еще до прихода к горе Синай, встретились с каким-то племенем, называемым амалекитами, и вступили с ним в бой. И Великовский решил проверить, нет ли какого-либо упоминания об амалекитах уже теперь в арабских источниках. Оказывается, есть. Амалекиты были древним племенем, доминировавшим на Аравийском полуострове. Но затем Господь наказал их за их многочисленные злодеяния: на полуостров внезапно обрушилась огромная волна, а затем еще и началось ужасной силы землетрясение. Это и побудило племя покинуть свои земли и отправиться на завоевание новой территории.

Основываясь опять-таки на древних источниках, Великовский пересматривает и хронологию.

Как и следовало ожидать, энтузиазма в ученом мире эта работа не вызвала: он осмелился пересмотреть хронологию, а это означает, если, конечно, предположить, что хоть что-то здесь верно, что нужно пересматривать вообще чуть ли не всю древнюю историю.

Итак, поднялась волна возмущения. В 1952 году на заседании Американского философского общества Великовский попытался возразить своим оппонентам: «Существует ли противоречие между моей теорией и астрономическими фактами? Нет. Ни одного противоречия вы не обнаружите. Отвергают ли любой из приведенных мной фактов законы инерции или любые объективные законы природы? Нет, не отвергают и не опровергают. Укладываются ли описанные мною факты и факты, наблюдаемые сотнями астрономов во всех концах мира, в существующие астрономические теории? Нет, не укладываются. Ну что же, тем хуже для фактов. Может ли ваша косная небесная механика объяснить поведение хвоста кометы, на космических скоростях пролетающей мимо Солнца? Почему этот хвост изгибается, как лук? Какие гравитационные силы действуют на него? Почему солнечные протуберанцы, как детские шарики на резиновых шнурках, возвращаются к Солнцу, а не отрываются от него соответственно вашей небесной механике?.. Почему Солнце круглое, хотя в соответствии с созданными вами теориями оно обязано быть овальным?» И так далее. Спорить Великовский умел неплохо, в общем-то гораздо лучше многих своих оппонентов. Быть может, его аргументы звучали более убедительно? Ведь не весь же научный мир отрицал его теории.

Мысль о том, что Юпитер должен испускать радиошумы, Великовский впервые высказал в 1953 году во время лекции на форуме аспирантов Принстонского университета. Сидящие в аудитории профессора, которые также пришли послушать лекцию, только скептически улыбнулись: какие могут быть радиошумы, если Юпитер — холодная планета?

Через несколько дней Великовского с женой пригласил к себе Эйнштейн. И вот там за чашкой чая

Великовский сделал любопытное наблюдение: почему, спросил он, планета Юпитер так почитается в древней мифологии? Ведь ничем особенным она не примечательна, тем не менее Юпитер был главным богом у римлян, Зевс — у греков, Мардук — у вавилонян, Маздра — у персиян. Все это — названия одной и той же планеты у разных народов. Это ведь всего-навсего одна из планет Солнечной системы, мы наблюдаем ее раз в двенадцать лет. А Солнце, та самая звезда, которая дает нам свет и тепло, всего лишь второе по величине божество? Гомер в «Илиаде» говорит о том, что Юпитер сильнее всех богов, что своею цепью он может притянуть их всех вместе с Землей. Византийский ученый Евстахий прокомментировал это буквально: сила притяжения планеты Юпитер больше, чем всех остальных планет вместе взятых. Древние во многом были мудрее нас.

Именно Эйнштейна Великовский попросил использовать свой авторитет, чтобы убедить радиоастрономов провести исследования на предмет радиощумов, которые, как он предполагал, излучает Юпитер. Однако астрономы считали это полнейшим абсурдом: холодная мертвая планета, о каких радиощумах может идти речь?

И вдруг на полугодовом заседании Американского астрономического общества — сенсация: астрономы Бурке и Франклин из института Карнеги в Вашингтоне обнаружили, что и в самом деле Юпитер испускает радиощумы. Событие, что и говорить! Вот только имени Великовского в этой связи никто не упомянул, все будто бы забыли, что именно он выдвинул гипотезу. Но это была не первая и, увы, не последняя несправедливость по отношению к этому человеку. В течение десятилетия до 60-х годов Великовский был персоной нон грата в американских и иных академических кругах. Но начиная с 60-х по-

ложение изменилось: у него появился ряд фанатичных сторонников. Особенно, когда в 70-х годах отправились первые американские и советские экспедиции на Марс, Венеру и к Юпитеру. Его стали приглашать в университеты для чтения лекций. У себя дома в Принстоне Великовский стал руководить группой из нескольких дюжин исследователей, рассматривающих все аспекты его теорий, начиная с медицинских и кончая социологическими.

«А тем временем материальное положение семейства было очень и очень тяжелым. Великовский вынужден был снова начать практиковать в качестве врача-психиатра. Число его пациентов было, однако, строго ограниченным; он организовывал свое время так, чтобы иметь возможность продолжать научную работу. А на первый же свой гонорар за книгу «Миры в столкновении» Иммануил купил своей жене в подарок скрипку Амати».

Ажиотаж в прессе привел к тому, что многие видные ученые вынуждены были высказаться о его работах, среди них был и знаменитый астроном Карл Саган. Разумеется, почти все их высказывания были не в пользу Великовского. Астрономы дружно отмечали, что он ничего не смыслит в небесной механике; историки писали о его нелепостях в хронологии и исторических фактах, лингвисты ссылались на переводческие ошибки в толковании древних папирусов; указывалось на незнание им древних языков, на вольное обращение с научным наследием великих, на чрезмерное и некритическое доверие к свидетельствам древних сказаний различных народов.

Что касается геологии, то достаточно взять хотя бы его теорию о связи огненных дождей в мифологии некоторых народов и месторождений нефти, которые есть на занимаемой ими территории (Иран, Саудовская Аравия, Мексика). Эта теория противо-

речит любым научно обоснованным гипотезам появления нефтяных месторождений.

Среди обилия источников в работах Великовского (тут и дощечки народности майя, и финский эпос Калевала, и древнеяпонские сказания) обращает на себя внимание отсутствие ссылок на русские материалы. Даже в описании тунгусского метеорита «знаток русского языка» почему-то опирается на английский источник.

Немалый вклад в популярность Великовского внесла еще и Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, в поле зрения которой он попал в раннюю эпоху холодной волны. Для сенатора Маккарти Великовский был прежде всего русским ученым, а потом уже проходимцем. Напротив, для американских либералов, людей в большинстве своем гуманитарного склада, Маккарти — это символ зла, все жертвы Маккарти равно подлежат поклонению и уважению без поправок на непонятные им законы небесной механики или генетики.

«А затем Иммануил заинтересовался еще одной проблемой, связанной с катастрофами...» В ноябре 1955 года издательство «Даблдей и К°» выпустило в свет книгу Иммануила Великовского «Земля в переломах», которую он посвятил своим дочерям — Шуламит и Рут.

«Я намеревался связать воедино истории более ранних глобальных переворотов, представить геологические и палеонтологические материалы, поддерживающие свидетельства человека, — писал Великовский. — Но прием «Мир в столкновении» определенными группами ученых убедил меня: прежде чем оживлять яркое зрелище более ранних катастроф, представить по меньшей мере некоторые свидетельства скал, которые так же убедительны, как свиде-

тельства, дошедшие до наших дней в письменах и в устных преданиях».

На Аляске обнаружены многокилометровые скопления костей исчезнувших животных — мамонтов, мастодонтов, супербизонов и лошадей. Эти животные исчезли в конце ледникового периода. Здесь же, в этой массе, обнаружены останки существующих ныне видов — многие миллионы животных с переломанными и оторванными конечностями вперемешку с вырванными с корнями деревьями.

Великовский перечисляет известные стихийные бедствия и задает вопрос: могли ли они привести к такому массовому уничтожению? Подобные скопления обнаружены почти вдоль всего побережья Аляски, длина которого превышает расстояние от Ньюфаундленда до Флориды.

В вечной мерзлоте северной Сибири обнаружены вмерзшие мамонты, размороженное мясо которых без ущерба ели собаки. Грунт должен был замерзнуть в момент гибели животных, в противном случае их тела сгнили бы. Новосибирские и другие острова, находящиеся на 1000 километров севернее Северного Полярного круга, буквально напессованы огромным количеством останков мамонтов, слонов, носорогов — животных, требующих большого количества растительной пищи ежедневно в течение всего года. Каким образом большие стада этих животных могли существовать в условиях полярного климата? Громадное количество бивней мамонтов находится на дне Северного Ледовитого океана между островами. Эти места были материком, когда здесь жили мамонты.

Великовский ссылается на французского палеонтолога Кювье, считавшего, что страшная катастрофа должна была сопровождаться приливной волной,

хлынувшей на материк, и вслед за этим — внезапным падением температуры.

Чарльз Дарвин, отрицавший возможность таких катастроф, считал исчезновение мамонтов в Сибири неразрешимой загадкой.

В желудке и между зубами замерзших мамонтов были найдены растения, не растущие ныне в северной Сибири. При микроскопическом исследовании кожи обнаружены эритроциты, свидетельствующие о том, что мамонты погибли не мгновенно, а задохнулись то ли от газов, то ли от воды. Остается загадкой мгновенное замораживание такого громадного животного, как мамонт. Что могло привести к внезапному изменению температуры в этой области, где когда-то паслись огромные стада мамонтов, слонов, носорогов, бизонов, а сейчас произрастает лишайник, да и то лишь несколько месяцев в году?

На Новосибирских островах обнаружены внезапно поваленные обширные леса, высокие холмы, состоящие из сломанных деревьев, причем сохранились следы листьев и плодов. «Уничтоженные леса были унесены из северной Сибири в океан и вместе с костями животных и наносами песка построили острова». Ученые, обнаружившие гигантские кладбища животных на Аляске, не обратили внимания на подобную картину в полярных областях Сибири и на Арктических островах. Они не обнаружили общей причины этой загадки. Находки на Новосибирских островах относятся к XVIII—XIX векам, на Аляске — к XX веку.

Прежде чем писать о находках не только на севере, но и в других частях света, Великовский представляет главные теории истории Земли и животного мира.

Валуны весом в несколько тысяч тонн перенесены на огромные расстояния (например, из Сканди-

навии на Британские острова и на территорию Германии). Огромные каменные блоки перенесены из Финляндии в Карпаты и через Валдайскую возвышенность — в район Москвы и Дона. Валуны из гранитов Канады и Лабрадора найдены в долинах и на высотах во многих штатах Америки. Найдены валуны весом более 18 000 тонн, перенесенные на 80 километров. В различных местах земного шара скалы не местного происхождения перенесены на большие расстояния огромной силой.

Кювье пришел к заключению, что море и суша не раз менялись местами, причем процесс этот происходил не постепенно, а внезапно. Ни одна из существующих на Земле сил не могла быть причиной этого явления. Кювье не нашел ответа на вопрос, что могло послужить причиной катастрофы.

Великовский ссылается на книгу оксфордского геолога профессора Баклэнда, опубликованную в 1923 году. В ней описаны находки в пещерах на территории Англии. В одной из пещер, на высоте 3 метров над уровнем долины, геолог нашел кости и зубы слонов, носорогов, гиппопотамов, лошадей, оленей, тигров (с зубами большими, чем у львов или бенгальских тигров), медведей, волков, гиен, лисиц, зайцев, кроликов и разных птиц. Многие из этих животных погибли, едва успев родиться. Подобные находки обнаружены на территории всей Англии. Как могли тропические животные жить в холодном климате Северной Европы? Также, как и Кювье, Баклэнд был почти убежден, что, если произошли изменения в климате, это случилось внезапно и не раньше чем пять или шесть тысяч лет назад. К таким же выводам пришли другие ученые на основании собственных исследований.

Во многих местах земного шара (Шотландия, Италия, Германия, Огайо-Мичиган, Калифорния) обна-

ружены следы внезапной одновременной гибели рыб на территориях в многие десятки тысяч квадратных километров.

Главу о единообразии Великовский начинает историко-политическим анализом, дающим психологическое объяснение условий возникновения этой теории. После 1815 года в Европе была универсальная потребность в мире и спокойствии. Именно в таком климате теория медленной, едва ощутимой эволюции в природе на протяжении миллионов лет могла стать популярной и доминирующей в естественных науках. Теория, предложенная Хатоном в 1795 году и Ламарком в 1800-м, была поднята на нынешнюю высоту Чарльзом Лайелом, молодым юристом, увлекавшимся геологией. Его друг и ученик Чарльз Дарвин построил свою эволюционную теорию на лайеловских принципах единообразия, заключавшихся в том, что ветер, солнечное тепло и дождь в течение многих миллионов лет медленно строили геологию планеты. Реки уносят наносы в море и т. д. Никакие большие катастрофы никогда не меняли лица Земли. Спорадические извержения вулканов, по мнению Лайела, не могли иметь такого значения для строения Земли, как ветер или морские волны. «Согласно теории единообразия, в прошлом не было процессов, которые не происходили бы в настоящее время, и не только природа, но даже интенсивность физических феноменов в настоящее время являются критерием того, что случилось в прошлом». Великовский цитирует Лайела, так как его теория единообразия не только предмет обучения. Сомневаться в ней — значит быть еретиком. Анализируя цитаты, Великовский четко показывает, что речь в них идет не о научных принципах, а о принципе веры.

Как Лайел объяснял находки останков гиппопо-

тамов в Англии? Они совершали путешествие от Нила вдоль берегов Средиземного моря, по рекам Испании и Франции — до Соммы, затем — по Темзе или Северну и возвращались на юг до того, как снег и лед настигали их.

В пещере в Западном Йоркшире на высоте 480 метров над уровнем моря в наносах глины, содержащих валуны, были найдены останки мамонтов, носорогов, гиппопотамов, бизонов, гиен и других животных.

Но как бы там ни было, а палеонтологические находки доказывали, что в природе происходили огромные, кардинальные перемены. Традиционная наука объясняла эти перемены сравнительно постепенными процессами. Однако Великовский выдвигает свою теорию. Ведь трудно себе представить, что когда-то в северной части Гренландии росли магнолии и фиговые деревья. На Шпицбергене обнаружены кораллы, для которых недостаточно тепла даже в Средиземном море. А в Антарктиде на широте 85° обнаружены залежи каменного угля. А ведь сегодня на этой широте практически нет ничего живого.

«Иногда кажется, — писал Великовский, — что история климата — это коллекция нерешенных, даже нерешаемых вопросов. Без резких изменений в позиции земной оси или в форме орбиты или вместе того и другого не могло быть условий, при которых тропические растения процветали бы в полярных областях. Если кто-нибудь не убежден в этом, он должен попробовать культивировать кораллы на Северном полюсе».

Кроме того, на территории многих стран, в частности Англии, Франции, а также на Гибралтаре, на Корсике, Сардинии, Сицилии в щелях скал на возвышенностях найдены переломанные кости множества животных вперемешку с острыми камнями. Ве-

ликовский считал, что это следы насильственной смерти. В своей работе Великовский приводит множество подобных примеров, взятых из самых разных источников. Все это, по его мнению, свидетельствует о гигантской и к тому же внезапной катастрофе.

В штате Небраска было обнаружено гигантское кладбище трех видов исчезнувших животных, по всей видимости занесенных сюда мощным водяным потоком. Количество скелетов — 820 на 150 кв. м. Там было около 16 скелетов двурогих носорогов, около 500 скелетов когтистых лошадей и около 100 — гигантских свиней. Подобные же находки обнаруживались опять-таки в самых разных странах и на самых разных широтах.

Было и еще одно обстоятельство: возраст скальных образований определяется по содержанию в них ископаемых. Так вот, было установлено, что в некоторых местах (а именно — в Скалистых горах, в Альпах, в горах Западной Шотландии) старые формирования были вытолкнуты на вершины более молодых.

«Вряд ли это могло бы случиться, если бы ротация и орбитальное вращение нашей планеты никогда не были возмущены», — писал Великовский.

Над разгадкой феноменов ледникового периода уже давно бьются ученые, стараясь понять природу той огромной силы, которая воздействовала на Землю. Великовский цитирует, например, одного астронома, утверждавшего, что земная ось изменила свое направление. Помимо прочих доказательств приводится и такое: плоскость орбиты Луны не совпадает с плоскостью экватора.

Свою третью книгу «Земля в переворотах» Великовский закончил словами: «Катастрофы происходили в доисторические и в исторические времена.

Мы — потомки выживших, которые, в свою очередь, тоже были потомками выживших».

Наступил 1958 год. Из университета в Принстоне в Советский Союз отправлялась группа профессоров и преподавателей. Великовский решился воспользоваться случаем и попросил одного знакомого профессора попытаться разыскать в Москве его старших братьев, Александра и Даниила. Профессор любезно согласился и, едва прибыв в Москву, тут же принялся за поиски. Впрочем, и адреса и номера телефонов у него были, вот только по одному из телефонов он так и не смог дозвониться. По второму ему ответила женщина, которой профессор и попытался на ломаном русском языке объяснить, кто он такой и зачем звонит. Женщина весьма сухо и поспешно ответила, что это ошибка и положила трубку. Профессор удивился, но не сдался. Перезвонил по 09, где ему подтвердили, что номер верен и до сих пор зарегистрирован на Великовского. Профессор снова набрал этот странный номер. Ответил уже знакомый женский голос. Профессор попытался начать сначала, сказав, что номер проверил и хотел бы пообщаться с хозяином квартиры, чтобы передать привет от младшего брата из Америки. К величайшему его изумлению женщина уже откровенно враждебным тоном попросила его перестать их беспокоить, у них нет и не было никаких родственников за границей, а тем более в Америке. По возвращении ничего не понимающий профессор подробно поведал обо всем Иммануилу. Но самого Иммануила происшедшее несколько не удивило. Ему оставалось только радоваться тому, что оба брата живы.

Иммануилу Великовскому было уже шестьдесят пять лет, когда наконец увидела свет его старая рукопись, названная им «Эдип и Эхнатон». Книга эта, как, впрочем, и три предыдущие книги, стала бест-

селлером. Почти немедленно ее издали в Англии. Научный мир — что также неудивительно — и эту книгу встретил сначала глубоким молчанием, а затем возражениями, высказанными, правда, в гораздо более сдержанных выражениях, чем, скажем, по поводу самой первой книги Великовского «Века в хаосе». Неприятие его теорий со стороны ученых уже стало привычным для Иммануила, поэтому не слишком огорчало. Ведь сторонники у него тоже были.

И вот наступила эра освоения человеком космоса. Великовский был несказанно заинтересован этой областью человеческой деятельности, поскольку теперь появилась возможность осязаемым образом подтвердить или опровергнуть его теории, связанные с изменением наклона земной оси, вызванным столкновением с гигантской кометой.

Гипотеза Иммануила Великовского заключалась в том, что когда-то Земля столкнулась с Венерой, которая была тогда еще не планетой Солнечной системы, а кометой, и двигалась по совершенно другой орбите. Именно после столкновения изменился наклон земной оси, а Венера стала известной ныне всем планетой. И еще: за несколько лет до запуска в космос первого спутника Великовский утверждал, что, вопреки общепринятому в науке мнению, Венера — горячая планета. Поверхность ее, по словам Иммануила, «горяча настолько, что нефть на ней должна гореть, если только в атмосфере Венеры присутствует кислород». Тогда его высмеяли. А тут вдруг выяснилось: исследования показали, что Великовский был прав. У него появлялось все больше сторонников.

Великовский внимательно следил за всем новым, появляющимся в астрономии, биологии, геологии, палеонтологии и истории. Ежемесячно он прочитывал и просматривал сотни журналов на английском, немецком, русском и французском языках.

Еще в 1954 году в Лондоне была издана книга Вилфрида Фрэнсиса «Уголь, его образование и состав». Среди прочих теорий автор рассматривал точку зрения Великовского и Нильсона об образовании угля в результате катастроф. Второе издание книги появилось в Лондоне в 1961 году. Фрэнсис писал: «Эти свидетельства строго поддерживают теорию, согласно которой обугливание произошло во время интенсивных лесных пожаров, потушенных наводнением прежде, чем леса были полностью уничтожены. Эти свидетельства хорошо совпадают с теорией образования угля, предложенной Великовским».

А в 1966 году в «Science» появилась статья Оро и Гана, в которой черным по белому было написано, что ароматические и другие углеводы могли возникнуть во время столкновения между планетой и кометой. Это было еще одним подтверждением теории Великовского об образовании нефти. Возможность образования нефти миллионы лет назад, что было одним из постулатов теории единообразия, уже давно была поставлена под сомнение, когда радиоуглеродным методом было установлено, что нефть, поднятая со дна Мексиканского залива, не старше 9000 лет.

Идеи Великовского подтвердились в астрономии, геологии, палеонтологии, истории. Это не могло не привлечь внимания все большего количества ученых к его работам и к тому, как они были приняты научным истеблишментом. Даже спустя два года после выхода в свет «ABS», посвященного «делу Великовского», в редакцию продолжали приходить письма с просьбой прислать этот номер журнала. Поэтому де Грация и его соредакторы решили, несколько расширив и обновив материал, издать книгу под названием «Дело Великовского». Книга вышла в свет в

1966 году и сразу же привлекла внимание интеллигенции.

Ученые, зависящие от различных фондов или работающие в государственных учреждениях, читают книгу тайком. Почему? Властвует страх остаться без финансирования научных исследований, страх повредить карьере...

В ту пору и значительно позже профессор де Грация считал, что подобные страхи в подавляющем большинстве случаев можно было подавить и действовать согласно совести. Он верил в «счастливейший конец», примером чему может служить его собственное участие в «деле Великовского».

«Делом Великовского» заинтересовался издатель и редактор журнала «American Behavioral Scientist» Альберт де Грация. Ознакомившись с работами Иммануила, с отзывами о нем представителей самых разных направлений в науке, со статьями и письмами, опубликованными в периодике, он сделал вывод: «Иммануил Великовский выдвинул синтетическую теорию высшего порядка. Он перестроил классическую хронологию. Он извлек важную правду из древних источников, от которых отказалась наука. Заново открыт глубинный опыт наших предков. Таким образом, он дал нам новое понимание природы человека.

Он показал, что настоящий порядок Солнечной системы всецело нов и управляют им не учитывавшиеся силы. Он нанес удар значительной части дарвиновского объяснения эволюции. Он опрокинул различные большие геологические теории и вместо них предложил свои теории. Он заполнил пространство, считавшееся вакуумом.

Значительная часть его истин рассеяна на исторических и современных путях науки. Как биты информации и фрагментарные теории они малоценны

или вообще не имеют значения для многих ученых и исследователей, которые могли едва взглянуть на них и отвернуться. С редким воображением и совершенным мастерством он объединил их в теории большого охвата, компактности и целостности. И хотя не все его теории вне критики, как космогонист он находится в компании Платона, Аквинского, Бруно, Декарта, Ньютона и Канта».

Великовского все чаще приглашали выступить с лекциями в университеты. К началу лета 1965 года «Миры в столкновении» были изданы в США в твердых переплетах 16 раз, в Англии — 15 раз. Тринадцать изданий выдержала в Англии «Земля в переворотах». «Британская энциклопедия», несмотря на ортодоксальную ориентацию в науке, поместила статью о Великовском.

В апреле 1967 года вышел в свет «Йельский научный журнал», полностью посвященный Великовскому. Интересен тот факт, что до этого момента практически любая статья о Великовском, включая биографические справки, предваряющие издания его книг, обязательно содержала какие-нибудь фактические ошибки. Ошибки эти, как правило, допускались сознательно и так или иначе искажали представление об этом человеке. Апрельский выпуск «Йельского научного журнала» стал попыткой дружественных Великовскому ученых опровергнуть измышления.

Однако отношение к Великовскому со стороны официальной науки несколько не изменилось. Лучшее тому доказательство — история подготовки выступления Великовского в Астрономическом обществе Ритенхауза. 16 сентября 1966 года общество официально пригласило Великовского выступить 7 апреля 1967 года перед 350 его членами в лекционном зале Института Франклина в Филадельфии. С 1931 года

общество пользовалось помещением института без каких-либо осложнений. Но приглашение Великовского всполошило хозяев. Нет, Великовский не должен переступить порог Института Франклина! Астрономическое общество Ритенхауза возмутилось таким поступком и решило перенести лекцию в другое помещение.

Великовский узнал об этом и внешне никак не отреагировал на действия руководства Института Франклина, хотя больно было видеть, как и сейчас продолжается все та же линия поведения власть предержащих в науке.

Зато на эти действия отреагировали филладельфийские газеты. Имя Бена Франклина, которое носит институт, писали газеты, обязывает к научной порядочности. Случись такое во времена Бена, он лично пригласил бы Великовского выступить и изложить свою научную концепцию.

Президенту института В. Лоуренсу Ле Пейдж пришлось выкручиваться из неприятной ситуации. 14 февраля 1967 года он опубликовал письмо в «Вечернем бюллетене». «Если Астрономическое общество Ритенхауза согласно, чтобы это была не просто лекция доктора Великовского, а дискуссия, то есть, если сразу же после лекции выступит оппонент, — сообщал он, — институт согласен, чтобы это событие произошло в их лекционном зале».

Когда Великовскому рассказали о письме Ле Пейджа, он с улыбкой заметил: «Аудитория должна немедленно получить противоядие? А если бы они организовали лекцию ученого, с которым не согласен Великовский, пригласили бы они меня быть его оппонентом?» И тем не менее он согласился на дискуссию, хотя предпочел бы, чтобы она состоялась не в Институте Франклина, а в Американском философском обществе.

Президент Астрономического общества доктор Вильям Уолтер не согласился с условиями Ле Пейджа. Он посчитал это оскорблением организации, существующей 79 лет.

На ответ Великовского пришлось отреагировать доктору Джоржу Корнеру, административному руководителю Американского философского общества. Он заявил, что вопрос о дискуссии может быть рассмотрен только после официального обращения доктора Великовского. Читатель убедится в том, что такое обращение будет рассматриваться в течение... семи лет.

Лекция Великовского состоялась 7 апреля 1967 года в аудитории Филадельфийской библиотеки, расположенной напротив Института Франклина. Перед лекцией Астрономическое общество Ритенхауза дало званый обед в честь Великовского.

Кроме 350 членов общества, на лекции присутствовали еще 100 человек. На следующий день филадельфийские газеты описали восторг аудитории, которая, затаив дыхание, в течение двух часов слушала Великовского, представившего длинный и убедительный перечень свидетельств против догмы в современной астрономии. После лекции воодушевленные слушатели устроили Великовскому овацию. Улыбаясь, лектор сказал, что эти аплодисменты принадлежат Астрономическому обществу Ритенхауза за его принципиальную позицию в схватке с силами подавления.

В мае 1967 года состоялись лекции Великовского в Сант Олаф-колледже, в Висконсинском и Чикагском университетах, а также в университете штата Канзас. История науки не может похвастаться именами многих ученых, способных в семидесятидвухлетнем возрасте выдержать такую лекционную нагрузку, причем не в одном месте, а преодолевая в поездах и самолетах огромные расстояния.

Во время двухнедельного перерыва (уже 2 и 3 июня Великовский читал лекции в Вашингтонском университете в Сент-Луисе) он не смог отдохнуть, интенсивно работая в библиотеках Принстона. А здоровье было даже не таким, как несколько лет назад.

Элишева просила, возмущалась, угрожала, настаивая на том, чтобы Иммануил оставался в постели, как рекомендовали врачи, или хотя бы отдохнул от работы. Великовский отшучивался и делал все возможное, чтобы скрыть от Элишевы и от окружающих свое состояние во время приступов.

На протяжении всей жизни и работы Великовского наблюдается одна закономерность: очень многие из критикующих его ученых не читали его работ. Может быть, в этом и кроется слабая сторона их критики? Дело-то в том, что когда кто-нибудь из ученых мужей высказывался против той или иной теории, выдвинутой Великовским, тот всегда находил контраргументы. Для кого-то они звучали убедительно, для кого-то нет, но ни разу полемика не была доведена до конца.

К семидесяти пяти годам Великовский прочитал лекции в университетах почти всех американских штатов, а также во множестве научно-исследовательских учреждений. И в этих лекциях он часто обращался к социологии и психологии: «Мы одни в Солнечной системе. Мы иррациональны, потому что не знаем, что произошло с нами в недавнем прошлом. Из Фрейда мы усвоили, что травматический опыт легко забывается. Мы также усвоили, что этот опыт имеет тенденцию к повторению. На обоих берегах Атлантики существует в достаточной степени разрушительная сила, чтобы сделать жизнь невозможной. В нас живет наследственность, рожденная в травматическом, в ужасном опыте. Фрейду было известно это, но он не знал, какова причина этого опыта».

И еще: «Причина испытанной мной оппозиции в значительной мере была психологической: мои критики не могли простить мне, что я превратил их неосознанное в сознательное».

А популярность Великовского росла. В июле 1972 года Великовского пригласили выступить в NASA. Утром 14 августа 1972 года в Эймсе, на юге Сан-Франциско, в отделении NASA, занимающемся биологическими проблемами, связанными с космосом, Великовский прочитал лекцию для персонала. Но желающих услышать Великовского было так много, что после полудня он был вынужден выступить вторично перед огромной аудиторией. Люди, не поместившиеся в зале, толпились в открытых дверях.

После лекции даже предубежденные слушатели высказали мнение, что следует прекратить глупый и преступный бойкот Великовского и приступить к тщательному исследованию всего, предложенного этим необычным человеком, заставившим скептически настроенную аудиторию в течение часа, затаив дыхание, слушать о предмете, имеющем непосредственное отношение к тому, чем занимается исследовательский центр.

На следующий день Великовский вылетел из Сан-Франциско в Портленд, чтобы принять участие в специальном симпозиуме, организованном в колледже Люиса и Кларка. В течение 16, 17 и 18 августа пятьдесят приглашенных ученых и двести наблюдателей от полудня до полуночи с полной отдачей сил принимали участие в симпозиуме, посвященном теориям Великовского.

Президент колледжа Джек Говард открыл симпозиум яркой и гневной речью против преследователей великого ученого. На симпозиуме работали три секции: физические науки; история и археология; психология, религия и социология. Заседания двух пер-

вых начались с докладов Великовского. Еще одним докладом — «Человечество в амнезии» — он открыл заключительное заседание симпозиума.

Трудоспособность Великовского поразила присутствующих. Молодые ученые буквально падали от усталости после дня симпозиума, загруженного до предела. А 77-летний старик, выступающий с докладами, отвечающий на бесчисленные вопросы, внимательно слушающий выступления других ораторов, участвующий после полуночи в частных дискуссиях, снимающийся утром в телевизионных программах, активно участвующий во многих других событиях, выглядел неутомимым. Это произвело на участников симпозиума не меньшее впечатление, чем удивительная образованность, феноменальная память и какая-то необъяснимая сила, излучаемая этим человеком, — властвующая, доминирующая, но не подавляющая.

Аудитория обратила внимание на фразу, с экспрессией произнесенную Великовским во время открытия симпозиума: «Все, что я написал или сделал, подлежит проверке, критике, изменению, и я принимаю вердикт фактов. Мою работу не следует воспринимать как абсолютную истину».

Эти слова он повторял неоднократно. Но его противники не слышали их. Они постоянно распространяли слухи о том, что Великовский безапелляционно провозглашает свою теорию истиной.

Общая точка зрения всех участников симпозиума лучше всего была сформулирована в докладе доктора Мак-Ки из университета Глазго в Шотландии: «...Доктор Великовский оказал гигантскую услугу, заставив нас пересмотреть как сами основы, так и основные предположения в различных дисциплинах, напомнив нам, как нужны для здоровья науки и учения вообще междисциплинарные изучения. Поэтому я не предлагаю тратить время на потворство и

удовлетворение скептиков, извиняясь за серьезное отношение к идеям Великовского. Достаточно сказать, что я не представляю себе, как может серьезный ученый отказаться рассмотреть эти идеи или сверить их с фактами и теорией, с которой он знаком в деталях. Детализированные идеи Великовского... являются экстраординарно эффективным инструментом для отметания так называемых «неоспоримых» предположений, обусловивших многие научные исследования... и для отсортировки действительных фактов от предположений».

Никогда еще в колледже Люиса и Кларка не собиралось одновременно столько выдающихся ученых. Это был явный успех, тем более важный, что некоторые профессора колледжа опасались, что симпозиум, посвященный Великовскому, может повредить их репутации. Даже журналисты, все еще находившиеся в плену общественного мнения, созданного ортодоксальными учеными, боялись, как бы корреспонденции в пользу Великовского не повредили их карьере.

В Советском Союзе у Великовского тоже нашлись поклонники. Вернее, поклонник, профессор Всехвятский, написавший ему письмо еще во времена Сталина. Не убоился реакции режима... Он же организовал публикацию серии статей о Великовском в «Науке и жизни» в 1962 году. Так что о теории Великовского советские читатели прочли. Изложена она была, правда, «сглаженно» и непоследовательно, да и имени Великовского в журнале умудрились ни разу не упомянуть.

Последнюю свою публичную лекцию Великовский прочитал в 1979 году в Принстонском университете. Ему было тогда восемьдесят четыре года. Возраст преклонный, а хотелось побыстрее подготовить к печати очередную книгу «Время Гомера и Исаяи».

Иммануил Великовский скончался 17 ноября 1979 года в Америке. На следующий день, 18 ноября, его жена Элишева похоронила его в Оушен Кантри на Томс Ривер Бич. Книга «Человечество в амнезии», подготавливаемая к публикации Великовским в последние дни его жизни, вышла в свет в 1982 году.

Прав ли хоть в чем-нибудь Иммануил Великовский? Ясно одно: он — выдающаяся личность уже хотя бы потому, что работы его вызвали к жизни такую ожесточенную и такую длительную полемику. В спорах рождается истина, важно только, чтобы аргументы в этих спорах чего-нибудь стоили.

Некоторые американские университеты (среди них между прочим Новая школа социальных исследований в Нью-Йорке) включают в свои программы «курс Великовского».

Очень может быть, как считают многие, что в науке он и был шарлатаном, но он научил целое поколение ученых — молодое поколение — не доверяться догмам. Уже одно это достаточно ценно, даже если нет рационального зерна во всем остальном.

Абстракции Александра Архипенко

Александр Архипенко — первый скульптор нашего столетия, который осознал форму как иллюзию и исследовал эту тайну всю жизнь.

Кэтрин Кух

Архипенко Александр — 30.05.1887—25.02.1964 г.

Скульптор и художник, работавший в новом стиле, где изображение человеческой природы было подчинено формальной композиции пустот и геометрических тел.

Окончив школу в Киеве, Архипенко поступил в Школу изящных искусств в Париже (1908 год), где и увлекся кубистическим направлением в искусстве.

С 1921 по 1923 год изучал искусство в Берлине, затем переехал в Нью-Йорк.

Абстрактные скульптуры Архипенко характеризуются особым ритмическим движением, они отмечены первобытной жизненной силой.

В 1912 году он сделал первый коллаж в скульптуре («Medranos» — расположенные по кругу фигуры из разноцветного стекла, дерева и металла).

У Запада есть основания для серьезного иска к России: мало того, что ее представители Казимир

Малевич и Василий Кандинский разрушили стройный храм классической живописи и поставили на его месте сомнительный идол живописи абстрактной, еще и Александр Архипенко проделал то же со скульптурой! Самое верное дело для России — это кричать о тлетворном влиянии Запада, что она сейчас делает сызнова: ведь Малевич и Шагал родом из Белоруссии, а Архипенко — всегда считал себя украинцем. Обе страны называют себя сейчас европейскими в отличие от азиатской России... Правда, раньше под тлетворным влиянием Запада понималось нечто иное, но навести легкую ретушь на лозунги недолго. Разберемся пока с Архипенко.

Он родился в 1887 г. в Киеве — в столице Украины, а еще раньше всей Руси. Семья имела давнюю традицию связи с искусством и жизнью: дед Александра по отцу был иконописцем, а отец — инженером-механиком и изобретателем. Мать Прасковья Махова была, по-видимому, русской.

Два важных года, 13—14 лет, он провел в постели: в результате велосипедной аварии сломал ногу. Все это время копировал рисунки Микеланджело с книги, подаренной отцом. Подобно Леонардо, он на всю жизнь включил в круг своих жизненных интересов математику и технику, хотя и отдал, не без внутренней борьбы, пальму первенства искусству, поступив в Киевское художественное училище. Основное влияние на него в это время оказывали византийское искусство, проза Леонида Андреева и первая русская революция 1905 г. Училище он не окончил: его в том же году исключили за критику академизма и старомодности учителей.

После краткого пребывания в Москве и участия в нескольких групповых выставках в 1908 г. он в Париже. Там за короткое время создал новаторские скульптуры «Сидящая черная фигура», «Сезанна» и «Женщина с головой на коленях».

В 1910—1914 гг. он был участником «Салона Независимых» и стал одним из членов «Золотой секции», которая включала Пикассо, Брака и Делоне. Позднее, уже в американский период его творчества, часто охочие до броских сопоставлений американцы сравнивали Архипенко с Пикассо, говоря, что он сделал со скульптурой то, что Пикассо с живописью. (Мода на Малевича и Кандинского тогда еще до США не докатилась.)

В 1912 г. Архипенко открыл в Париже собственную школу ваяния. Сквозь рафинированную современную форму его работ, особенно в гравюрах, проглядывал украинский народный мотив. Кроме того, он сам всегда называл себя украинцем.

В 1913 г. на выставке в Нью-Йорке в Арсенале он представлен сразу четырьмя скульптурами и пятью рисунками. В следующем году он создает «Боксеров», наиболее абстрактную скульптуру того времени. В нагроможденных округлых объемах угадываются две мужские фигуры, поглощенные схваткой. Выставка кубистов в Париже включала уже пять скульптур Архипенко.

После окончания войны творчество Архипенко получает новый мощный импульс в виде моновыставки на Биеннале (Венеция) и выставки «Золотой секции» в галерее Вайль (Париж), Брюсселе и Женеве. В 1921 г. Архипенко женится на Анжелике Бруно-Шмиц, немецком скульпторе, и почти три года живет в Германии. На скульптурном портрете жены несколько вертикальных линий из крашеной глины передают ощущение чего-то нежно любимого и тонкого. Тогда же в США выходит первая монография о нем. Так что два года спустя он мог уже спокойно открывать школу в Нью-Йорке и через пять лет в обстановке устойчивого успеха стал американским гражданином.

Абстрактное искусство всегда было объектом спо-

ров. Это в особенности относится к скульптуре, а в области скульптуры — к монументам, установленным в местах большого скопления людей, не всегда либеральных в отношении современных веяний в искусстве. Это справедливо и в отношении А. Архипенко. Еще в Париже его выставочные работы стали объектом самой обидной, но и одновременно самой почетной критики — карикатур в парижских газетах. Известно, что по крайней мере политики иногда заказывают карикатуры на себя, чтобы поднять свою популярность. Наверное, то же относится и к художникам. Но у Архипенко не было нужды кого-то нанимать — карикатуристы сами рвались к его скульптурам, умножая и без того немалую известность художника.

Архипенко не только лепил скульптуры, рисовал и гравировал, но и выступал с лекциями по университетским центрам США. Однажды он даже на два года перевел свою школу в Чикаго. Причем он весьма нередко творил в стиле «ретро», выдавая вполне реалистические гравюры и скульптуры. Подчас это делалось с очевидной целью показать, что абстрактный характер его работ не вызван недостатком профессионализма.

В 1960 г. он выпустил книгу «50 созидательных лет в искусстве» и, поскольку его жена давно умерла, женился вторично на своей бывшей ученице. Жена оказалась хорошей душеприказчицей художника и еще много лет не переставала издавать оставшиеся после него материалы. В 1964 г., вскоре после окончания своей последней скульптуры «Царь Соломон», Архипенко умер.

В Америке сейчас он пользуется признанием как тонкий и своеобразный мастер, пионер абстракции в скульптурном искусстве и даровитый график. Много его работ имеется в Музее современного искусства в Нью-Йорке, Национальной галерее США, Бостонском музее изящных искусств и других коллекциях.

Одна из наиболее представительных коллекций скульптур и картин Архипенко находится в Художественном музее в Тель-Авиве. В нее попали, в частности, ранние, еще неабстрактные произведения из коллекций еврейских собирателей произведений искусства из гитлеровской Германии, где искусство Архипенко было запрещено как расово неполноценное из-за славянского происхождения художника. Многие произведения скульптора исчезли во время войны и представлены лишь своими фотографиями.

Не все, созданное Архипенко, выдержало испытание временем. За бортом истории искусства оказались его опыты по «динамическим рисункам» и «архипентура» — изобретенный им аппарат для демонстрации картин, посвященный Т. Эдисону и А. Эйнштейну и наделавший много шума на выставках в 20-е годы.

Лавры основателя абстрактной скульптуры делил в «Гролиере» с Архипенко Наум Габо (1890—1977), который представлял «конструктивизм» (стиль Архипенко названия не имел), и с 1946 г. жил в США. Но этот скульптор, живописец и архитектор (в Гарварде он недолго преподавал именно архитектуру) — тоже россиянин. Родился в г. Брянске, в сердце России: покинул ее в 1926 г. Есть там еще и автор современных гравюр Татьяна Гросман. Почему-то совершенно не представлена в «Гролиере» русская станковая живопись. Они, конечно, ни Малевич, ни Кандинский, ни Шагал до Америки не добрались. Но и без них я найду тройку имен, которые не грех подать американскому читателю!

Сергей Рахманинов: одинокость в толпе

Если бы ничтожная кокетка Джульетта Гвичарди ответила на любовь Бетховена, это сделало бы его жизнь гораздо счастливее; но у нас не было бы «Лунной сонаты».

Дмитрий Кабалевский

Рахманинов Сергей Васильевич — родился 20 марта 1873 г. в имении Онег (Семеново) Новгородской области, умер 28 марта 1943 г. в Беверли Хилс, штат Калифорния, США.

Игрой на фортепиано начал заниматься с 4-5 лет с матерью, затем с педагогом А. Д. Орнатской. С 1882 года учился в Петербургской консерватории у В. В. Демянского, с 1886 года — в Московской консерватории у Н. С. Зверева и А. И. Зилоти, С. И. Танеева и А. С. Аренского. Окончил Московскую консерваторию по классам: фортепиано в 1891 году, композиции — в 1892 году.

Дипломная работа Рахманинова — одноактная опера «Алеко» (либретто В. И. Немировича-Данченко по поэме А. С. Пушкина «Цыгане»). Поставлена в Большом театре в Москве в 1892 году. Рахманинов сочинил целый ряд симфоний, фортепианных концертов, романсов и

других музыкальных произведений, в том числе поэму «Колокол» для оркестра, хора и солистов (1913 г.). Кроме «Алеко» сочинил еще две оперы: «Скупой рыцарь» по А. С. Пушкину и «Франческа да Римини» по Данте.

С 1900 года постоянно гастролировал как пианист и дирижер в России и за границей, главным образом в странах Европы, в США и Канаде. В декабре 1917 года Рахманинов поехал на гастроли по Скандинавии, а в 1918 году переселился в США. С 1918 по 1943 г. занимался преимущественно концертно-пианистической деятельностью в США и Европе. В 1941—1942 гг. выступил с концертами, сборы от которых передал в фонд помощи Советской Армии.

В конце декабря достопамятного 17-го он был одним из последних, кто покинул Россию, пользуясь старорежимной российской визой. Старорежимный русский паспортный чиновник на шведской границе с Республикой Финляндией, уже месяц как не входившей в Российскую республику, пожелал «господину Рахманинову» успешных гастролей в Стокгольме. Хорошо еще, что он не сказал «гражданину Рахманинову». Это слово успело ему насточертеть уже на домашних собраниях, когда утверждался график дежурств по охране здания от грабителей — по его мнению, когда-то городские, ныне уже разогнанные, справлялись с этим куда как успешнее.

Род Рахманиновых для России иностранный. В общем, как у Пушкина, поскреби русского, и ты найдешь, — нет, правда, не татарина, как может показаться по фамилии, но молдаванина: в XIV—XVI вв. из рода Драгош два века выходили господа-ри независимой Молдовы. С той давней поры фамилия обрусела, стали Рахманиновы новгородскими дворянами и служили больше по военной части.

Колыбелью его был Новгородский край, самое сердце Древней Руси. Сергей Васильевич Рахмани-

нов родился в имении Онег 20 марта 1873 года. Имение это принадлежало прежде родне его матери, Любови Петровны Бутаковой, и принесено было в качестве приданого в семью Рахманиновых.

Немалое влияние на творчество любого композитора оказывают впечатления детства. Сергей Васильевич также не был в этом смысле исключением. Прежде всего и дед, и отец его очень любили музыку. Дед занимался композицией и прекрасно играл на фортепиано, принимая даже время от времени участие в любительских концертах. Отец же был не только способным музыкантом, но и импровизатором. Он часами мог играть собственные мелодии, причем некоторые темы использовал позже Сергей в своих сочинениях. Семейное предание гласит, что четырехлетний Сережа играл на фортепиано вместе с отцом в четыре руки.

К сожалению, следует признать, что Василий Аркадьевич, отец будущего композитора, не обладал в достаточной степени ни деловыми качествами (что очень скоро повлекло за собой продажу имения жены), ни особенным влиянием на детей, хотя отцом он был нежным и любящим. Сережа не был духовно близок ни матери, ни отцу. Зато он очень полюбил свою бабушку с материнской стороны, Софью Александровну Бутакову. Когда семья вынуждена была переехать в Петербург, поскольку Василий Аркадьевич должен был поступить на службу, чтобы сколько-нибудь достойно содержать семью, Сережа часто навещал Софью Александровну, и каждое лето непременно отправлялся в ее нижегородское имение. Именно здесь он вплотную соприкоснулся с русскими народными песнями, с жизнью русского села, с потрясающей красотой российской природы. Вне всякого сомнения, это оказало значительное влияние на его творчество. Он сказал как-то:

«...за исключением нескольких модернистов, все русские композиторы глубоко впитали дух русской поэзии». А ведь кроме этого были еще и церковные колокола, и голоса певчих — голоса самой России!

Музыкой с маленьким Сережей начала заниматься его мать, заметившая, с каким удовольствием мальчик слушает игру на рояле. А вскоре ее сменила профессиональная учительница музыки А. Д. Орнатская.

Но вот семейство переезжает в Петербург. Мальчика записывают в консерваторию к одному из тех трудолюбивых, но совершенно замотанных преподавателей, которые все силы свои отдавали занятиям с малоспособными учениками, на долю же детей понастоящему одаренных не оставалось почти ничего. Сережу Рахманинова это, однако, не слишком удручало. Он очень быстро обнаружил, что родители не собираются лично проверять, чем он занимается в течение дня, поэтому каждое утро (зимой) он проводил на катке, самозабвенно совершенствуясь в этом виде спорта. По общеобразовательным предметам он в результате успевал еле-еле, только музыкальные всегда сдавал с легкостью. А получив табель, усеянный частоколом из единиц, он быстренько уверенной рукой пририсовывал единицам недостающие палочки, превращая их в четверки. Трудно сказать, сколько бы это еще могло продолжаться, но в один прекрасный день (Сереже было тогда двенадцать лет) в Петербург приехал его двоюродный брат Александр Ильич Зилоти. Он был старше Сережи на десять лет, но уже успел стать известным пианистом (он учился у Листа и Рубинштейна). Он послушал игру своего юного родственника, который уже тогда прекрасно импровизировал, и предложил отправить его в Москву к прекрасному педагогу Звереву. Вот так и случилось, что Сереже — к величайшему его сожалению

нию — пришлось распрощаться с вольной жизнью в Петербурге. В Москве его ждала настоящая работа.

Николай Сергеевич Зверев по-настоящему любил детей и свою профессию. Он отличался редким бескорыстием: одаренные дети, чьи родители не в состоянии были платить за обучение, жили у него дома, причем он не просто занимался с ними музыкой и композицией, но и водил их в театры и на концерты, стремясь развивать в них любовь к прекрасному. Более того, он нанимал им учителей, занимавшихся с детьми иностранными языками, и сам платил за это обучение. Так что с наставником Рахманинову повезло просто на редкость.

В этой жизни не было места лени, а отлынивать от занятий под каким бы то ни было предлогом просто не представлялось возможным: уж очень Зверев был суров. Как ни странно, эта его суровость никого не обижала; ведь заботился он о детях лучше, чем иные родители. Неудивительно поэтому, что Сережа очень быстро расстался со своими петербургскими привычками и научился работать по-настоящему.

Но кроме суровых будней были еще знаменитые зверевские вечера, на которые приглашались известные пианисты и композиторы. Обыкновенно на таких вечерах ученики Зверева выступали перед гостями (а гости были действительно именитые: Чайковский, А. Рубинштейн, Танеев и другие). Иногда за рояль садился и кто-нибудь из гостей; Сережа очарован был музыкой Петра Ильича Чайковского, а также игрой Рубинштейна, появлявшегося на вечерах во время своих приездов в Москву. Рахманинов рассказывал: «Вот как мы учились играть в России: Рубинштейн давал свои Исторические концерты в Петербурге и Москве. Он, бывало, выйдет на эстраду и скажет: «Каждая нотка у Шопена — чистое золото. Слушайте!» И он играл, а мы слушали».

Проучившись у Зверева три года, Рахманинов перешел в старший класс, которым руководил его родственник Зилоти. Однако еще ко времени его обучения в младших классах относятся его первые самостоятельные сочинения — три ноктюрна для фортепиано. Все более и более пристально за развитием молодого таланта следил Чайковский, понимая, что мальчика ожидает блестящее будущее. Композитор всячески помогал Сереже, давал советы по композиции, а Сережа, в свою очередь, продолжал восхищаться творчеством Чайковского, черпая в нем источники вдохновения.

Уже тогда виртуозность игры Рахманинова отмечали окружающие, хотя ему было далеко еще до того уровня мастерства, которым он отличался уже в зрелости. Он необычайно легко запоминал с первого раза — причем только на слух — сложнейшие произведения самых разных композиторов.

Перейдя в класс Зилоти, Рахманинов некоторое время продолжал еще жить у Зверева, но недолго. Глупейшее недоразумение послужило причиной их разрыва: учась в старшем классе, Рахманинов должен был много заниматься композицией, а в доме Зверева, где постоянно занимались другие ученики, это не представлялось возможным, попросту трудно было сосредоточиться. Рахманинов решился поговорить с учителем и попросить у него предоставить в его распоряжение отдельную комнату с роялем. Несомненно, что Сережа не смог внятно объяснить причину своей, на первый взгляд, несколько нахальной просьбы. Учитель вспылил. Тогда Рахманинов объявил ему о том, что вынужден будет оставить его квартиру. Сказано — сделано, но у Сережи совсем не было денег, родители же по-прежнему жили в Петербурге. К счастью, в Москве жила его тетка, сестра отца, Варвара Аркадьевна Сатина. Она и согласилась при-

нять у себя одаренного племянника, предоставив в его распоряжение инструмент и отдельную комнату. Одна из дочерей Сатиной, Наташа, станет впоследствии его женой.

В те годы Сережа был очень застенчив и не слишком общителен. В общем-то удивляться этому обстоятельству не приходится: он жил чрезвычайно напряженной внутренней жизнью, когда он не сидел за инструментом, музыка звучала в его голове. Да и к тому же он слишком рано оказался предоставлен самому себе, фактически лишившись семьи, и должен был сам принимать важные решения. Впрочем, в кругу хороших своих друзей и близких людей Рахманинов забывал о своей застенчивости. Но что интересно, он никогда, даже и в зрелом возрасте, ни с кем не обсуждал будущие свои произведения, над которыми в тот или иной момент работал.

Заканчивается последний год обучения в консерватории. Выпускникам-композиторам за шесть недель до экзамена выдавалось либретто, по которому нужно было написать оперу. Рахманинов получил либретто «Алеко». Тема привела его в чрезвычайное восхищение; опера готова была уже через семнадцать дней.

Экзаменаторы сочли партитуру блестящей; кроме того, на выпускном экзамене Рахманинова ждала еще одна радость: присутствовавший в зале Зверев настолько был восхищен успехами своего ученика, что сам подошел к нему, поздравил и преподнес свои золотые часы, которые Рахманинов всю свою жизнь очень берег.

По окончании консерватории Рахманинов удостоился большой золотой медали (отличие, которым до него были отмечены всего два выпускника).

Об уровне композиторского мастерства выпускника консерватории Сергея Рахманинова свидетель-

ствуется предложение, сделанное ему Чайковским. «Во время одной из репетиций, — говорит Рахманинов, — Чайковский сказал мне: «Я только что закончил двухактную оперу «Иоланта», которая недостаточно длинна, чтобы занять целый вечер. Вы не будете возражать, если она будет исполняться вместе с вашей оперой?» Он буквально так и сказал: «Вы не будете возражать?» Ему было пятьдесят три года, он был знаменитый композитор, а я — новичок двадцати одного года». Чайковский, конечно, присутствовал на премьере «Алеко», по его же настоянию приехал из Петербурга директор театров Всевожский. По окончании оперы Чайковский, высунувшись из ложи, аплодировал изо всех сил, по своей доброте; он понимал, как это должно было помочь начинающему композитору. Так начался его полет.

Итак, консерватория осталась позади. Рахманинов продолжает совершенствоваться, круг его интересов становится теперь значительно шире. Он продолжает восхищаться Чайковским, но теперь все больше внимания уделяет произведениям Римского-Корсакова, а также Грига, Шопена и Шумана. Он много читает, ходит в театры. Иногда, правда, его настигает чувство одиночества и тоски, ему кажется, что душа его пуста, написать ничего стоящего он не в состоянии. Ко всему прочему у Сергея Васильевича просто-напросто не было денег, то есть не было в полном смысле этого слова, он не в состоянии был купить себе зимнюю одежду. Время от времени издатели предлагали ему напечатать кое-какие его произведения, но денег это приносило немного, они быстро кончались. Все это привело к тому, что Рахманинов принял решение поступить преподавателем музыки. Ему предложили место в Мариинском женском институте, а через некоторое время — еще и в Екатерининском и Елизаветинском. Само собой, спо-

собных учениц у него здесь почти не было, поэтому работа эта очень быстро превратилась для него в наказание. У нее был только один положительный момент: она давала заработок.

Постепенно, однако, жизнь налаживается. Рахманинова приглашают выступить на Электрической выставке, об этом его выступлении весьма положительно отзывается пресса. Его начинают приглашать на гастроли в провинцию. Во время своих концертов Рахманинов все чаще играет собственные произведения; осенью 1893 года в Киеве он дирижирует «Алеко». Все более интенсивно занимается в эти годы Рахманинов композиторской деятельностью; за пять лет он создает около шестидесяти произведений, из них несколько крупных.

Стасов заметил как-то: «Рахманинов очень свежий, светлый и плавный талант с новомосковским особым отпечатком, и звонит с новой колокольни и колокола у него новые».

И вот — первый серьезный провал. Рахманинов пишет свою первую симфонию. В жизни любого композитора это едва ли не самый важный момент; Рахманинов глубоко это осознает и работает над своим детищем так, как это ему свойственно, днем и ночью, доводя ее до совершенства. Он сыграл ее несколькими друзьям, те пришли в восхищение. И вот при первом же исполнении произведение это провалилось. Почему? Рахманинов терзался мыслью, что недостаточно хорошо поработал над оркестровкой, а может быть, и сама по себе симфония ничего не стоит. Одна из родственниц Рахманинова Л. Д. Ростовцева (Скалон), присутствовавшая в Петербурге на премьере, состоявшейся 15 марта 1897 года, вспоминает: «Как сейчас вижу я всю обстановку концерта. В зале сидят Цезарь Антонович Кюи, Стасов, Беляев, Направник и другие видные критики и музыкан-

ты. Сережа забрался на витую лестницу, ведущую из зала на хоры.

Глазунов флегматично стоял у дирижерского пульта и так же флегматично провел всю симфонию. Он ее провалил. Кюи все время качал головой и пожимал плечами, Стасов и Беляев неодобрительно переглядывались. Мы же, три сестры и Наташа (имеется в виду Наташа Сатина), молча злились на Глазунова и всю публику, которая ничего не поняла. А наш бедный Сережа корчился на лестнице и не мог себе простить, что не сам дирижировал своим произведением, а поручил ее исполнение Глазунову».

В этом последнем обстоятельстве, по всей видимости, и крылась причина провала. Глазунов действительно был еще недостаточно опытным дирижером. Самое же худшее заключалось в том, что сам Рахманинов на какое-то время разочаровался в этом своем произведении. По прошествии нескольких недель после этого события Рахманинов писал, что до сих пор не может разобраться в своих впечатлениях. «Верно только то, что меня совсем не трогает неуспех, что меня совсем не обескураживает руготня газет, — но зато меня глубоко огорчает и на меня тяжело действует то, что мне самому моя симфония, несмотря на то, что я ее очень любил раньше, сейчас люблю, после первой же репетиции совсем не понравилась. Значит, плохая инструментовка, скажете Вы. Но я уверен, отвечу я, что хорошая музыка будет «просвечивать» сквозь плохую инструментовку, а я не нахожу, чтоб инструментовка была совсем неудачна. Остаются, значит, два предположения. Или я, как некоторые авторы, отношусь незаслуженно пристрастно к этому сочинению, или это сочинение было плохо исполнено. А это действительно было так... Не потому ли и моим приятелям, ездившим в Петербург, она не понравилась...

хотя, когда я сам играл им ее, они говорили друг-
гое».

Как бы то ни было, симфония, безусловно, не заслуживала столь резких отзывов критики, при жизни Рахманинова больше ни разу не исполнялась. Партитура ее была утеряна и восстановлена лишь значительно позже по оркестровым голосам. Реставрацией симфония обязана Б. Г. Шальману, работавшему под руководством А. В. Гаука. После этого произведение было с большим успехом исполнено А. В. Гауком.

Но все это было потом, а пока неудача ввергла композитора в глубокий творческий кризис. Он утратил веру в себя, сочинять ему больше не хотелось, его терзали бесконечные сомнения: быть может, он вообще ни на что по-настоящему талантливое не способен? Или неверен избранный им путь? Временами он утешал себя, что всему виной скверное исполнение, но уверенности в этом не было. Кризис оказался настолько серьезным, что Рахманинов тяжело заболел, у него началась острая невралгия. Малейшее движение причиняло невыносимую боль. Его близкие были страшно обеспокоены его состоянием, Наташа Сатина просто не находила себе места. Л. Д. Ростовцева рассказывает о том, как у семейства возник план, как перевезти Сережу в имение Игнатово. Сергея Васильевича уложили в тарантас, со всех сторон обложив подушками, чтобы смягчить боль, которая при каждом толчке была ужасной. Однако страдания оказались ненапрасными: условия в имении были превосходными, сестры нежно заботились о больном; Рахманинов мало-помалу начал поправляться. Все вместе много гуляли, Сережа катался на лодке, пил кумыс, а вечерами устраивал для всего семейства домашние концерты, играя музыку самую разную, от Вагнера до Иоганна Штрауса.

Итак, физическое состояние улучшилось, но мо-

рально все оставалось по-прежнему. Музыку Рахманинов писать перестал, перед ним встала весьма насущная проблема: нужно было как-то зарабатывать себе на жизнь. Устроиться в консерваторию надежды не было, поскольку Зилоти некоторое время назад рассорился с руководством; неприязнь же к нему автоматически переносилась и на его ученика. Брать частные уроки или, как и раньше, преподавать в институтах? Это очень трудно, да и денег приносит уж очень немного. И вот тут удача улыбнулась Рахманинову: С. И. Мамонтов пригласил Сергея Васильевича в свою частную оперу вторым дирижером, пока что на один сезон, 1897—1898 гг.

Предложение это не просто пришлось кстати, но и явилось в самом деле настоящей удачей: театр Мамонтова пользовался большой популярностью (именно здесь, кстати, было поставлено впервые несколько опер Римского-Корсакова). Здесь пели Шаляпин и Забела-Врубель, здесь работали художники Васнецов, Поленов, Серов, Врубель.

Излишне поэтому говорить, как обрадовало это предложение Рахманинова. Правда, первые шаги молодого дирижера оказались не слишком удачными. Рахманинов должен был дебютировать в «Иване Сусанине», а поскольку и музыканты и дирижер оперу знали прекрасно, решено было ограничиться всего одной репетицией, состоявшейся утром, в день спектакля. Репетиция прошла, однако, крайне неудачно, причем Рахманинов не мог понять причины. Первый дирижер, некий итальянец, не был расположен помочь дебютанту, опасаясь конкуренции. Поэтому Рахманинов вынужден был отказаться от выступления в этот вечер. Но во время спектакля Сергей Васильевич уяснил себе причину своей неудачи: дело в том, что он ограничивался лишь тем, что давал указания оркестру, считая, что певцы в

этом не нуждаются, поскольку хорошо знают оперу. А итальянский дирижер давал указания и певцам тоже, только и всего. Поняв это, Рахманинов успокоился и через некоторое время (а именно 12 октября) успешно дебютировал в опере Сен-Санса «Самсон и Далила». Один из музыкальных критиков от «Московских ведомостей» писал: «Главная заслуга г. Рахманинова в том, что он сумел изменить оркестровую звучность частной оперы до неузнаваемости!.. оркестр звучит у него совсем особенно: мягко, не заглушая пения, и в то же время до мелочей тонко, точно это специально — симфоническая музыка, а не оперный аккомпанемент... Публика оценила г. Рахманинова и в течение всего вечера многократно вызывала его».

В течение этого сезона Рахманинову довелось дирижировать «Русалкой» Даргомыжского, «Майской ночью» Римского-Корсакова, «Кармен» Бизе и еще несколькими другими. Удручало его то обстоятельство, что все оперы ставились наспех, что противоречило его собственному стремлению к совершенству. Кроме того, приходилось дирижировать довольно слабым составом исполнителей. Поэтому на следующий сезон Рахманинов к Мамонтову уже не вернулся.

Тем не менее сезон в мамонтовской опере не пропал впустую: Рахманинов приобрел столь необходимый ему опыт, а кроме того, познакомился со многими видными деятелями искусства, среди которых был и Шаляпин. Дружба с Шаляпиным продолжалась всю жизнь. «Он пел так, как Толстой писал», — говорил о Шаляпине Рахманинов. Потом они не раз выступали вместе, как на сцене, так и в домашнем кругу. Люди, которым на таких концертах довелось присутствовать, сохранили о них неизгладимое впечатление.

Именно тогда начинается сближение Рахманинова с артистами Художественного театра. Сергей Васильевич был не только большим поклонником их искусства, но и многих артистов знал лично. К десятилетнему юбилею театра он написал музыкальное «Письмо К. С. Станиславскому», которое с большим успехом исполнено было Шаляпиным.

Работа в мамонтовском театре благотворно повлияла на Рахманинова и еще в одном смысле: он снова начал писать.

Весной 1898 года Рахманинов поселился под Москвой в совершенном одиночестве, чтобы иметь возможность работать без помех. Одному из своих друзей он писал: «Немного стал заниматься и сильно поправляюсь. Живу совершенно один. Впрочем, со мной три больших моих приятеля. Все три — огромные сенбернары. С ними я разговариваю, с ними мне и не жутко жить и гулять в окружающих меня лесах. Раз в неделю езжу в Москву, чтобы повидать своих, себя показать и кстати несколько уроков дать».

Однако вновь начать писать оказалось не так-то просто. Рахманинов писал, а потом рвал нотные листы и снова писал, и снова рвал. Тем не менее уже весной 1899 года Рахманинов отправился на гастроли в Англию, где с большим успехом дирижировал некоторыми своими произведениями. Лето же 1899 года Сергей Васильевич провел в имении родителей одной из своих учениц, Е. Ю. Крейцер.

Когда же наступила следующая весна, Рахманинов снова был за границей, на этот раз в Италии. (Как раз перед этой поездкой он присутствовал на чеховских торжествах в Ялте, с А. П. Чеховым он познакомился еще во время памятного сезона в мамонтовской опере.) В Италии Сергей Васильевич прожил недолго, его потянуло в Россию. 18 июля 1900 года он писал из Милана своему другу Н. С. Морозову:

«...завтра я уезжаю отсюда в Россию и никуда более. Жизнь здесь мне надоела до тошноты, да и работать, хотя бы от жары одной, невозможно... Уезжаю отсюда с восторгом и с твердым намерением по приезде домой много заниматься».

Рахманинов оказался прав. Тотчас же по приезде в Россию он с жаром принялся за работу. А работал он над своим Вторым концертом. Прежде всего он закончил адажио и финал, который и исполнил с большим успехом на концерте, организованном Дамским благотворительным обществом. Концерт этот состоялся в самом начале декабря 1900 года. Впервые все произведение целиком было исполнено в октябре 1901 года в филармоническом концерте под управлением Зилоти.

Газеты отозвались об этом рахманиновском произведении восторженно: «Вот что достойно быть особенно отмеченным, так это Второй фортепьянный концерт С. В. Рахманинова, концерт, полный жизни, поэтической дымки, необыкновенно задуманный, чуждый всякой обыденности». И суждение это не было пристрастным; очень скоро концерт приобрел уже международную известность. Зилоти исполнил его на концерте в Лейпциге, а сам Рахманинов впоследствии чаще других включал Второй концерт в свой концертный репертуар.

Практически одновременно с концертом Рахманинов написал сюиту для двух фортепиано в четыре руки, посвятив ее А. Б. Гольденвейзеру. Летом же 1901 года была написана виолончельная соната, посвященная знаменитому виолончелисту А. Брандукову, другу композитора (соч. 19). Одним словом, Рахманинов вернулся к творческой жизни в полной мере.

А в 1902 году Сергей Васильевич просил руки Наташи Сатиной. Л. Д. Ростовцева вспоминает: «В один из наших приездов в Москву мы узнали радостную

новость: Сережа женится на Наташе. Лучшей жены он не мог себе выбрать. Она любила его с детских лет и, можно сказать, выстрадала его. Она была умна, музыкальна и очень содержательна. Мы радовались за Сережу, зная, в какие надежные руки он попадет, и тому, что горячо нами любимый Сережа остается в нашей семье...».

Правда, Рахманинову пришлось обивать пороги официальных учреждений, чтобы добиться разрешения на брак, ведь они с Наташей были двоюродными братом и сестрой, а в то время в России браки между такими родственниками были запрещены. Сергей Васильевич, однако, оказался очень настойчивым, и разрешение в конце концов было получено. Было и еще одно препятствие: Рахманинов не ходил в церковь и не исповедался, а без справки об исповеди священник не имел права венчать. Эту трудность также удалось преодолеть, один только Бог знает, как.

Молодые обвенчались и отправились в свадебное путешествие в Швейцарию, где и провели лето. «Здесь природа очень красива и чудный воздух», — писал Рахманинов Морозову. В Швейцарии Рахманинов заканчивает несколько романсов и кантату «Весна».

В 1903 году у Рахманиновых родилась дочь Ирина. Сергей Васильевич оказался очень любящим и заботливым отцом. Из воспоминаний Л. Д. Ростовцевой: «Он помнил свое детство, помнил, как мало видел ласки и заботы со стороны своих родителей, и дал себе слово, что его дети будут всегда окружены самой горячей любовью и вниманием».

Осенью 1903 года Сергей Васильевич закончил оперу «Скупой рыцарь» на текст Пушкина. Несколько позже, летом 1904 года, он уже работал над следующей своей оперой «Франческа да Римини». Собственно, начата эта опера была почти пятью годами раньше. Еще в 1898 году Рахманинов писал П. И. Чайков-

скому относительно либретто к этой опере; одна из сцен (сцена Паоло и Франчески) написана была уже в 1900 году.

В 1904 году Рахманинов снова начинает работать в Театре, но на этот раз уже в Большом. Проработал он там всего два сезона, с 1904 по 1906 год, но работа эта очень много ему дала. Тогда же в Большой театр пришли работать и Шаляпин, и несколько других выдающихся артистов.

Нужно отметить, что приход Рахманинова в Большой театр весьма благотворно сказался на музыкальной стороне дела. В то время дирижером в театре был Альтани, который не способен был раскрыть истинную глубину многих исполняемых здесь произведений. Рахманинов принес сюда свежую струю, став создателем новых традиций в истолковании русской оперы. Что интересно, за время своей работы в Большом театре он ни разу не дирижировал ни одной иностранной оперой, исполняя лишь русские классические. Новую жизнь обрели «Иван Сусанин» Глинки, «Борис Годунов» Мусоргского, «Русалка» Даргомыжского, «Князь Игорь» Бородина, «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» Чайковского. Здесь же Сергей Васильевич исполнил две собственные оперы: «Скупого рыцаря» и «Франческу да Римини» (было это в 1906 году).

Особо следует отметить работу Рахманинова над «Иваном Сусаниным» Глинки. Местами он восстановил подлинный авторский текст, который в предыдущей трактовке был изменен. Иначе, более трагично и значительно стала исполняться увертюра. Пересмотрен был темп танцев в польском акте. Все в совокупности попросту вернуло опере то, что вкладывал в нее сам автор.

Рахманинов сделал и еще одно нововведение: раньше дирижер помещался прямо перед сценой,

спиной к музыкантам. Таким образом во время спектакля он мог видеть лишь то, что происходит на сцене. Рахманинов переместил дирижерский пульт ближе к зрительному залу, так что теперь дирижер видел и сцену, и оркестр.

На первых порах артисты побаивались нового дирижера: он был очень строг и требователен, общался со всеми весьма официально, так сказать, «держал дистанцию». Но очень скоро его талант, справедливость и беспристрастность были оценены; им начали восхищаться. С ним было очень интересно работать, работа стала по-настоящему творческой. С первых дней своего пребывания в Большом Рахманинов ввел новый порядок: теперь каждый певец должен был проходить свои партии вместе с дирижером, раньше такого не было.

А в стране тем временем ситуация накалялась: наступил 1905 год. Сергей Васильевич никогда особенно не интересовался политикой и не стремился в ней разобраться, тем не менее, как и всякий порядочный человек, он составил собственное мнение о происходящем. Здесь следует упомянуть о том, что его тетка, Варвара Аркадьевна, была близка к одной из подпольных организаций. Есть предположение, что, будучи близкой к благотворительному тюремному комитету, она принимала участие в организации побегов заключенных. А вот то обстоятельство, что ей поручили хранение запрещенной литературы, это уже не просто предположение: одна из конспиративных квартир находилась по соседству с ее собственной квартирой, в ней жил приятель ее сына; оттуда ей и приносили эту литературу, которую она прятала у себя. Рахманинов, естественно, в этой деятельности никакого участия не принимал, но, разумеется, прекрасно понимал, что здесь происходит. В 1905 году ему довелось наблюдать один из эпизодов расправы

казаков над демонстрантами, зрелище это произвело на него удручающее впечатление. Пожалуй, образ мыслей Рахманинова можно считать попросту либеральным: он сочувствовал политическим заключенным и периодически выражал возмущение политикой Государственной Думы. А через десяток с лишним лет (а именно в 1919 году) Рахманинов говорил: «Царь делал не много такого, что могло бы способствовать развитию музыки. Вспомним, что в большинстве великие русские композиторы вынуждены были сочинять музыку между делом, а средства к существованию добывать другой работой. Последнего царя — Николая — редко видели на концертах, и он почти совсем не интересовался достижениями в области музыки своей страны». Добавим, однако, что у русского царя, как и у всякого человека, был свой круг интересов, а также множество проблем, которые нужно было разрешать. Вряд ли можно надеяться, что правитель будет интересоваться всем, что только есть в государстве, так всегда было и так всегда будет.

На события 1905 года Рахманинов откликнулся на свой лад: он включил в свой репертуар «Дубинушку» в обработке Римского-Корсакова. Песня эта была тогда очень популярной и считалась революционной. Точнее, таковым было намерение Сергея Васильевича (он писал об этом Римскому-Корсакову в 1906 году), оно так и осталось неосуществленным, поскольку Рахманинов отправился за границу.

Итак, после революционных событий 1905—1907 годов в стране наступил период реакции. Это чрезвычайно отрицательно сказывалось на развитии искусства в целом и музыки в частности. В этот период в российском искусстве прочно утвердился модернизм, имеющий, безусловно, свою прелесть, но не принимаемый самим Рахманиновым всерьез.

Пробольшевистски настроенные деятели искусства высказывались на предмет этого течения весьма резко. Горький, например, заявлял, что десятилетие 1907—1917 годов заслуживает имени самого позорного и самого бездарного десятилетия в истории русской интеллигенции, когда после революции 1905 года значительная часть интеллигенции отвернулась от революции, скатилась в болото реакционной мистики и порнографии, провозгласила безыдейность своим знаменем. Сказано чрезвычайно резко, но следует учесть, что терпимость — одна из самых редких добродетелей на свете. Итак, провозглашен был лозунг «искусство ради искусства», на первое место выводилась красота формы в ущерб содержанию. Это стало приметой времени. Мариэтта Шагинян скажет позже: «Было душно, как перед грозой, время казалось остановившимся, внеисторичным. В воздухе, в настроении общества были ожидание, страстная потребность, чтобы произошло нечто и чтобы ритм времени, движение истории вновь стали ощутимыми. Люди искусства и учащаяся молодежь становились неврастениками, болели глубоким внутренним кризисом».

Модернизм очень быстро становился чуть ли не преобладающим течением в музыке. Мистическими замыслами увлекается Скрябин, в сарказм и проформу уходит Прокофьев. В русской музыке в этот период, пожалуй, всего три композитора — Танеев, Глазунов и Рахманинов — продолжают реалистическую линию в своем творчестве. Рахманинов, правда, тоже не чуждался новых веяний, но они носили у него лишь характер экспериментов, сам он, как правило, оставался ими недоволен.

Как ни странно, несмотря на царившую в России атмосферу неопределенности и всеобщей потерянности, именно Рахманинов очень скоро становится кумиром москвичей, особенно молодежи. В эти годы

(перед первой мировой войной) Рахманинов очень напряженно работает, много сочиняет, дает концерты. Выступления его не просто успешны, ему устраивают овации и буквально осыпают цветами. Оживились и критики. Пресса также разделилась на два лагеря: одна часть отстаивала модернистские тенденции, другая же отстаивала право реализма на приоритет. Сторонники как одного, так и другого лагеря друг с другом особенно не церемонились, как это водится у газетчиков. Рахманинов же и его популярность оказались весьма подходящим яблоком раздора, прекрасной темой для полемики. В одной из своих статей о Рахманинове Мариэтта Шагинян упоминает об этом разгуле журналистско-критических страстей: «Бесстрастного взгляда на музыку Рахманинова нет», — читаем мы в одной из критических статей того времени. В ненависти, с которой некоторые критики относятся к Рахманинову, считает автор, «есть что-то подозрительное, — слишком истерическое, слишком теряющее хладнокровие».

А вот выдержка из статьи о Рахманинове в «Русском слове» (1913 год): «Теперь, когда в музыке заняли прочное место крайние течения, новые произведения г. Рахманинова всегда принимаются с особой нервностью. г. Рахманинов — тот столп, вокруг которого группируются все поборники реального направления, все те, кому дороги основы, заложенные Мусоргским, Бородиным, Римским-Корсаковым и Чайковским. В то же время на г. Рахманинова в виду его несомненной силы и талантливости с особым ожесточением нападают представители крайних групп, для которых г. Скрябин является своего рода лозунгом».

Что ж, мода есть мода; Рахманинова обвиняли в том, что он отстаёт от времени, что он чуть ли не ретроград. Вот слова одного из его критиков: «Рах-

манинов — композитор с вполне ясно и откровенно выраженным уклоном в сторону музыкальных идей прошлого. Он органически сросся со своим ныне несколько старомодным стилем и в ряду современных композиторов стоит особняком, являясь последним из музыкальных могикан прошлого столетия, упорно не замечая новых течений в музыке».

Пожалуй, одним из самых ожесточенных критиков Рахманинова был некий господин Каратыгин, обвинявший композитора чуть ли не в бесстыдстве, с которым тот «обнажает душу» перед широкой публикой. Критика его попросту карикатурна: «...эта самоуверенная бесцеремонность, с которой композитор постоянно преподносит нам обильные коллекции самых явных музыкальных трюизмов под гарниром из вкусно состряпанной, но в высшей степени поверхностной фортепианной, либо оркестровой орнаментики, весь этот ухарский жар и пыл рахманиновских «подъемов» в духе разбавленного Чайковского, все это, в силу какой-то странной психологической реакции, кажется тем более фальшивым, холодным, дешевым, чем больше «искренности» и «души» чувствуется в каждом повороте рахманиновской музыкальной мысли». Злобный бред, хуже же всего то, что автор бреда действительно так думал, и у него было множество сторонников.

Вряд ли подобные высказывания особенно задевали Рахманинова, слишком они были несуразны, да и поклонников его творчества было очень много, а это что-нибудь да значит.

Особенно поддерживал Рахманинова видный московский критик Н. Д. Кашкин, друживший с Чайковским. Модернизм он определяет как «патологическое состояние» современного европейского искусства, проповедующего «полное оскотение». Тоже сильно сказано. Вот что пишет он по поводу Третье-

го концерта Рахманинова: «Новое произведение г. Рахманинова еще раз доказывает, что можно писать и в настоящее время в высшей степени интересные сочинения, не прибегая ни к каким изысканностям модернизма».

Был и еще один довольно известный критик (Сахновский), вставший на защиту реализма в целом и музыки Рахманинова в частности. Модернизм он именовал «осло-хвостозго-кубо-буйно-футуризмом», добавляя при этом, что данное направление, вернее, его представители, стремятся, «ничего достойного взамен не давая, забросать комьями грязи собственной, самомнимой бездарности Баха и Бетховена, Праксителя и Фидия, Рафаэля и Тициана».

Тот же самый Сахновский защищал Рахманинова от обвинений в подражании Чайковскому или кому бы то ни было еще. Да, действительно, Рахманинов следовал традициям великих русских композиторов, отнюдь не подражая им при этом, стиль у него был свой собственный, отличный от других.

Именно в связи с полемикой вокруг творчества Рахманинова в музыкальной критике затронут был тогда вопрос о взаимоотношениях композитора и слушателя. Споры спорами, а слушателей у Рахманинова было очень много, и они его по-настоящему любили, на что сторонники модернизма явно не желали обращать внимания, утверждая, что он лишь потворствует несколько даже низменным вкусам публики. Декаденты же, проповедовавшие искусство ради искусства, на мнение публики старались внимания не обращать, на отрицательные отзывы возражая: «Вы отстали совершенно безнадежно».

Именно тогда в защиту Рахманинова выступила и Мариэтта Шагинян: «У Рахманинова нет интереса к мистическим прозрениям, он весь на земле. Темы его или задушевные или трагичны, но всегда бесхит-

ростны. «Я хочу быть человеческой», — упорно говорит его музыка... И вот теперь мы присутствуем при зрелище столь же величественном, сколь незаметном, при зрелище, весь смысл которого уяснится лишь на отдалении, в перспективных стекляшках будущего, — присутствуем при борьбе за искусство музыки...»

За те два года, что Сергей Васильевич проработал в Большом театре, он почти ничего не сочинял, у него просто не было на это времени. Именно это и стало причиной принятого им решения оставить работу в театре и переключиться на композицию. Он стал достаточно известен и мог позволить себе такую роскошь.

На первых порах работа продвигалась с трудом, да это и неудивительно после двух практически бесплодных лет. Тем не менее уже летом 1906 года Рахманинов написал несколько романсов и начал работать над двумя операми: «Саламбо» и «Монна Ванна». К сожалению, ни та, ни другая так и не были закончены.

Следующие три зимы подряд Рахманинов провел в Дрездене, на лето же приезжал в Ивановку. Из-за границы он часто писал друзьям, делясь с ними впечатлениями, в особенности музыкальными: «За последнее время я слышал здесь (в Дрездене) много интересных вещей. Перечислю их: «Missa Solemnis» Бетховена, «Самсон» Генделя, «Hohe Messe» Баха и «Paulus» Мендельсона. Затем в театре видел «Тристана» и «Мейстерзингеров». Лучшее, что я тут назвал, это «Missa» Бетховена... Вчера вечером слышал в великолепном исполнении Девятую симфонию Бетховена. Что-нибудь лучше этой симфонии никто никогда не напишет». Письмо это адресовано Морозову (12 апреля 1908 года).

Интересно, что к музыке современных ему иностранных композиторов Рахманинов относится весь-

ма прохладно, утверждая даже, что после одного из концертов заболел и несколько дней подряд чихал и кашлял.

Писал Рахманинов и М. С. и А. М. Керзиным, которые были основателями «Кружка любителей русской музыки». В концерты этого кружка нередко включались произведения Рахманинова, особенно романсы, которые чаще всего пел Леонид Витальевич Собинов.

В 1907 году Сергей Васильевич завершил работу над Второй симфонией. Впервые она была исполнена в январе 1908 года в Петербурге самим Рахманиновым. В том же самом 1907 году была написана фортепианная соната; затем в 1908-м он пишет симфоническую поэму «Остров мертвых» и Третий фортепианный концерт. И одновременно со своей композиторской деятельностью продолжает выступать как в России, так и в Западной Европе и Америке (поездка туда состоялась в 1909 году). Кстати, именно в Америке Сергей Васильевич впервые исполнил свой Третий концерт. Сам он рассказывал об этой поездке так: «Успех был большой, заставляли бисировать до семи раз, что по тамошней публике очень много. Публика удивительно холодная, избалованная гастролями первоклассных артистов, ищущая всегда чего-нибудь необыкновенного, не похожего на других. Тамошние газеты обязательно отмечают, сколько раз вызывали, и для большой публики это является мерилом вашего дарования».

Однако несмотря на столь громкий успех поездка, длившаяся три месяца, оказалась очень утомительной, и Рахманинов рад был вернуться домой.

Эти предреволюционные годы — с 1910-го по 1917-й — были очень продуктивными: Рахманинов пишет множество романсов и фортепианных пьес, прелюдий и этюдов; создается вторая фортепианная

соната, «Колокола» — поэма для оркестра, хора и солистов; тогда же, а именно в 1910 году, Рахманинов обращается к церковной музыке и пишет «Литургию», а через несколько лет, в 1915-м, появляется «Всенощная».

Столь же интенсивной была и его исполнительская деятельность. Рахманинов-пианист играл в основном свои произведения, изредка включая в концертную программу произведения Чайковского, Листа и других композиторов. Когда же он выступал в качестве дирижера, то дирижировал, как правило, произведениями чужими (Чайковского, Бородина, Римского-Корсакова, Глазунова, Моцарта, Грига). Один из известных российских музыкальных критиков Н. Куров сказал тогда, что как дирижер Рахманинов «на голову выше других и в том числе европейских артистов».

Другой критик, Н. Кашкин, называет его «могучим художником фортепиано, занимающим в этом отношении совсем особенное, только ему свойственное место».

Иногда Сергей Васильевич аккомпанировал певцам, исполняющим его произведения, в частности великой русской певице Неждановой.

В 1909 году Рахманинов сделал попытку принять участие в общественной жизни страны, в той ее части, которая имела отношение к музыке: ему предложили должность помощника председателя главной дирекции Русского музыкального общества. В этом своем качестве он должен был следить за состоянием дел в музыкальных учебных заведениях России. Однако это продолжалось недолго: Сергей Васильевич очень скоро убедился, что почти ничего не в состоянии изменить, а изменить, по его мнению, следовало многое. Убедившись, что его благие намере-

ния наталкиваются на глухую стену, Рахманинов подал в отставку.

Кроме того, Рахманинов принимал довольно активное участие в работе Российского музыкального издательства, основанного Сергеем Кусевицким, о котором также пойдет речь в этом сборнике. Издательство ставило своей целью помочь молодым русским композиторам; к мнению Рахманинова здесь чутко прислушивались. Нужно отметить, что своих произведений он здесь ни разу не печатал. Именно такого рода деятельность как раз соответствовала внутреннему облику этого человека. Сатина писала: «Отличительными качествами С. В. являются его доброта и отзывчивость к страданиям и нуждам других, большей частью совершенно не известных ему людей». Поэтому он с большой охотой помогал молодым композиторам.

В 1907 году у Рахманиновых родилась вторая дочь — Татьяна. В обеих своих дочерях он что называется души не чаял: «У меня есть две девочки, — пишет он. — Зовут их Ирина и Татьяна, или Боб и Тасинька. Это две непослушные, непокорные, невоспитанные — но премилые и преинтересные девочки. Я их ужасно люблю! Самое дорогое в моей жизни! и светлое! (а в «светлости» есть тишина и радость!)».

По-прежнему Рахманинов очень любил природу и каждый год с нетерпением ожидал наступления лета, потому что летом вся семья отправлялась в Ивановку. Здесь ему лучше, чем где бы то ни было, работалось и еще лучше отдыхалось. Частенько он брал в руки косу, почитал своим долгом бороться с сорняками; очень полюбил лошадей и много ездил верхом. А потом появилась возможность проявить новую страсть: он полюбил кататься на автомобиле. «Когда работа делается совсем не по силам, — пишет он в одном из писем, — сажусь в автомобиль и

лечу верст за пятьдесят отсюда, на простор, на большую дорогу. Вдыхаю в себя воздух и благословляю свободу и голубые небеса. После такой воздушной ванны чувствую себя бодрее и крепче».

Тем не менее предреволюционная атмосфера сказывается и на творчестве в общем-то аполитичного Рахманинова. В произведениях его появляются все более мрачные образы и темы.

Революцию он не принял. В декабре 1917 года его пригласили на гастроли в Швецию; он воспользовался этим, чтобы выехать за рубеж. Поначалу Рахманинов, видимо, еще надеялся, что жизнь в России наладится и он сможет вернуться. Но судьба распорядилась иначе: России он больше не увидел.

Руководство новой, большевистской России, по всей видимости, очень жалело об его отъезде, его обвиняли в недальновидности, в узости мышления, да мало ли в чем еще. Говорили, что судьба жестоко наказала его за бегство, поскольку в течение почти десяти лет после отъезда за рубеж он ничего не писал. В общем, ругали по принципу «сам виноват». Извечная бессмыслица: раз ты с нами не согласен, значит, глупец. Эти люди отказывались понять и принять тот факт, что даже если бы Рахманинов и остался, он вряд ли что-нибудь писал бы и в России. Просто потому, что его России больше не было нигде, он утратил ее навсегда и тосковал о том, чего уже было не вернуть. Предмета его тоски больше не существовало.

И вот после стольких лет государственной службы самый славный представитель рода покидает Россию и покидает (тут нам не обойтись без этого страшного слова) навсегда! Отныне его будут окружать чужие стены чужих городов, обиды от чужих людей будут переплавляться в музыкальные впечатления и кормить его.

Ну что есть в его активе? Вторая симфония, ее хорошо принимают слушатели. Симфоническая поэма «Утес» по Лермонтову тоже неплохо расходуется. А вот Первая симфония — его вечная драма. Мало того, что она получилась сухой и вымученной — плохую симфонию вправе написать каждый: она повлекла страшную многолетнюю депрессию.

Семья Рахманиновых поселилась в Нью-Йорке. Ну, приняли его как будто неплохо. Его тронуло, что грипп, коварная испанка, охватившая дочек и едва не унесшая его самого, вызвала переполох в музыкальных кругах. Ведь российские границы покинул не кто-нибудь, а крупнейший из ныне живущих на земле композиторов. Только итальянец Джакомо Пуччини мог бы соперничать с ним в популярности. Но то оперный композитор, у него гораздо шире аудитория — все готовы сопереживать несчастным Мими и мадам Баттерфляй, и гораздо меньше тех, чьи эмоции подзаряжаются аккордами. А вот найдет ли почитателей он, композитор 44 лет, так нерасторжимо и трагично спеленутый с этой грешной, заблудшей Россией? Правда, и у Рахманинова есть оперы. Но какие? Это юношеская «Алеко» по поэме Пушкина «Цыгане», с которой он получил Большую золотую медаль Московской консерватории. Написал ее Рахманинов за 14 дней, как студент в сессионный бум. Но борения смятенной души русского интеллигента Алеко, окажутся ли они созвучны западному зрителю, и без того уже пресыщенному оперными, безнадежно поднятыми на ходули страстями? Нет и нет! О двух других одноактных операх и говорить не стоит. Это «Франческа да Римини» с ее неповоротливым либретто Модеста Чайковского (мало тому было испортить для западного зрителя даже «Иоланту» и «Пиковую даму» своего брата, он еще и до скромных почитателей братцева таланта сумел добраться!). И

«Скупой рыцарь» — неудачная попытка спеть слово в слово весь пушкинский текст. Этим на жизнь не наскребешь. Последние две оперы он поставил будучи главным дирижером Большого театра, но они не имели успеха — он сам вправе об этом судить.

Поэтому здесь Рахманинов занялся пока что исключительно исполнительской деятельностью. В Америке он уже выступал во время своих зарубежных гастролей, его знают, поэтому в кандидатах на роль менеджера господина Рахманинова недостатка нет. Концерты его усиленно рекламируются, музыкальные издания помещают его портреты крупным планом. Его осаждают журналисты. Однажды, желая избавиться от очередного назойливого репортера, во что бы то ни стало желавшего его сфотографировать, Рахманинов закрыл лицо руками. Не помогло. На следующий же день в газете появилась фотография с подписью: «Руки, стоящие миллионы».

На одном из благотворительных концертов, на котором присутствовала чрезвычайно «дорогостоящая публика», а из музыкантов приглашены были только Сергей Васильевич Рахманинов и Яша Хейфец (о котором также речь идет в этом сборнике), крупнейшие фирмы грампластинок и механических фортепиано здесь же, на сцене, устроили аукцион. В результате прелюдия до-диез-минор в авторском исполнении куплена была за миллион долларов. Компания, заплатившая эту сумму, действовала отнюдь себе не в убыток, она сделала себе такую рекламу, что расход этот потом окупился с лихвой.

Вот какой он, Рахманинов? Это и при жизни понять было трудно, а сейчас вовсе не разберешься. Широкоплечий, очень высокий мужчина, за словом в карман лезет редко — вона как опешил бойких западных журналистов, а такой ранимый, неуверенный в себе, готовый чуть что казнить. Ведь есть же на

него спрос, несомненно есть. Но это спрос как на дирижера. Предлагают пойти главным дирижером в Бостонский симфонический. Коллектив, конечно, первоклассный и доверие к Рахманинову в выборе репертуара будет полным, но это 110 концертных выступлений в год, ему не сдюжить. Это получится, как было в Москве, в Большом театре, изнурительное аллегро без пауз. Кончится той же депрессией и разрывом контракта, только теперь уже психоаналитик Даль его не спасет. И Рахманинов отказывается от соблазнительного предложения. Он предпочитает карьеру пианиста-концертанта и дирижера-гастролера. Хотя и тут выходило не меньше 50 концертов в год, поровну в Европе и в Америке, а это тоже отнюдь не легкий кусок хлеба, но по крайней мере полная свобода. Так он сумеет выкроить время для творчества, ведь писать музыку и одновременно исполнять ее не умеет.

Итак, бесконечная череда гастролей. «В этом году (1928—1929), — пишет он матери, — моя работа начнется со 2 октября. Начну со Скандинавии, потом Голландия, потом Германия, Австрия и т. д. 2 декабря играю в Париже, 5 декабря уплываем с Наташей в Америку, где сезон у меня начинается 15 января и кончается 2 апреля».

И так каждый год, могли меняться только города и даты.

Конечно, его три фортепианных концерта часто пользуются успехом: охотно слушают здесь в Европе и Америке, его прелюдии и этюды-картины, но... лишь если их не заряжать на весь вечер, а перемежать Чайковским, Моцартом, Бетховеном и Шопеном. И если не случится так, что в городе накануне состоялся бейсбольный матч. Иначе у всех только и разговоров, что о «питчах» и «хомранах», на русском языке неведомых понятиях. А превосходный по-американски

рикански концертный зал вместо дамского разноцветья украшен лишь желтыми полотнищами пустых рядов.

Вообще-то публика его ценит преимущественно как пианиста. Его серебристые пассажи, мощные рубато обеих могучих рук и сентиментальное пиано находят отклик в простых слушателях. В коллегах тоже. Лучшие из лучших, Иосиф Гофман и Артур Шнабель, ставят его выше себя. Но не всегда и не все. Еще в пору триумфального окончания им Московской консерватории авторитетнейший директор Василий Сафонов не очень ценил его как пианиста. Считали, что он навязывает свою интерпретацию. Так, при исполнении Рахманиновым 5-й сонаты Скрябина в 1915 г. на траурном концерте «среди скрябинистов было волнение. Тенор Алчевский, которого держали за фалды, кричал: «Подождите, я пойду с ним объяснюсь!»

Собственно, его пианистская карьера началась лишь где-то в эмиграции или, может, чуть раньше, в России времен первой мировой. А до этого Рахманинов выступал больше как аккомпаниатор певцов и певиц или участник ансамблей. Не его называли лучшим исполнителем его же фортепианных концертов, хотя он неизменно был их первым исполнителем.

Рецензент первых концертов Рахманинова в Бостоне с иронией пишет о тысячах верных Рахманинову болельщиков, что ездили за ним и посещали все его концерты в надежде услышать на бис прелюдию до-диез-минор, которая хорошо расходилась на невзыскательную публику, а артист все не играл и не играл ее, выжимая аплодисменты. Сергей Прокофьев упрекал Рахманинова в том, что он обеспечивает грандиозный успех своим концертам, подбирая выигрышные куски у разных авторов, но избегает тематических программ.

Рахманинов и сам часто критичен к своей игре и невысоко ставит мнение публики. Например, он писал о концерте в Лондоне в 1928 г., который понравился строгому английскому критику: «Зал был заполнен примерно на три четверти. Я имел очень большой артистический успех, но играл так себе». Его душа не открыта каждому, она защищается от чужих эмоций, «баррикадируется», как сказал о нем композитор Александр Черепнин; поэтому многие критики считают его исполнение сухим и холодным.

А некоторые знатоки прибегли к сложной фигуре умолчания, чтобы никак не высказаться о его игре. Например, Генрих Нейгауз, многолетний патриарх русской пианистической школы, которому в Москве буквально смотрели в рот, в своей книге о современном пианизме дает оценку очень многим артистам. «Правда, — пишет Нейгауз, — я никогда не слышал Рахманинова». И, дескать, ничего не могу о нем сказать. Но позвольте, господин Нейгауз, почему вы его никогда не слышали? И на пластинках тоже? Ведь техника звукозаписи к концу жизни Рахманинова весьма усовершенствовалась, а его компактные диски популярны и сейчас. Каждый может послушать их и вынести собственное суждение. Таким образом, кажется, удастся приоткрыть тщательно скрываемую тайну: по мнению многих, Рахманинов в действительности был средним пианистом. Это восторженная и не очень искушенная американская публика сотворила из него гения пианизма. Чтобы написать этот очерк, я заново прослушал много его записей. (Скорее наоборот, я взялся за эту статью, потому что хотел прослушать много записей в приятной уверенности, что занимаюсь делом.) И нигде в прослушанных записях исполнения его концертов он не поднимается до высот Святослава Рихтера, Владимира Горовица и Вана Клиберна. Эту тривиальную для му-

зыкантив истину, мне кажется, пора донести до рядовых слушателей. Но это нисколько не умаляет величия Рахманинова-композитора. Наоборот, публика часто бывала заморожена присутствием любимого автора, он магнетизировал ее обаянием своей личности и верно играл ноты. Так что не будем журить западную публику за субъективность ее оценок. Но отметим, что русская публика была строже.

Юрий Нагибин написал в дневниках, что Рахманинов был не признан по достоинству при жизни как композитор. Это неверно, он имел огромный успех, если, разумеется, не сталкивался с принципиальным неприятием. Пример последнего — старый Лев Толстой, который спросил у него: «Скажите, вы думаете, ваша музыка кому-нибудь нужна?» Но Толстой в то время полностью отрицал даже собственное творчество. И трудно было надеяться, что для Рахманинова он сделает исключение.

А вот в чем Рахманинов определенно недобрал западной славы, так это в романсах. Смотришь на здешних многочисленных (куда больше, чем в России: белые, желтые, но никогда — черные) любителей серьезной музыки и думаешь: как же вы обеднили себя оттого, что не услышать вам никогда «Весенние воды», «Сирень», «Сон», «Я опять одинок!», «В молчанье ночи тайной», «Здесь хорошо»! Какой богатейший мир жизненных соков, подлинных чувств, от вспышек бешеных страстей до нежных дуновений еще не окрепших эмоций! Все это начисто закрыто западному слушателю нелепым и оттого еще более жестоким запретом на переводы текстов вокальных произведений, который чтят на Западе так же неукоснительно, как принцип правоты коммунистов в социалистическом реализме. Да еще и общим упадком интереса к вокальной культуре, быть может, не без связи с первой причиной. Ведь романсы не тер-

пят малейшего акцента. Между тем весьма популярен в Америке «Вокализ» Рахманинова, романс без текста, звучащий одинаково на всех языках.

Рахманинов продолжает внимательно следить за развитием русского искусства. Настоящим событием для него, да и для его семейства тоже, стал приезд в Америку на гастроли Московского художественного театра. «Сергей Васильевич, — вспоминал потом К. С. Станиславский, — провожал нас на пристань. Поднимаясь по трапу, я взглянул на него. Сутулясь, стоял он, молча и сосредоточенно вглядываясь в даль моря. На глазах его были слезы».

Только в 1926 году Рахманинову удалось наконец закончить начатый им еще в России Четвертый фортепианный концерт. Сразу после этого он пишет «Три русские песни для оркестра и хора». Однако следующее произведение — фортепианные вариации на тему Корелли — Рахманинову удастся написать лишь в 1931 году. И опять ничего в течение целых трех лет, потом — новый опус — «Рапсодия на тему Паганини» (1934 год).

Замысел наиболее значительного из последних произведений у Сергея Васильевича — Третьей симфонии — возникает сразу же по окончании им «Рапсодии». Закончена симфония была в 1936 году. Последним его произведением стали написанные в 1940-м «Симфонические танцы».

В целом Рахманинов и советская власть друг друга почти не доставали. Рахманинов в явной форме белогвардейцев не славил, а «упадочнический» пессимизм ряда его романсов можно было и простить ему, приписав беспросветности проклятого прошлого, в котором проходила его жизнь в России. Но Рахманинов не делал секрета из своей нетерпимости к авторитарному режиму. Наконец, как-то композитора прорвало. И это была не коллективизация и не

процессы над русскими инженерами-интеллигентами, а чудовищная, я бы сказал даже, преступная привязанность деятелей демократической культуры к кремлевским пирогам. Ему могли бы попасться Бернард Шоу или Ромэн Роллан, Лион Фейхтвангер или Теодор Драйзер, но попался, парадоксальным образом, восточный гуманист Рабиндранат Тагор. Правда, надо признать, что фигура «праведного старца» в традиционном индийском балахоне, поющего с пионерами их бодрые песни и не замечающего ни несчастных раскулаченных крестьян, ни ограбленных рабочих, раздражала не только его, но даже ко всему притерпевшихся Ильфа и Петрова — они его высмеяли в «Золотом теленке». Короче говоря, подписал Рахманинов гневное письмо по поводу визита высокоученого дервиша в Москву, опубликованное в «Нью-Йорк таймсе» 1 января 1931 г. Вместе с ним письмо подписали его друзья, профессор-химик Иван Остромысленский и сын Льва Толстого Илья. Это вторжение музыканта в мир политики вызвало недовольное ворчание в американских музыкальных кругах, где многие подумывали о скорых гастролях в России: ведь уже шли разговоры о грядущем признании России Америкой, а Рузвельт вскоре его осуществил. И напоминание о пытках в ГПУ казалось этим кругам неуместным.

Но подлинную ярость вызвало письмо в Москве. Газета «Правда» в статье «О чем звонят «Колокола» писала: «Кто мог представить себе, что сегодня в Москве, в одном из основных залов, могла бы собраться тысячная аудитория, чтобы слушать... Бальмонта, Гиппиус или Мережковского! Такая мысль кажется совершенно нелепой. Между тем, несмотря на это, нечто подобное — нет, еще гораздо более бесстыдное — недавно имело место в Москве». Далее, передав читателям весь ужас происшедшего глазами со-

знательного пролетария и ликование «бывших», заполнивших Большой зал консерватории, автор грозно вопрошает: «Кто автор этого сочинения? Сергей Рахманинов, бывший певец русских купцов-оптовиков и буржуев, композитор, который давным-давно устарел, чья музыка есть не что иное, как жалкое подражательство и выражение реакционных настроений; бывший помещик, который еще в 1918 году с отвращением покинул Россию после того, как крестьяне отобрали у него землю, — непримиримый и активный враг Советского правительства». Поэма написана на стихи Эдгара По в переводе Константина Бальмонта, которым заодно тоже досталось от пролетарской газеты на орехи.

Но письмо в «Нью-Йорк таймсе» в статье «Правды» лишь глухо упоминалось. Основной пафос был направлен против симфонической поэмы «Колокола», любимейшего произведения композитора. Широкие массы, судя по газетам, дружно откликнулись бойкотом всех произведений Рахманинова, а заодно и запрещением преподавать его музыку. Такой произвол его опричников Сталину не понравился, впоследствии почти все запреты (но не на духовную музыку, в том числе несравненную «Всенощную») были сняты, а судьба опричников общеизвестна. Хотя есть и здесь исключения: главный правдинский громовержец Д. Заславский почему-то умер от старости. Запреты продержались почти до самой перестройки, а памятная история с «Колоколами» в 70-х гг. подносилась как очередной перегиб РАППа (Российской ассоциации пролетарских писателей) — козла отпущения, на которого партия могла свалить часть своих грехов. Кстати, написаны «Колокола» еще до революции, в 1913 году, а не для того, чтобы призывать к «белой интервенции» в Советскую Россию, как это утверждала «Правда».

Уж на что ему не приходилось рассчитывать, так это на преподавание. Педагог он, нужно признать, никудышный. Помнится, в консерваторские годы была у него пара страдальцев, бестолку стучавших по клавиатуре. Может, вышел бы толк, если бы он показывал, как надо сыграть. Но Рахманинов только ругал и исправлял. Этого мало. Ученики бежали от него. Что ж, преподавание — это особый дар. К примеру, человек, которого Рахманинов считал своим учителем, Николай Зверев — как композитор полный нуль. А Рахманинов дорожил его мнением, уже будучи в ранге мастера и в юношеской горячности пренебрегая советами самого Римского-Корсакова.

Рахманинов был равнодушен, если не сказать враждебен, к общим концепциям и в музыке, и в жизни, хотя постоянно возил с собой томики Ключевского и не вымарал из книги «Воспоминаний», которые записал Оскар фон Риземан, слова Кайзерлинга: «Русские — это великий народ не потому, что они славяне, но из-за силы, влитой в них монгольской кровью, которой лишены другие славянские племена. В результате такого смещения произошло великолепное сочетание тонкой духовности и властной силы, которое делает русский народ столь великим». Но Рахманинов предлагал дополнить эти характеристики еще одной — фатализмом, который «позволял столь долго сносить тиранию большевизма».

Рахманинов имел успех здесь как русский музыкант, что противоречило установкам его юности: он был приверженцем московской композиторской школы с интернациональным Чайковским на знамени, которая была вчуже откровенному национализму петербургской школы. Потом все смешалось, и даже сам Чайковский в 50-х гг. стал в СССР вноситься в «могучую кучку», т. е. в число своих врагов. А Рах-

манинов еще раньше разделил свои привязанности с кучкистами. Оторванный от русской жизни, Рахманинов творчески поблек, и даже удачные его произведения («Вариации на тему Корелли», «Рапсодия на тему Паганини», вальсы Ф. Крейсlera) носят в основном заемный характер. Хотя издержки творчества были не меньше; чтобы рождалась музыка, надо было страдать, иначе ничего не получалось. Вершина страдания — это приехать в Европу и услышать вопрос: «Вы что-нибудь написали за последнее время?» И ответить на него: «Да, я написал каденцию к Венгерской рапсодии № 2 Франца Листа». Окажись тут рядом кто-то из недругов — покойный Скрябин или Глазунов, оставивший в такси его 4-й концерт, — уж они не преминули бы заметить, что он всего лишь эпигон Чайковского. Хотя кому бы промолчать, как не тому же Глазунову, насчет эпигонства...

Рахманинов-американец — почтенный семьянин, пуританин, бесконечно далекий от юношеских пьянок с Сахновским, Мефистофелем своей рано завершившейся молодости. В зрелом возрасте он был чужд богеме, очень строг на репетициях с примадоннами, не допуская у них и мысли о столь принятых в артистической среде интрижках с дирижером. Хотя когда-то роман с певицей, которой он аккомпанировал, вовсе не был для него заказан. Эти черты тоже импонировали американской публике, хорошо осведомленной через прессу о личной жизни богоизбранных.

В последние годы жизни он, как подробно описано во многих источниках, очень следил за линией Восточного фронта, даже завел радио, которое как источник музыки не переваривал, и слушал сводки Советского информбюро. Он был одним из первых в Нью-Йорке, кто дал благотворительный концерт в пользу Красной Армии. Деньги, вырученные от

концерта, он собственноручно передал советскому консулу, сопроводив их следующим письмом:

«От одного из русских посильная помощь Русскому народу в борьбе с врагом.

Хочу верить, верю в полную победу!

Сергей Рахманинов».

Страдая от смертельной меломомы, он получал успокоение от победных реляций с фронта и благочестиво простил «советчикам» их грехи.

«Окончания второй мировой войны Рахманинову не суждено было увидеть. Болезнь настигла его в середине концертного сезона 1942—1943 годов. Он принужден был прекратить выступления. 28 марта 1943 года в Калифорнии он скончался от рака».

Как ни жестоко это звучит, но в конечном счете художник может расплатиться с судьбой лишь подлинными страданиями: никакое техническое совершенство не способно их заменить. Не удалось это и Рахманинову-пианисту.

Музыкальный сфинкс Игоря Стравинского

Больше всего в России я люблю яростную русскую весну, которая наступает за какой-нибудь час, и весь мир кажется расколотым.

Игорь Стравинский

Стравинский Игорь Федорович родился 15 июня 1882 г. в Ораниенбауме (ныне г. Ломоносов), умер в Нью-Йорке 6 апреля 1971 г. Похоронен в Венеции.

Композитор и дирижер, сын певца Ф. И. Стравинского.

С 9 лет играл на фортепиано, с 18 лет самостоятельно изучал теорию композиции, одновременно занимался на юридическом факультете Петербургского университета (1900—1905 гг.). С 1902 г. брал уроки у Н. А. Римского-Корсакова, которого называл своим духовным отцом. Большую поддержку оказал ему С. П. Дягилев — организатор «Русских сезонов» в Париже, где состоялись премьеры балетов, принесших Стравинскому мировую славу: «Жар-птица» (1910 г.), «Петрушка» (1911 г.), «Весна священная» (1913 г.). С 1910 года жил попеременно в Париже, Швейцарии, России (в имении жены). С 1914 г. обосновался в Швейцарии, с 1920 г. во Франции, а в

1939 г. переехал в США, где в 1945 г. принял американское гражданство. Вел обширную концертную деятельность, исполняя собственные произведения, а также сочинения М. И. Глинки и П. И. Чайковского. В 1962 г. выступил с авторскими концертами в СССР.

Сфинкс, эта хищная полудевушка-полульвица, со ртом, окровавленным человеческими жертвами, кажется Роберту Крафту, признанному биографу Игоря Стравинского; наиболее ярким отражением музыкального и человеческого облика этого композитора. Именно Сфинкс, не каменный, а созданный фантазией древнегреческого поэта Гесиода, отпрыск злой богини Ехидны, полуженщины-полурептилии, и Ортоса, ее многоголового сына. Напомним, что во время работы над оперой-ораторией «Царь Эдип» Стравинский уже много лет жил в двух семьях: своей ревнивой жены Екатерины, которая родила ему четырех детей, и Веры Судейкиной, не бросавшей при этом своего бисексуального мужа-художника. Там же в двусмысленной роли находился еще и художник Кохно, сценарист многих балетов... Эта картина божественной невоздержанности, помноженной на всеокрушающий эксгибиционизм ее участников, никак не напоминает жизнь зрелого Рахманинова, так же как музыка Рахманинова, всецело обращенная к чувствам, далека от музыки Стравинского, объектом которой являются не чувства, а ощущения. Различия обоих музыкантов настолько велики, что могут служить иллюстрацией того диапазона возможностей, в котором может произойти разброс характеристик двух представителей одной и той же среды, в сущности того же времени и тех же обстоятельств в условиях свободного общества: напомним, Стравинский никогда не жил при советском режиме, а Рахманинов жил меньше двух месяцев.

Успех Стравинского — это успех среди тонких ценителей, изощренных профессионалов и высокоискусшенных знатоков, любителей современного балета и «чего-нибудь рыбного», но успех тем более ошеломительный, что он достигнут без малейшего потворства вкусам толпы. Если, конечно, не считать привязанности обитателей Запада к отъявленным индивидуалистам, презирающим безликую толпу, т. е. в конечном счете самих этих обитателей.

В США жизни, творчеству и личности Стравинского посвящена огромная литература, а «Гролиер» называет его одним из «крупнейших композиторов 20-го века». Отметим, что Рахманинов не удостоился ни такого определения, ни такого литературного отражения, хотя имел у широкой публики еще больший успех. У Стравинского есть несомненные основания называться «русско-американским композитором»; хотя он приехал в США поздно, в возрасте 57 лет, уже сложившимся художником, он не прекращал щедро творить еще 30 лет, почти до самой своей смерти в 1971 г.

Родился Игорь в бурлящей петербургской актерской среде, в семье ведущего баса Мариинки Федора Стравинского, которого, по воспоминаниям В. В. Вересаева, многие знатоки ставили выше его тезки Федора Шаляпина. «По высокохудожественному значению в качестве оперного артиста и интеллигентного человека вообще Федор Игнатьевич занимает в истории русской оперы одно из почетнейших мест. Свою карьеру певца начал он в составе труппы частной киевской оперы, где, выступая в первых басовых партиях, пользовался чрезвычайным успехом у публики. В 1876 году он дебютировал в Мариинском театре в «Мефистофеле», где и прослужил вплоть до 1901 года, выступая с неизменным успехом. За это время им исполнены были почти все первые басо-

вые партии оперного репертуара, причем одинаково хорошо удавались Федору Игнатьевичу как драматические, так и комические роли.

Все же, как это ни странно, композиторское дарование самого Игоря Стравинского проявилось довольно поздно».

Один его дед был поляк (Страва — приток Вислы), другой носил фамилию Фурман, что вместе с обращением «ваше высокопревосходительство», которое почему-то запомнилось внуку, выдавало в нем скорее всего остзейского немца. А там — чем черт не шутит... Федор Стравинский блистал многими талантами, в то время как материнская сторона была славна лишь долголетием прадеда композитора: тот прожил 111 лет!

Отец хотел видеть сына юристом, хотя он и обучался с 9 лет (поздно!) игре на фортепиано. И мечта отца сбылась: действительно, в 26 лет Игорь получил диплом адвоката. Но еще раньше он стал изучать контрапункт и в 19 лет показал свои первые опыты в сочинении музыки самому Римскому-Корсакову, благо светские связи это позволяли и поначалу это выглядело как невинное хобби молодого юриста. Эксцентричный старик был тогда крупнейшим в России знатоком симфонического оркестра, поборником социализма, но одновременно лютым патриотом. Совершенно неожиданно он хорошо отозвался о первых опытах и даже вызвался давать юноше частные уроки, хотя и отговаривал от консерватории, занятия в которой он считал пустой тратой времени. Уроки давали Игорю потом также Глазунов и Глиэр, но никакого систематического музыкального образования за ним не значилось. «Некоторые из самых ранних работ Стравинского исполнялись на еженедельных концертах в классе Римского-Корсакова; а

«Фавна и Пастушку» в 1908 году играл придворный оркестр русского царя».

Женитьба Стравинского в 1906 г. (подобно Рахманинову, на кухне Екатерине) была скорее попыткой обрести тихую гавань, чем продуктом безумной страсти. С той поры установилась помещичья традиция проводить лето в имении жены, а потом уезжать в Европу — Швейцарию или Париж. Опытами Стравинского заинтересовался антрепренер русского балета в Париже Сергей Дягилев, который заказал ему первый балет «Жар-птица», и — пошло!

«Премьера «Жар-птицы», состоявшаяся в июне 1910 года в Парижской опере, стала огромным успехом как для труппы Дягилева, так и для молодого композитора, которого и в России, и за рубежом стали считать одним из самых многообещающих композиторов нового поколения. А уже следующий, 1911 год ознаменовался еще одной премьерой Русского балета за рубежом. Это был «Петрушка» Игоря Стравинского с Вацлавом Нижинским в главной роли.

После успеха «Петрушки» у Стравинского возник замысел произведения, которое должно было стать чем-то вроде языческо-религиозной симфонии. Однако Дягилев убедил его реализовать этот замысел в форме балета. Так появилась «Весна священная», премьера которой состоялась в театре на Елисейских полях (опять же в Париже) 29 мая 1913 года. Премьера оказалась одной из самых «громких» в истории музыки. В высшей степени оригинальная композиция, смелые ритмы, неожиданные, непривычные их сочетания, все это привело к тому, что критика определила это произведение как своего рода отправную точку в развитии модернистского направления в музыке. Отныне Стравинского именovali преимущественно автором «Весны священной» и к тому же сторонником «разрушительного модернизма».

Поскольку деятельность Стравинского тесно была связана с Русским балетом за рубежом, он гораздо чаще бывал в Париже, чем в Петербурге. В 1910 году он перевез в Париж свою семью: жену Екатерину (в девичестве Носенко) и двоих детей (еще двое родились позже).

Начинается первая мировая война. Русский балет практически прекращает выступления в Западной Европе. Семья Стравинских переезжает в Швейцарию. Ну а после войны грянула Октябрьская революция, и Стравинский понял, что в Россию для него пути нет.

Из Швейцарии Стравинские уехали только в 1920 году и следующие девятнадцать лет жили во Франции, большую часть времени проводя в Париже.

Начиная с 30-х гг. из музыки Стравинского практически исчезают русские мотивы.

В первый же год после окончания первой мировой войны Стравинский возобновил работу с Дягилевым. Он написал для Русского балета «Пульчинеллу» (1920 год), последний же балет Стравинского, поставленный Дягилевым, был «Аполлон-Мусaget». Премьера его состоялась в 1928 году, за год до смерти самого Дягилева. После этого дягилевская труппа распалась».

Без прочной консерваторской школы Стравинский не мог стать любимцем публики, покоряя ее волшебными пассажами: подобно Чайковскому, он не блистал за фортепиано, зато он не был скован никакими академическими рамками в композиторском творчестве. Виртуозы жаловались, что его фортепианные опусы не позволяют им проявить себя, а злопыхатели объясняли это стремлением композитора не отрезать себя как пианиста от собственного творчества. Не оставил Стравинский заметного следа и как дирижер, хотя в годы второй мировой войны он был известен американской публике преимуществен-

но не как композитор, а как дирижер, часто исполнявший Вторую симфонию Чайковского.

Вместе с тем Стравинский был настоящим профессионалом, т. е. писал музыку почти исключительно на заказ и редко разочаровывал заказчиков. В большинстве своем его произведения сюжетны, они следуют древним сказаниям и легендам, сначала русским, потом больше греческим. Таковы «Жар-птица», «Весна священная», «Петрушка», «Фавн и Пастушка», «Орфей», «Свадебка», «Мавра», «История солдата», «Царь Эдип», «Аполлон-Мусагет».

В его музыке преобладают контрастные, нерегулярно чередующиеся ритмы, угловатая заостренность причудливых созвучий (или разнозвучий?), отвечающие вкусам тонких знатоков и идущие вразрез с фольклорным примитивизмом сюжетов. Но эта рассогласованность музыки и сюжета — сама по себе есть выразительное средство поэтики Стравинского. Либретто его работ были одно время связаны с поэтом-символистом Константином Бальмонтом, но перешагнув Бальмонта, он устремился к французским символистам А. Жиду и Ж. Кокто. Последние балеты созданы Стравинским в 50-х гг. в сотрудничестве с известным русско-грузино-американским хореографом Г. Баланчиным.

Многие произведения Стравинского написаны не только не шаблонно, но и для нестандартного состава музыкантов: например, для фортепиано и духовых инструментов, для 9 артистов, для 15 артистов. Во всех случаях такой выбор — это не творческий полет фантазии художника, а суровая экономическая необходимость: автору задавался заказчиком тот состав исполнителей, которым последний располагал. При этом отпадала необходимость наскоро аранжировать произведения для имеющегося в наличии творческого состава, и автор мог сразу же подчинить свой замысел ограниченным возможностям. Это в

свою очередь расширяло его поиски в сравнении с композиторами академической школы, которые настаивали на стандартном составе исполнителей.

Стравинский очень много работает и бесстрашно открыт всяческим влияниям. Например, его балет «Поцелуй феи» содержит откровенные заимствования у Чайковского, едва ли не своего антипода. В «Регтайме» и «Эбони» сильно влияние джаза, хотя синкопированные, «рваные» ритмы встречались уже в ранних балетах. В 40-х гг. в музыке Стравинского начала преобладать 12-тоновая, так называемая «серийная» система, основоположником которой был австрийский композитор Арнольд Шенберг (1894—1951). Азы этой системы запечатлены в романе Томаса Манна «Доктор Фаустус», с ее отрицанием основы основ музыки — семитоновой гаммы. Черты Шенберга приданы Манном главному герою романа, композитору Адриану Левекюну. Начиная с 1959 г. серийная техника уже безраздельно овладевает творчеством Стравинского.

Хотя Рахманинов был тоже не чужд новым музыкальным веяниям и его тоже тянуло порой к старику Паганини, но глубинным мотивом его творчества была русская народная распеваемость, всякие отступления от нее давались мучительно и подневольно. У Стравинского же в его «Симфонии псалмов» (1931), произведении, где модерновость еще не господствует неоглядно, если и звучит «Алилуйя», то она скорее отрицает Генделя, чем напоминает о нем.

С годами музыка Стравинского становится все более мрачной и жесткой: опера «Похождения повесы» (1951), самое продолжительное произведение композитора, написана много раньше. В ней еще слышны мелодии Моцарта и итальянская опера, но в такой аранжировке, что это покорило даже выдавший виды американский музыкальный мир. Зато в Фантазии для фортепиано с оркестром (1959 г.), в «Эле-

гии на смерть Джона Ф. Кеннеди» (1964 г.) и в «Погребальных песнопениях» (1966 г.) серийная техника уже ни с кем не делится властью, это лаконичные и тщательно структуризованные работы, от которых товарищ Жданов перевернулся бы в гробу, прозвучи они на его похоронах.

Возвращаясь к сравнению с Рахманиновым, заметим, что сентиментальное исполнение в Москве Третьего концерта Ваном Клиберном у многих слушателей в 1958 г. увлажнило глаза. Когда в 1962 г. в Москву приехал Стравинский, это имело еще больший политический резонанс, чем гастроль Клиберна: его выступления показали еще раз, что «загнивающая» западная музыкальная культура умеет рождать ценности отнюдь не ниже «передовой, социалистической» культуры. Успех был огромен, уши слушателей переполнялись диковинными ритмами и звукосочетаниями, их глаза горели, но... оставались сухими. И сам Стравинский это отличие своей музыки остро осознал. «Никогда в жизни я не буду способен создать что-нибудь подобное восхитительному вальсу из «Травиаты», — говорил Стравинский Р. Крафту, когда хотел передать свое отношение к искусству Джузеппе Верди. Чтобы оценить всю меру самоуничтожения, кроющуюся в этой фразе, достаточно вспомнить убийственный отзыв В. Набокова о В. Ленине, коий-де нашел что похвалить в западном искусстве — «Травиату»! Хотя не обходится тут Стравинский и без иронического кокетства.

Музыкальные суждения Стравинского нужно принимать с большими оговорками, поскольку они крайне субъективны. Например, он очень критично отзывался о великом дирижере Тосканини. А торжественно объявив о существовании подлинных виртуозов, назвал среди них лишь римского флейтиста и парижского кларнетиста. «Я объявлю ложным виртуозом всякого, кто играет лишь музыку XIX в., даже

если это музыка Баха и Моцарта», — заявил он Р. Крафту воинственно и несправедливо еще и потому, что эти композиторы принадлежали не XIX, а XVIII веку. Его неумеренное стремление «объять музыку», если не «разять ее, как труп», проявилось в его обращении к капитальному труду Рэлея «Теория звука», пробиться к которому ему помешали, правда, формулы на первых же страницах. Вопрос Крафта о «теории информации» Стравинский обошел, сказав, что зато он всегда интересовался теорией игр. «Но эта теория ничего не дала мне ни как композитору, ни даже в Лас-Вегасе».

Отнюдь не избегая абстрактных суждений, Стравинский тем менее подчеркивал, что он не интеллектуал. Хотя его влияние ощущали и Прокофьев, и Мийо, и Булез, и Шнитке, невозможно говорить о какой-либо «школе Стравинского». Преподавание занимало его еще меньше, чем Рахманинова. Он считал, что лишь очень немногие музыканты способны сочетать творчество с учением других. Лишь в 1939 году он согласился прочесть несколько лекций в Гарвардском университете, потому что очень нужны были деньги, как он объяснял друзьям. Так появилась книга «Музыкальная поэтика», в которой композитор изложил свои музыкальные вкусы и воззрения. Впрочем, он сделал это стравинско-сфинксическим образом, перепоручив этот труд (разумеется, дешевле!) музыковедам Ролану-Мануэлу Леви и Пьеру Сувчинскому, знатоку русской музыки, а сам засел за симфонию. Однако представленный Стравинскому вариант его лекций во многом, разумеется, не устроил придирчивого и раздражительного заказчика. Разразилось письменное обсуждение, в силу которого мы имеем представление о собственных взглядах Стравинского.

Нас здесь больше всего будет интересовать политический аспект и меньше — главный, музыкальный.

В начале работы Стравинский еще был в бешенстве от запоздалого прочтения в «Правде» статьи «Сумбур вместо музыки», где разносилась опера Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Сувчинский, который передал Стравинскому статью, написал на полях, что она появилась по прямому указанию Сталина. Стравинский написал там же, что «сумбур», если где-то и есть, то, несомненно, в голове у автора статьи, который ничего не смыслит в современной музыке. Так что антисоветизма в «Музыкальной поэтике» было не занимать и он поощрялся. Но в 1944 г., когда книга редактировалась к печати, ситуация была иной: на номинального автора давила военная цензура США, требовавшая убрать все, что рисовало в невыгодном свете союзника по антигитлеровской коалиции. А сюда входила вся русская глава «Поэтики». В итоге книга целиком была издана лишь во Франции в 1952 г., когда уже шла во всю «холодная война».

Крафт обиженно пишет: «Я не уверен, что преуспел в привитии ему демократических взглядов. Русская революция, лишив его собственности, обратила его в почитателя сильных консервативных правительств и, следовательно, Муссолини. Всего лишь за несколько недель до прибытия в США он должен был давать концерт в Венеции и попросил своего парижского издателя получить для него визу в консульстве. Там ему было отказали на том основании, что визы нужно получать лично. Но когда издатель попросил сделать исключение для человека, который не раз встречался с дуче, консульство смягчилось и выдало визу с улыбкой». Не нужно думать, что фрейдистские изыски Крафта, открывающие статью, так уж характерны для него: в более позднем издании диалогов он благодарит советского музыковеда М. Друскина за совет «закрывать занавес» перед интимной жизнью Стравинского.

Стравинский с одобрением встретил февральскую революцию и свержение монархии, но совершенно иначе отнесся к большевистскому перевороту. В швейцарских газетах был опубликован ряд его статей о положении на украинско-большевистском фронте. Там он неизменно сочувствовал украинцам. Но в дальнейшем политика выпала из круга его интересов. В 1920 году он написал вежливое письмо «комиссару» Анатолию Лурье, прося того содействовать в эмиграции своей матери. Видимо, Стравинский остался доволен результатом просьбы: вскоре «комиссар», как-то оказавшись на Западе, осел в роли секретаря композитора.

Все 20-е годы русский язык оставался преобладающим в его вокальной музыке. В 1925 г., когда его пригласили на гастроли в Москву, он вежливо отказался, сославшись на занятость. Только в 1934 году он получил французское гражданство, и лишь в 1945-м — американское. Нужно сказать, что это не было пустой формальностью, человек без гражданства не мог легко пересекать границы. А как же иначе жить гастролеру? В 1962 г. (год публикации «Ивана Денисовича») он согласился на гастроли и восхищался всем, начиная с огромного самолета ТУ-114, доставившего его в Москву.

Стравинский потерял массу денег за счет того, что США, как и СССР, долго не подписывали Бернскую конвенцию об авторском праве. В итоге этого все работы Стравинского, созданные до 1931 г., наиболее часто исполняемые, совершенно не охранялись авторским правом США, т. е. официально подлежали пиратскому исполнению даже на территории этой страны. Чтобы преодолеть это грабеж, Стравинский не поленился к получению гражданства США переписать все свои старые произведения и оформил их как новые. Но это мало что дало: пиратски исполня-

лись, по крайней мере номинально, лишь старые версии работ.

«В 1938 году умерла от туберкулеза старшая дочь Стравинского, а еще через год, в 1939-м, скончалась сначала его жена, а затем мать. Случилось это буквально за несколько месяцев до начала второй мировой войны.

Вторично Стравинский женился на Вере де Боссе, той самой Вере, которая давно уже была его любовницей и к которой так ревновала его первая жена. В 1940 году они переехали в Соединенные Штаты и окончательно осели в Голливуде.

По окончании второй мировой войны Стравинский продолжал работать все так же продуктивно, произведения его пользовались успехом, и это обстоятельство несколько, если можно так выразиться, маскировало тот факт, что неоклассическое направление музыки Стравинского переживало глубокий кризис. После войны возникает новое авангардное направление в музыке, которое и вытесняет неоклассицизм. Стравинский тяжело это переживал, однако его собственный творческий кризис длился недолго.

В 1956 году с ним случился удар, здоровье его было подорвано, тем не менее Игорь Федорович продолжал работать вплоть до 1966 года».

Превосходя Рахманинова в трудоспособности и фантазии, Стравинский равнялся ему в неспособности к преподаванию. Вот почему оба они не оставили последователей на этом континенте. А может, так оно и лучше?

Блеск (и нищета?) Яши Хейфеца

Я хочу, чтобы моя биография была короткой: родился в России, первый урок в 3 года, первый концерт в 7, в 16 — дебют в Америке.

Яша Хейфец

Хейфец Яша (Иосиф Робертович) — родился 20 января 1901 г. в г. Вильнюсе, умер в 1987 г. в США.

В 1905—1909 гг. учился игре на скрипке у Э. Я. Малкина в Вильнюсе, уже в возрасте 6 лет публично исполнил концерт для скрипки с оркестром Ф. Мендельсона в г. Каунасе. С 1910 года учился у Л. С. Ауэра в Петербурге, где в 1911 году дал концерт. В 1912 году выступал в Берлине в качестве «вундеркинда». С 1917 года проживал в США. Много гастролировал по Европе и Америке (в 1934 г. в СССР). Игру Хейфеца отличал мощный, богатый красками звук, исключительная по размаху и разносторонности виртуозная скрипичная техника. С 1939 г. являлся профессором университета в Лос-Анджелесе.

Вот как надо начинать карьеры в Америке! Чтобы обозреватель «Нью-Йорк таймс» назавтра озаглавил

свою рецензию словами «Снимите шляпы, джентльмены, перед вами гений!» Сверхнаслышанные нью-йоркские меломаны с первых же дней его гастролей в Новом Свете в октябре 1917 г. (времечко-то какое!) находили, что «молодой русский» (а Хейфецу было только 16 лет) ничем не уступает ни Изаи, ни Крейслеру, ни Сарасате и вообще никому из великих скрипичного мира.

Действительно, главное качество, которое характеризует Хейфеца, — совершенство во всем. Совершенен был его неповторимый звук, необыкновенна была беглость самых трудных пассажей, проникновенна кантилена, захватывающая даже самые черствые сердца, удивительна взрывчатость кульминаций. Словом, это был «Паганини двадцатого века», хотя тот факт, что сам Паганини мог соперничать со скрипачами нашего века, отнюдь не очевиден, смотри по этому поводу интереснейшие наблюдения Б. Шоу.

Хейфецу повезло: уже в 10 лет его музыкальным наставником стал сам знаменитый Леопольд Ауэр, друг П. Чайковского, которому тот посвятил свой скрипичный концерт, так никогда им и не сыгранный. В «Гролиере» упоминаются еще три ученика Ауэра, попавшие в Америку, — Ефрем Цимбалист, Миша Эльман и Натан Мильман. Самому Ауэру место в энциклопедии тоже досталось как американо-венгерскому музыканту, хотя 75 лет — не лучший возраст для начала карьеры в США, а именно в таком возрасте повел Ауэр борьбу за место под американским солнцем.

Яша быстро американизировался, говорил без акцента, водил свой шикарный спортивный автомобиль, играл в теннис и пинг-понг, а вскоре обзавелся и моторной лодкой. Вообще этот период жизни был похож на запоздалое детство — нормальное детство у него было отнято вундеркиндской карьерой.

Это не могло не отразиться на самодисциплине скрипача, на качестве исполнения. Он пишет в автобиографии: «Пришло время, когда отсутствие дисциплины в практике достигло меня. В 1921 г. после одного из концертов в Нью-Йорке музыкальный критик из «Нью-Йорк таймса» У. Дж. Гендерсон поместил критическую рецензию. Он написал, что я уронил себя во мнении публики и в его мнении и что я должен следить за собой, что не достаточно играть пьесу — нужно думать о ней. Что у меня есть долг по отношению к себе и к музыке, который никогда не будет оплачен. Я знал, что этот человек желает мне добра: описанное было для меня чувствительным ударом, ибо это была правда. Я начал серьезно практиковаться, я изменил своей юношеской экстравагантности. Я буду всегда благодарен Гендерсону. Он выбил из меня дурь и наставил меня на истинный путь. Критики могут временами делать полезные вещи. Он умер несколько лет назад, и я буду всегда сожалеть, что не встретился с ним». По-видимому, нужно быть незаурядной личностью, чтобы воспринять такой урок и так написать о нем.

Одним из элементов американизации было заведение специального агента для общественных контактов. Однажды в 1925 г. он с аккомпаниатором Исидором Акроном разговорился на корабле с малоприметной девушкой Констанцией Хоуп. Когда музыканты по-русски обсудили ее достоинства и недостатки, они услышали:

— Превосходная манера говорить в присутствии девушки!

Причем это было сказано на хорошем русском языке. Вдоволь посмеявшись, все трое стали хорошими друзьями. А через 10 лет Констанция стала представлять Горовица в общественных отношениях. С тех пор мистер Горовиц, к вящему неудовольствию прессменов, ничего не говорил для прессы,

все было снабжено обесценивающим вступлением: «По словам мисс Хоуп».

Впрочем, Хейфец всегда держался осторожно, в том числе и в политических вопросах. Это позволило ему сохранить неплохие отношения с советским режимом. Он не считался белоэмигрантом или невозвращенцем и был, наряду со Зворыкиным, одним из немногих, которые посетили СССР в первую советско-американскую оттепель 1934 г.

Искусство изготовления скрипок умерло еще в XVIII веке. В Нью-Йорк Хейфец приехал со скрипкой Тонони, недостойной его. На одном из первых концертов к нему подошел человек, который предложил Яше играть на принадлежащей этому человеку скрипке Страдивари, и Хейфец с готовностью согласился. Через два года Хейфец выкупил скрипку у того человека, пожелавшего остаться анонимным, за хорошую цену. Со временем он купил себе еще одного Страдивари, а перед войной дополнил свой скрипичный парк еще и скрипкой Гварнери. Эти три скрипки и служили Хейфецу до конца его карьеры, хотя периодически он играл и на других скрипках. Например, в акустической лаборатории Гарвардского университета он издавал длинные однотонные звуки на всех трех скрипках и на многих других инструментах, например, на скрипке, купленной в магазине за 5 долларов. Ученые не нашли различия в звучаниях тонов и обертонов, но для искусного человеческого уха контраст был значителен.

Были у драгоценных скрипок и приключения. Например, когда во время второй мировой войны Хейфец играл для американских войск в Европе, начался налет немецкой авиации, все устремились в бомбоубежище. Какой-то солдат выхватил скрипку из рук Хейфеца и исчез. После налета солдат нашелся и вернул скрипку, объяснив, что он таким образом спасал драгоценный инструмент. Дру-

гой случай произошел уже после второй мировой войны в Израиле: после концерта какой-то фанатик бросился на Хейфеца с железным стержнем; он метил в скрипку, едва не сломав руку, защитившему ее скрипачу. Он таким образом протестовал против исполнения Хейфецом сонаты Рихарда Штрауса, композитора, сотрудничавшего с нацистами.

В наши дни скрипка Страдивари стоит примерно полмиллиона долларов, а Гварнери (их значительно меньше) — миллион. Слухи о многих миллионах, уплаченных за скрипки, преувеличение. Где скрипачам взять такие деньги? Ведь это же не звезды рока...

Первая жена Хейфеца, на которой он женился в 1928 г., была второразрядной киноактрисой; в 1946 г. Хейфец женился вторично. Вторая оттепель в советско-американских отношениях, пришедшаяся на 50-е гг., обошлась без Хейфеца: его политические привязанности тогда уже целиком принадлежали Израилю. В значительной мере на его средства были построены концертный зал и консерватория в Хайфе. К сожалению, городские власти без внимания отнеслись к этому дару, и со временем он превратился в захудалый кинотеатр.

Хейфец был веселым и живым человеком, как говорится, «душой компании». Он основательно обогатил не только библиотеку музыкальных записей, но и околomuзыкальный фольклор. Приведем некоторые из популярных легенд о Хейфеце.

Однажды советские музыканты спросили его, какого он мнения о Давиде Ойстрахе.

— Это безусловно лучший советский скрипач и второй номер среди скрипачей мира, — последовал ответ.

— Кто же первый? — возник естественный вопрос.

— Ну, первых много.

Когда его спросили, как ему понравился «Полет шмеля» в исполнении престарелого скрипача Х., он ответил:

— Это были лучшие полчаса в моей жизни. (В нормальном темпе пьеса длится не более двух минут.)

Хейфец был очень живой и общительный человек, не умевший обходиться без шуток даже в самых обыденных делах. Например, когда концерты в Калифорнии проходили без программ, в его обязанности входило не только исполнять, но и объявлять исполняемые пьесы. Вот как это звучало:

— Венявский, концерт для скрипки с оркестром в трех частях. Часть вторая почему-то следует за первой, и завершается концерт, как это ни странно, третьей частью.

Рядом с Хейфецом жил его друг, главный комедиа́нт планеты Чарльз Чаплин. Не думаю, чтобы эта шутка привела его в восторг. Скорее всего Хейфец таким образом пародировал некоторых музыковедов с их претенциозной, околонучной болтовней.

Не следует думать, что игра Хейфеца порождала у всех слушателей только положительные эмоции. Некоторых раздражало само совершенство его игры, ее гладкая безупречность (в этом Хейфец повторял Рахманинова). Вот что писал о его концерте уважаемый музыкальный критик В. Томпсон: «Концерт Хейфеца напомнил мне огромную сумму денег. Если цель музыки выразить непередаваемую роскошь, то эта цель была достигнута. Его знаменитый шелковый звук, его не менее знаменитые удвоенные паузы, этот невыразимо мастерский музыкальный мармелад нисходил к музыкальному слуху подобно мягчайшему восточному дивану с бесчисленными подушечками... Это как сладкое мяуканье Сары Бернар. О его Моцарте чем меньше скажешь, тем лучше для него же. Каждая нота у Хейфеца замирает, как будто Моцарт

писал музыку только для того, чтобы очаровывать... Если это Моцарт, то я готов съесть свою шляпу». Вот так... Правда, сравнение с Сарой Бернар наводит на мысль об обыкновенном антисемитизме — он и в США не редкость. Нельзя сказать, чтобы такие скандальные рецензии оставляли Хейфеца равнодушным, но потерявшим самообладание его никто не помнит.

Наряду с классическим скрипичным репертуаром Хейфец включал в концерты много популярных мелодий. В кругу друзей не брезговал аккордеоном. И даже сочинил популярную в свое время песенку «Когда ты занимаешься со мной любовью» — сначала под псевдонимом, но потом не выдержал и раскрыл авторство, к ужасу многих обожающих его филармонических старушек.

23 октября 1972 года Хейфец сыграл в музыкальном центре в Лос-Анжелесе свой последний концерт. Но и тот показал, что артист умеет давать сдачи судьбе: концерт включал сонату Рихарда Штрауса, за которую его пытался наказать израильский экстремист. В 1975 г. из-за операции на левом плече он был вынужден навсегда положить скрипку. О его жизни после этого вплоть до смерти в 1987 г. известно очень мало. Видимо, жить с тремя своими любимыми скрипками и не играть на них было ему не очень интересно.

Два пришествия Владимира Горовица

Фортепиано — это самый легкий инструмент, если на нем начинаешь учиться играть, и самый трудный, если на нем хочешь добиться совершенства.

Владимир Горовиц

Величайший пианист столетия, а такой титул Горовицу присвоили бы многие, родился в Бердичеве в 1903 г. (а не в 1904, как указывается во многих источниках). Но детство его прошло в богатом музыкальными традициями Киеве, в состоятельной музыкальной семье. Его дядя окончил Московскую консерваторию у своего друга Александра Скрябина с серебряной медалью. Ребенок не был вундеркиндом: подобно тысячам других мальчиков, ненавидел Баха, зато обожал оперную музыку и часто играл ее. Его учителем стал Феликс Blumenfeld, ученик Антона Рубинштейна. Но ученичество Горовица было недолгим: с начала 20-х гг. он начал исполнительскую карьеру, и с племянником Blumenfelda Генрихом Нейгаузом он уже общался на равных, хотя кое-кто и отмечал, что «Володя играет чересчур громко».

Играть приходилось часто в неприспособленных помещениях перед публикой, лужающей семечки и громко разговаривающей, — революция привела в концертные залы нового слушателя. Горовиц любил успех, красивую одежду, любил деньги, приносимые им. Послушал Володя зарубежных знаменитостей — Артура Шнабеля, Эгона Петри, Артура Рубинштейна — и решил, что, как они, он тоже может. Поэтому с первых же гастролей за рубежом в 1925 г. он решил не возвращаться. Гастроли в Берлине начались при полупустых залах, тем более, что Горовиц играл не очень популярный там 1-й концерт Чайковского, зато берлинская публика очень скоро «распробовала» Горовица. Критики отметили очень высокую октавную технику молодого пианиста. Но в Германии тогда собралось просто очень много хороших пианистов, и чтобы выделиться среди них, нужно было их превосходить.

Однажды его в гостинице поймал импресарио Гамбургского филармонического оркестра и сказал, что у него срывается 1-й концерт Чайковского из-за того, что заболел пианист.

— Когда нужно играть?

— Через 45 минут.

Хотя Горовиц уже месяц, как не заглядывал в концерт, он согласился. Смотреть ноты было поздно, времени оставалось только, чтобы побриться. Дирижер Юджин Пабст пытался сначала поговорить о темпах, но потом махнул рукой:

— Следите за моей палочкой.

Имени солиста он до концерта так и не узнал. Но когда Горовиц вступил мощными аккордами, Пабсту ничего не оставалось, как сделать шаг в сторону и следить за руками незнакомого пианиста, чтобы выдержать темп. Когда Горовиц кончил и обрушился шквал аплодисментов, который газеты называли «неслыханным со времен гастролей Карузо», Пабст так

сжал плечо Горовица, что оно болело несколько дней. Гастроли музыкального трио — пианист Горовиц, скрипач Мильштейн и виолончелист Пятигорский — стали одной из самых больших сенсаций Европы 20-х годов. Концерт в Парижской опере, где Горовиц исполнил свою недавнюю фантазию на темы оперы «Кармен», завершился тем, что организаторам пришлось вызывать полицию: темпераментные французы, не столь искушенные в музыкальных тонкостях, как немцы, никак не могли утихомириться.

Следующими были гастроли в Соединенных Штатах, где критики назвали Горовица, кстати не знавшего еще ни слова по-английски, «степным смерчем» и «сверхчеловеческим сочетанием Розенталя, Падеревского, Бузони, Рахманинова и Гофмана». В США Горовиц увидел наконец своего кумира Сергея Рахманинова. В подвале фирмы «Стейнвей» он сыграл Рахманинову его 3-й концерт, причем сам Рахманинов на другом рояле играл оркестровую партию. 1-й концерт Чайковского должен был стать двойным дебютом, поскольку это было первое выступление в США и для своенравного дирижера сэра Томаса Бичема. Он был немислимо богат, и ходили слухи, «купил себе карьеру» за деньги. С самого начала англичанин стал замедлять темпы. Горовицу пришлось наращивать темп и силу звука, «чтобы не пришлось ехать обратно в Россию». В финале, как написал один критик, «клавиатура дымилась». Публика проаплодировала весь антракт. Критик «Нью-Йорк таймс» на следующий день писал о необузданности толпы дикарей, подогреваемой боевым барабаном или молодым русским, барабанящим по клавиатуре рояля. Но Горовиц был в восторге от происшедшего, он чувствовал себя победителем надменного англичанина. Бичем был хороший дирижер, но при оркестровом аккомпанировании не умел подчиняться солистам.

В последующие пять лет Горовиц давал с неиз-

менным успехом чуть ли не по концерту в день за неслыханную сумму в 1500 долларов, и даже мировой кризис не помешал его успешной карьере. Многие безработные отдавали за подорожавшие билеты на его концерты последние деньги. Он играл со всеми ведущими дирижерами мира, кроме советских и «короля дирижеров» Артуро Тосканини. Наконец, в 1933 году поступило приглашение сыграть 5-й концерт Бетховена с нью-йоркским филармоническим оркестром от самого маэстро Тосканини. Тосканини страшились все солисты, включая Шаляпина и Джили. Да что солисты, если он в присутствии Муссолини отказался играть в Ла Скала фашистский гимн и не участвовал в Байрейтском фестивале, потому что на него не пригласили еврейских музыкантов! За 10 дней до встречи с Тосканини Горовиц выступил с бетховенским концертом в Чикаго, и отзывы критиков были ужасны.

Тосканини только бросил на русского пианиста свой короткий близорукий взгляд и сказал: «Прекрасно! Встретимся на репетиции». Концерт прошел с большим успехом. «Нью-Йорк таймс» писала, что русский пианист покорила Бетховена и Тосканини. А через два года в перечень покоренных попала и младшая дочь дирижера Ванда — она стала женой пианиста. Брак длился 56 лет. Она изучала пение и фортепиано, но была посредственностью, и принципиальный папа не скрыл это от нее.

И тут всплыли неожиданные облака на ясном небе. Во-первых, гениальный дирижер и борец с политической тиранией оказался подлинным семейным тираном, одновременно волочась за каждой юбкой. Во-вторых, Горовиц, хотя и не уступал Тосканини как музыкант, проигрывал ему как личность. Да и в языках он был не силен: даже через пятьдесят лет его английский был ужасен, на итальянском он вообще не говорил. Итогом брака была родившаяся через 10

месяцев дочь Соня и трехлетняя депрессия. Супруги с комфортом провели ее в Швейцарии, где Горовиц общался почти с одним С. Рахманиновым, разумеется, по-русски. (Тосканини Рахманинова не ценил абсолютно и никогда не исполнял.) Соня в семейной иерархии занимала несравненно более низкое место, чем отец. Ее жизнь была несчастлива и окончилась в 1957 г. самоубийством.

Манера игры Горовица требовала постоянной интенсивной самоотдачи, и оттого играл он неровно. Биограф Дюбэл приводит гомосексуальное объяснение психической болезни артиста, но у него отсутствуют какие-либо свидетельства, только домыслы. С 1940 по 1953 г. Горовиц, оправившись от депрессии, выступал с концертами, правда, реже, чем раньше, и сделал один и совместно с тестем ряд замечательных записей. Благосостояние семьи было столь надежно, что он позволял себе делать «некоммерческие» записи (например, «всего» Скрябина).

В 1953 г. Горовиц снова замолк, теперь уже на 12 лет. И только в 62 года вернулся на концертную эстраду, чтобы предстать перед новым поколением слушателей. Да вернулся столь полноправно, что рискнул в 83 года поехать на гастроли в Россию.

Гастроли прошли триумфально — это было в 1986 г., после десятилетнего культурного эмбарго, наложенного Картером, когда гастролеры из-за рубежа были в Москве крайне редки.

После гастролей Горовиц был приглашен в Белый дом и играл там. Выступивший вслед за тем Рональд Рейган похвалил его игру и связал ее с традицией его учителей, Рубинштейна и Блуменфельда. Дальше случилось неожиданное: Нэнси Рейган оступилась и с шумом упала в вазу с цветами, испугав Горовица. Вездесущее Си-Эн-Эн разнесло все это по телевизорам американцев. А находчивый Рейган пошутил: «Я же просил тебя сделать это только, если

после моей речи не будет аплодисментов!» На состоявшемся за концертом приеме Дюбэл столкнулся с Рейганом и, чтобы что-то сказать, удивился тому, что он услышал в Белом доме имена Рубинштейна и Blumenфельда. На это Рейган, уже израсходовавший на Нэнси заряд находчивости, смог только побледнеть и промолчать — он уже забыл эти имена в написанной для него речи. Эти события вызвали у Горовица следующие печальные размышления:

«Во всякой аудитории лишь немногие воспринимают духовный посыл великой музыки. Несколько больше таких, которые чувствуют эмоциональное возбуждение. Но большинство приходит на концерт, как на общественное мероприятие, чтобы их там увидели».

Умер Горовиц в конце 1989 года и был похоронен в Милане в фамильном склепе Тосканини. Религия не играла никакой роли в его жизни.

Горовиц — не единственный русский пианист, переехавший в США. Еще раньше это сделал замечательный виртуоз Иосиф Гофман; из числа многих последователей Горовица в «Гролиере» упомянут Владимир Ашкенази, давший как пианист и как дирижер оригинальное истолкование многих шедевров. Но Горовиц остается символом пианистической силы, тонкости и изящества.

Контрабас и палочка Сергея Кусевицкого

Кусевицкий любит искусство как единое целое и примиряет в себе его различные проявления.

Артур Лурье

Кусевицкий Сергей Александрович — родился 14 июля 1874 г. в г. Вышний Волочек, умер 4 июня 1951 г. в г. Бостон, США.

В 1894 году окончил музыкально-драматическое училище при Московском филармоническом обществе по классу контрабаса, с 1901 года там же преподавал. Концертировал как контрабасист-виртуоз в России и за границей. С 1905 года жил в Берлине, где занимался дирижированием. В 1909 году основал в Берлине «Российское музыкальное издательство» в целях пропаганды творчества русских композиторов, создал в Москве симфонический оркестр, выступавший под его управлением во многих городах России.

В 1920 году уехал за границу сначала в Европу, а затем в США.

С 1924 по 1949 год являлся дирижером Бостонского симфонического оркестра. Был одним из первых исполнителей в США 9-й симфонии Шостаковича и 5-й симфонии Прокофьева. С 1943 года президент музыкальной секции Национального совета американо-советской дружбы.

Если есть понятие «музыкальная глушь», то Вышний Волочек, родина Сергея Кусевицкого, как нельзя более ему соответствовал. Даже провинциальная Тверь смотрелась оттуда как «столица» губернии. Родители Сергея, бедные евреи, преподаватели музыки, были больше озабочены хлебом насущным, чем высоким искусством.

Сын уже в 12 лет дирижировал жалким оркестриком, который заполнял антракты в представлениях приезжих губернских звезд из самой Твери(!), и мог играть на всех инструментах, но это выглядело не более чем детская забава и приносило копейки. Отец желал сыну иной участи. Вот почему контакта с родителями у Сергея никогда не было, и в 14 лет он уже тайно покинул дом с тремя рублями в кармане и отправился в Москву.

В Москве, не имея ни знакомств, ни рекомендательных писем, он прямо с улицы явился к директору консерватории Сафонову и попросил принять его на учебу. Сафонов объяснил мальчику, что учеба уже началась, и он может на что-то рассчитывать только на следующий год. Иначе подошел к делу директор филармонического общества Шестаковский: убедившись в идеальном слухе, безукоризненной музыкальной памяти и высоком росте мальчика, он решил, что из того получится хороший контрабасист. Контрабасистов хорошего уровня в оркестрах вечно не хватало. Инструмент этот считался вспомогательным, создающим фон своим звучанием, а требовал для овладения собой не меньше усилий, чем божественная скрипка. Вот почему на него находилось немного охотников — толпы устремлялись в скрипичные классы. Да и физических усилий он требовал больше как для игры, так и для переноски.

У Кусевицкого же контрабас пошел великолеп-

но; уже через два года он был принят в московскую частную оперу и через год работы стал концертмейстером группы контрабасов. Вскоре он стал выступать с концертами, играя переложения для контрабаса пьес скрипичного и виолончельного репертуара, а также собственные пьесы.

Контрабасисты-виртуозы очень редки, появлялись они раз в столетия, так что публика успевала забыть об их существовании. В России до Кусевицкого, кажется, не было ни одного, а в Европе за пятьдесят лет до того был Боттезини, а еще за пятьдесят лет до него — Драгонетти, для которого Бетховен написал специально партии в 5-й и 9-й симфониях. Но их обоих публика недолго видела с контрабасами: оба они вскоре сменили контрабасы на значительно более легкую дирижерскую палочку. Да и Кусевицкий взялся за этот инструмент практически оттого, что у него не было иного выбора: оставив в 14 лет в Вышнем Волочке дирижерскую палочку, он продолжал мечтать о ней и в Москве, и на гастролях в Берлине, где он имел большой успех, и в Петербурге. Там он появился на конкурсе в Мариинский театр просто, чтобы испытать свои силы. Всего было 23 участника со всей России и из-за рубежа на одно место. Кусевицкий выступал третьим, и после его выступления остальные участники играть отказались.

Когда музыканту было уже за тридцать, он почувствовал, что выжал из контрабаса уже все возможное и тот не приносит ему прежнего удовлетворения. И он решился начать всерьез дирижерскую карьеру, когда его ровесник Рахманинов, побывавший в роли главного дирижера Большого театра, эту карьеру для себя уже почти отставил. Кусевицкий перешел на иждивение состоятельной жены (он женился на дочери чайного фабриканта Наталии Ушковой) и пошел простым учеником к мэтру европейских дирижеров

того времени Артуру Никишу. Несколько лет он довольствовался скромной ролью ученика, периодически выступая со студенческим оркестром Берлина. Хотя вскоре он стал любимым учеником Никиша и его личным другом, но медленно, крайне медленно развивалась его дирижерская карьера в отличие от инструментальной.

Только в 1910 году его пригласили на гастроли в Лондон с филармоническим оркестром. Для дебюта он избрал «Поэму экстаза» Скрябина, которую лондонская публика еще не слышала. Ценой больших усилий он преодолел прямую обструкцию музыкантов и добился успеха у слушателей.

В 1910 г. он собрал в Москве собственный оркестр из 85 музыкантов и начал там же и Петербурге собственные концертные сезоны, исполняя — блестяще! — все лучшее, что было известно в мировой музыке. Одновременно он начал обширную издательскую деятельность. Это было уникальным примером того, как денежный мешок начинал служить искусству. Дохода такая деятельность не приносила, так как значительная часть билетов распространялась среди учащейся молодежи по символической цене. Зато популярность музыканта возросла чрезвычайно. Еще и в 50-е годы попадались в России старые любители музыки, которые помнили эти сезоны.

С большевиками он разругался сразу же и бесповоротно, послав письмо в газеты о своем нежелании сотрудничать. Затем он пришел к Менжинскому в ЧК и потребовал визу на выезд. Менжинский для начала отказал, но музыкант пообещал, что навсегда покинет музыку, пойдет пахать землю. И Менжинский, возмущенный и еще не освоившийся в роли палача (был только 1921 год!), сдался.

Проведя три сезона в Европе, в 1924 г. Кусевицкий попал в Бостон. Возглавить Бостонский симфо-

нический оркестр сначала предложили Рахманинову, но тот отказался. И следующие 27 лет Кусевицкий руководил Бостонским симфоническим оркестром, а с ним и всей музыкальной жизнью Новой Америки. Он застал оркестр в стадии упадка и превратил его в прославленный коллектив.

Самым трудным и подчас невыносимым делом среди обязанностей главного дирижера оказалось избавление от недостаточно квалифицированных оркестрантов. Часто на стороне этих людей оказывались связи, почти всегда традиция. Нельзя было забывать и о человеколюбии. В общем, если бы не эта обязанность, дирижеры, вероятно, жили бы еще дольше — и так они занимают весьма высокое место по продолжительности жизни среди прочих профессий, что не перестает удивлять ученых. У автора есть свои соображения на этот счет. Но они увели бы нас далеко от судеб успешных русских эмигрантов в Америке.

Блистательный истолкователь классики и новых композиторов, сам посредственный композитор без амбиций, хороший организатор и великолепный инструменталист — в разгаре репетиции, отчаявшись в своем английском, он мог выхватить у непонятливого музыканта тромбон и показать на нем, как нужно сыграть трудное место — Кусевицкий своими руками создал Бостонский симфонический оркестр, каким мы его любим и ценим сегодня. Вряд ли это удалось бы кому-то другому из русских музыкантов.

Мнения музыкальных критиков о достоинствах исполнения Кусевицкого расходятся — здесь, в Америке, никогда не ценилось единообразие в суждениях. Но старые бостонские музыканты помнят о золотой поре Кусевицкого, о времени, когда нельзя было и помыслить о свободном кресле на его концертах, даже если исполнялись мудреные современные со-

чинения и не было звезд-солистов. Они восторгаются даже манерой, в которой были уволены им из оркестра.

Причем для них личность Кусевецкого неотделима от его ужасного акцента. Речь, которую он зачитывал на торжественном собрании, звучала для американского слуха примерно так: «Эсфените мнэ, то я шитаю свой ретш на бумаджа. Инатше мнэ трюдно». Тем не менее многие музыканты отмечают особую выразительность его замечаний на репетициях, его способность передавать тончайшие оттенки исполнения.

Он вел себя непосредственно в любом обществе. Когда пожилая дама назвала его на закате карьеры лучшим дирижером мира, он возразил ей: «Ну как же, есть еще превосходные дирижеры!» И беспомощно обернулся к жене: «Наташа, кто?»

«Genatsvale, mr. Balanchine!»

Не пытайтесь истолковывать музыку. Вам все равно не удастся заставить Бетховена танцевать.

Георгий Баланчин

Баланчин Георгий Мелитонович — родился 9 января 1904 г. в Петербурге в семье грузинского композитора М. А. Баланчивадзе.

В 1914—1921 гг. учился в театральном училище при Мариинском театре в Петрограде. С 1924 г. живет за границей. В 1925—1929 гг. главный балетмейстер в труппе «Русский балет С. П. Дягилева».

В 1933 г. переехал в США, где организовал «Школу американского балета», из которого впоследствии выросла труппа «Американский балет». Баланчин поставил в ней сюжетные балеты «Блудный сын» Прокофьева — 1929 г. и «Аполлон — повелитель муз» Стравинского — 1929 г., в дальнейшем абстрактные балеты — «Концерто барокко» на музыку Баха — 1941 г., «Балле империяль» — на музыку Чайковского — 1941 г. и другие.

В России, если что-то когда-либо получалось, то лишь вопреки обстоятельствам. Взять хотя бы зна-

менитый русский балет, который создал гениальный француз Мариус Петипа и который сейчас в основном прописан в Нью-Йорке. Но он должен был и создаться в Нью-Йорке! Именно там, на Бродвее, в 1838 г. начал 20-летний Мариус Петипа свою танцевальную карьеру. И начал неудачно, хотя ему и помогал отец, стареющий танцовщик-премьер Парижской оперы Жан Петипа. «Выстарившись», Жан в 1848 г. перебрался в Петербург, где при нем много лет состоял Мариус, благополучно состарившийся в эпоху балетного безвременья, когда считалось, что «золотой век балета» миновал. Были, конечно, еще балеты Минкуса, но это так, эпизоды. Да и музыка второсортная. Только в 1889 году, в возрасте 71 года, он дорвался наконец до постановки балета Чайковского «Спящая красавица», а в три последующих года поставил еще «Лебединое озеро» и «Щелкунчик» — самый популярный балет в США. Какое причудливое нагромождение случайностей! Петипа прожил почти всю долгую жизнь в Петербурге, и затирали его же соплеменники, несравненно ниже его стоящие: Жюль Перро и Артур Сен-Леон, да отец с братом. А балеты Чайковского, на которых он мог показать, на что способен, еще не были написаны. Перенес русский балет в Штаты полугрузин Г. Баланчин.

Георгий Баланчивадзе был родом из Западной Грузии, село его деда было в 5 км от города Кутаиси. В его роду и раньше, видимо, водились затейники: «баланчи» означает по-грузински «придворный шут». Но уже его дед был православным епископом Кутаиси, а отец поехал учиться в Петербург музыке да там и остался, женившись вторично на полунемке-полурусской. Мелитон Баланчивадзе был композитором, автором первой грузинской национальной оперы. Но Георгий, родившийся в 1904 г., не думал идти по стопам отца, он мечтал стать военным. На экзамен в Хореографическое училище он попал случайно, со

старшей сестрой Тамарой, так как не с кем было его оставить дома. Их приняли обоих, но Тамару потом отчислили: у нее не оказалось способностей. Георгий же успешно учился в училище и (вместе с братом Андреем, впоследствии известным советским композитором) в консерватории по классу фортепиано. Впоследствии такое совмещение очень способствовало его карьере.

Императорское (!) хореографическое училище в 1917 г. считалось оплотом контрреволюции и как таковое было закрыто. Потом, летом 1918 года, Луначарский уговорил Ленина выглядеть цивилизованным и снова открыть училище, уже, конечно, не императорское. Но пайки учащимся положили отнюдь не комиссарские. Точнее говоря, тщедушные балерины находились на грани физического истощения. Все только и мечтали вырваться на зарубежные гастроли и там отъесться. И Георгий, хотя он и был в 1923 г. выдвинут в руководители балета самого большого Мариинского театра, не составлял исключения. Все эти должности были как бы понарошку. Понарошку казалась и женитьба Георгия на балерине Жевержеевой, ей было тогда 15 лет. Их обвенчали в капелле при училище, нарядив в свадебные костюмы из театрального реквизита. Брак был для них своеобразной защитой от ухаживаний В. Маяковского — «огромного, наглого и знаменитого — ни одним из этих качеств Георгий не обладал».

Певец В. Дмитриев, на время НЭПа превратившийся в крупье процветавшего казино, в 1924 г. сколотил группу из шести исполнителей для гастролей в Германии. Накануне отплытия произошла трагическая история, обнажившая опасные клыки молодого НКВД. В группе была юная балерина Лидия Иванова, у которой были связи с чекистами: несмотря на классовые различия, те уже уяснили, что среди балерин пропасть прехорошеньких, и это заставило их

сделать первый шаг к искусству балета. Но и Иванова познала кое-что из мрачных тайн ЧК, которые не полагалось вывозить на Запад. Институт «невъездных» тогда еще не оформился, это был следующий этап развития ЧК. И чекисты не придумали ничего другого, как убить Иванову. Причем сделали это очень неловко, инсценировав аварию моторной лодки с большой компанией, так что из мешка торчало несколько шил. Никакого расследования инцидента даже не провели. Эта история укрепила в Баланчине желание оставить страну.

В Европе все, кроме Дмитриева, нашли работу; Дмитриеву же, как своему благодетелю, артисты отчисляли некоторое время долю гонораров. Баланчин устроился работать в знаменитую балетную труппу Дягилева, который после войны собрал осколки «Русского балета Монте-Карло» и нуждался в притоке молодых сил. Баланчин выступал как танцовщик и балетмейстер во многих странах Европы, не чуравшихся беглецов из «свободной России», а во многие их не допустили. В Вене Баланчин встретился с Рахманиновым, и его ждал афронт. Он попросил написать Рахманинова какую-нибудь балетную музыку.

— Балет на мою музыку? — вскричал Рахманинов. — Да вы что, с ума сошли? Вон!

И выставил танцовщиков из гостиницы. Баланчин не был бы кавказцем, если бы не запомнил это на всю жизнь, и с тех пор, когда бы ни заходил разговор о Рахманинове, прекращал его словами:

— Lousy music! (Вшивая музыка!)

Отсюда можно заключить, что отношения между «россиянами»-эмигрантами были всегда небезоблачными. Может быть, это особенно справедливо по отношению к миру балета, где давно уже стало тесно от русских. По-видимому, известный танцовщик и балетмейстер Питер Мартинс выразил не только свое

мнение, когда сказал, что русским пора освободить американские места, которые они занимают. Хотя все, что пахнет национализмом, и встречается в Америке очень настороженно.

Когда в 1933 г. Баланчину вздумалось собрать всех своих бывших жен в только что созданной Школе американского балета, у станка встретились с тогдашней женой Жевержеевой (по-американски Гева), Данилова, Талчиева и Леклерк. Карьера Баланчина-танцовщика была неблестящей и рано закончилась из-за травмы колена. Иногда он выходил заменять заболевших исполнителей (однажды заменял, импровизируя под хохот публики, в «Песне соловья» Алисию Маркову). Но в качестве балетмейстера он работал более полувека. На счету Баланчина были европейские триумфы, работа с крупнейшими современными композиторами (например, со Стравинским и Веберном), создание в 1948 Нью-Йоркского городского балета, который он же возглавлял много лет, переход этого балета в роскошный Линкольновский центр исполнительского искусства и много других достижений. Но Р. Бакл, наверное, не зря считает кульминацией его жизни гастроль в Москве в 1962 г. Это были не первые гастроль американской театральной труппы в СССР: еще раньше были выступления со спектаклем «Моя прекрасная леди» — мюзиклом по мотивам пьесы Б. Шоу «Пигмалион» с участием Лолы Фишер. Но на главных сценах страны, в Большом театре и Дворце съездов, это были первые гастроль, и они имели огромное политическое значение, давая возможность тысячам зрителей открыто выразить добрые чувства к американскому народу и тем самым показать свое неприятие официальной пропаганды, регулярно рисовавшей этот народ в неприглядном свете.

Попытки задержать Баланчина начались уже на польской и чешской границах, поскольку и чехи, и

поляки в равной степени ненавидят как русских, так и американцев. Для такого суждения не было никаких оснований: и чехи, и поляки совсем неодинаково относились к русским и американцам, русских ненавидели гораздо сильнее, если все-таки пользоваться этим неуместным словом для описания чувств чехов и поляков. Неприязнь к американцам началась в 1968 г. и была вызвана равнодушием к подавлению «Пражской весны». Но и это чувство нельзя было назвать ненавистью.

Когда Баланчина в аэропорту «Шереметьево» приветствовали словами: «Добро пожаловать в Россию, родину классического балета», он ответил: «Спасибо, но теперь Америка является родиной классического балета. Россия — это родина старого романтического балета». О справедливости этих слов пусть читатели судят сами.

«Аплодисменты на спектакле во Дворце съездов были, но в основном по окончании спектакля. Причиной этого был превосходный буфет на верхнем этаже дворца. После первого и второго актов зрители устремлялись поскорее в буфет, вприпрыжку по быстрым эскалаторам, чтобы захватить икру, блины и колбасу, которые уже нельзя было достать в ресторанах и магазинах». Как участник этого исторического события в роли зрителя, обязан согласиться с м-ром Баклом, но с двумя оговорками. Во-первых, история требует точности: блины сами по себе дефицитом не были, только икра и твердокопченая колбаса. Во-вторых, главная причина некоторой холодности московской публики состояла в разочаровании искусством Баланчина. Бессюжетность его балетов в сочетании с очень быстрыми, но бездушными, механическими движениями танцовщиков не воспламеняла зрителей. Самой же балетной техникой удивить москвичей было трудно. Только «Ажгон» Стравинского с участием негра А. Митчелла,

который Бакл считает трудным для любой аудитории, имел настоящий успех, но и там, по мнению рецензента, «можно было спорить о допустимой мере откровенности в изображении секса». Ну, рядовых балетоманов это, конечно, не смущало, а вот ритмичная «спортивность» работ Баланчина вызывала досадливое недоумение.

Надо сказать, что гастролы происходили в очень трудный исторический момент. В библиотеках по очереди читали поразительную повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», а копии делать не разрешали. Самодур Хрущев спровоцировал Карибский кризис. Американские артисты были информированы о нем гораздо лучше, чем советские зрители, от которых тщательно скрывался драматизм ситуации. Передачи по радио свирепо глушились. Американцы этого, разумеется, не понимали, они растерянно запасались в посольстве бутербродами и удивлялись беспечности москвичей. Баланчин держался стойко, ответив на чью-то просьбу о прогнозе событий: «Я как раз еще не был в Сибири». Война стояла у порога, а москвичи наслаждались балетом! Интеллигенты, те, что, придя домой, припадали к транзисторам, тем более чувствовали потребность выразить свою солидарность с американцами, особенно к концу спектаклей, когда они возвращались к действительности из неглубокого увлечения миром балета.

Впрочем, такое отношение к баланчинскому искусству не было из ряда вон выходящим. «Русские критики, как и большинство английских за двенадцать лет до того, нашли, что в исполнении американцев нет души». Не удовлетворил советских зрителей и уровень мастерства труппы: газон надо было выращивать двести лет. В Ленинграде публика проявила больше энтузиазма: Карибский кризис миновал, а Баланчин, расчувствовавшись, дал бесплатный

утренний спектакль для творческих работников — платные билеты распространялись по предприятиям города. Но зато в Грузии, где Баланчин оказался впервые в жизни, царил полный восторг: «Нас, оказывается, и в Нью-Йорке знают! Нас, а не русских!»

Поклонение Баланчин встречал не всегда, скорее уважение как добротный профессионал. В таком духе высказывался о нем и Касьян Голейзовский, с которым я познакомился тогда же: «Два других моих ученика, которые руководят балетом в Париже и Москве, гораздо изобретательнее» (имелись в виду А. Григорович и С. Лифарь.). Но Баланчин-балетмейстер был очень трудоспособным; только в Нью-Йоркском городском балете он поставил 200 (!) номеров и отличался хорошими организаторскими способностями, без чего в Америке не спорится никакое дело.

Верен он был и своей установке на отсутствие звезд в труппе, особенно звезд-мужчин, часто повторяя, что в его театре единственная звезда в каждом спектакле — балетмейстер. Поскольку это относилось и к другим балетмейстерам, время от времени работавшим в театре, и поскольку дело было в Америке, это не выглядело столь уж нескромно. Лишь в самом конце карьеры он вынужден был терпеть рядом с собой подлинную звезду: в городской театр балета был приглашен Михаил Барышников, надежный, как говорят американцы, «заполнитель залов». Но это уже другая страница нашего рассказа о русском успехе в Америке.

Душа Наталии Макаровой в полете

Во времена, когда литература была парализована цензурой, которая делала бесславное 3-е отделение Николая I детской игрушкой, Вагановское училище и Кировский театр расцветали, почти не затронутые общим разложением.

Наталья Макарова

Макарова Наталья — в БСЭ отсутствует.

Белоснежные лебеди с Мариинской сцены разлетались и ранее. Они летели все больше в Москву, иногда сами, как Уланова, Семенова, Ермолаев, Корень, иногда в форме своих отпрысков (так, Елизавета Гердт, оттанцевав в Ленинграде, выучила потом в Москве Плисецкую и Максимова). Но с некоторых пор звезды ленинградского балета устремились в полет на Запад. Этот путь начал Рудольф Нуреев, замечательный танцовщик-виртуоз, обладавший неповторимым пируэтом, — собственно, в этом его со-

перником был только легендарный Вахтанг Чабукиани, представитель все той же ленинградской балетной школы. Но первой женщиной, которая открыла счет беглецам на Запад в новое время, была замечательная романтическая балерина Наталья Макарова.

Рожденная перед войной, в 1940 г., Наталья провела неяркое детство, которое могла ей предоставить советская интеллигентская семья скромного достатка — отец ее погиб на войне. Девочка увлекалась гимнастикой, что снабдило ее столь необходимой для балерины гибкостью, конечно же, бредила знаменитым ленинградским балетом, еще в детстве проглотила весь репертуар. Это нельзя сбрасывать со счета, поскольку в других условиях даже более благополучные дети не получали такого мощного романтического заряда. Единственным примечательным событием, которое по-своему характеризовало дерзость ребенка, был случай, когда Наталья взялась на спор съесть шесть порций мороженого, но одолела только четыре. Подобное случалось с ней не раз, когда, окончив хореографическое училище, она вступила в качестве солистки второго плана в труппу Кировского театра.

Всякая балетная труппа — это рассадник больных честолюбий, кладезь упущенных возможностей, мир, где локти приобретают остроту кинжалов, а кинжалы, конечно, театральные, оказываются часто всего лишь подушечками. Но в пору, когда в Кировской труппе действовала Макарова, в 60-е годы, все это принимало уродливую окраску из-за непререкаемого коммунистического господства.

Директором Кировского театра был некто Рачинский, в прошлом театральный пожарник. Именно он в конечном счете решал, кто достоин танцевать ведущие партии, именно он определял состав труппы на гастролях за границей, ибо его подпись удос-

товеряла главную особенность отъезжающих артистов — стойкость их марксистской идеологии, иначе говоря, что они не уедут за границу. Но главное не это, а то, что ведущие артисты труппы из-за тех или иных слабостей их положения вынуждены были способствовать Рачинскому. В их числе были и знаменитые в свое время солисты, замечательные танцовщики Константин Сергеев и Наталия Дудинская. Когда Макарова вступила в труппу, им было где-то около пятидесяти лет и они еще танцевали, но уже подумывали об отставке и всю старались ставить балеты. У Сергеева это получалось, но, прямо скажем, неважнецки. Недостающее художественное качество он пытался возместить верностью «самой передовой идеологии». К. Сергеев был суровым ретроградом, который пытался насытить новые балеты (например, «Далекую планету» — балет на космическую тематику) классическими па-де-де. В таком качестве Макарова не блистала, она сама вспоминает, как трудно давался ей пируэт в «черном па-де-де» из «Лебединого озера» (однажды ее таки вынесло за кулисы). Не могла она и состязаться с Плисецкой в 32-м фуэте, ей не хватало виртуозности. А ее романтический дар Сергеев, кстати, относившийся к ней идеально, использовать не умел.

Вслед за «выстарками» поднималась и молодая поросль танцовщиков, которые рассчитывали получить за счет той же верности идеологии лучшие роли. Среди последних выделялись отнюдь не бесталанные балерины Н. Кургапкина и Н. Колпакова, последняя серьезно относилась к своим обязанностям депутата Верховного Совета СССР.

Маразм на балетной сцене в 60-е годы крепчал — балет не желал отставать от литературы. На сцене Большого театра ставились балеты «Ангара» о пуске гидроэлектростанции и «Асель», где на сцену выез-

жал (под аплодисменты зрителей!) трактор. В этих условиях Н. Макаровой повезло: ею заинтересовался замечательный балетмейстер нонконформистского толка Леонид Якобсон (с Романом Якобсоном его ничто, кроме национальности, не роднит).

Их первая встреча не обещала ничего хорошего. «Что эта за секс-бомба появилась?» — спросил у кого-то Якобсон, показывая на Макарову, и внутрибалетный телеграф немедленно донес это до ее ушей. Но затем он превосходно поставил для нее «Триптих на темы Родена», используя музыку Дебюсси. Одна из тем Родена «Поцелуй», этот восторженный гимн вечной любви, создала для восемнадцатилетней балерины уникальную возможность представить на сцене то, что она еще никогда не испытывала в жизни. «Эта несколько нескромная роль подошла мне, как перчатка, — вспоминает балерина. — В то же самое время я была ужасно застенчива и постоянно краснела — от комплимента, от смущения, от незнания основ балетного мира. Сексуально наивная и внутренне неуверенная, я выглядела в «Поцелуе» как зрелая, опытная женщина. Это было особенно поразительно, поскольку в России половая зрелость приходит поздно. В Вагановском училище мы мечтали о любви и были напичканы романтической чепухой. Якобсон уловил особенности движений моего тела в ответ на музыку и эротические обертоны его хореографии».

Артистка считает «Клопа» поворотным пунктом своей карьеры. Это была более чем вариация на тему пьесы Маяковского, это было создание нового образного мира, который соотносился с реальностью сложными переключками любви и ненависти. Одновременно Макаровой пришлось познать всю жесткость советской системы в отношении искусства смелого и яркого, не помещающегося в тесные рамки

«социалистического реализма». Балет «Двенадцать» по поэме Александра Блока был запрещен из-за неясности финала; окончательное запрещение вызвал Иисус Христос с красным знаменем в руках. Тем не менее Наталия потом сожалела, что не она танцевала шлюху Катюку, и не она поделила с Якобсоном горечь этого поражения. Балет «Еврейская свадьба» был завернут уже на генеральной репетиции из-за недопустимости темы. От большинства работ Якобсона не осталось никакого следа, они не были сняты на пленку, а артисты, станцевавшие свои партии хорошо раз или два, не запомнили их.

Другой талантливый балетмейстер, Игорь Чернышев, «попался» на нестандартной постановке балета «Ромео и Джульетта» на музыку Берлиоза. Балет «не пропустили». Трагична была судьба и многих танцовщиков, например, застрелившегося Юрия Соловьева. При этом не исключались и профессиональные балетные беды, например, травмы. Одна из них настигла Макарову в конце 60-х. Стойкость и мужество артистки, сумевшей вопреки прогнозам врачей вернуться на сцену, удостоились фильма, прошедшего по центральному телевидению, где ее называли «примадонной» Кировского театра.

Неудивительно, что артисты ждали зарубежных гастролей, как Золушка волшебного бала, а окончание этих гастролей и возвращение в мир «нехваток и очередей» воспринималось ими как полночь этого бала. Конечно, и за рубежом были Рачинские и Сергеевы, которые бдительно следили, например, чтобы Макарова не пересеклась на обеде у Марго Фонтейн с невозвращенцем Рудольфом Нуреевым. Была Дудинская, которая накануне отъезда из Лондона в 1970 г. показывала Макаровой фотографии ее старых спектаклей, стремясь пробудить в ней дочерние чувства к своему «отчужденному дому», и обсуждала грядущие спек-

такли. Рядом в лифте дома, где жили друзья Макаровой — семья Родзянко, маячили серые тени ГБ-истов. «И тут у меня мелькнула мысль: «А что если?...» Все мои смятенные чувства, казалось, сконцентрировались, убеждая меня сделать это; я знала, что мой час пробил. Это было так больно, что я начала рыдать и плакала пятнадцать минут. Все 29 лет жизни промчались передо мной, как единый миг... Потом я успокоилась и твердо сказала: «Звоните в полицию. Я готова».

Дальше идут чередой много лет сладкой и отчаянной работы с крупнейшим балетмейстером мира Георгием Баланчиным (его Макарова считала вторым гением балета после Мариуса Петипа, создателем новой эстетики балета, в которой эмоциональный порыв диктуется танцем как таковым и не несет никакого смыслового посыла), будут Джеком Робинс, Серж Лифарь, Игорь Чернышев. Ее партнерами выступали такие мужчины-танцовщики, как Рудольф Нуреев, Антони Доуэлл, Иван Надь, Михаил Барышников, Эрик Брун, Джон Принс, Дерек Дин. 1 февраля 1978 г. она родила сына, но уже вскоре снова была на сцене.

«Автомат Барышникова»

Барышников Михаил — в БСЭ отсутствует.

Родился 28 января 1948 г. в Риге в русской семье.

В 12 лет Барышников поступил в Рижскую балетную школу. Учился успешно, что и побудило его посвятить себя танцу.

В 1963 году его приняли в Вагановскую балетную школу при Театре им. Кирова в Ленинграде. Затем он становится солистом в этом самом театре и танцует сольные партии в двух балетах, поставленных специально для него.

Барышников быстро становится популярным, но некоторые обстоятельства его не устраивают, относится это, в частности, к запрету на выступления в современных зарубежных балетах.

В 1974 году во время гастролей в Торонто Барышников обратился к Канадскому правительству с просьбой предоставить ему убежище.

В 1974 году вступил в Американский театр балета, танцевал там четыре года, поставил «Щелкунчика» и «Дон-Кихота».

В 1978—1979 гг. выступал в составе труппы Нью-Йоркского театра балета, затем вернулся в Американский театр балета в качестве художественного руководителя.

Первый раз Барышников мне, честно говоря, «не показался». Это был обычный рядовой ленинградский спектакль «Сотворение мира», где он изображал Адама. Нет, конечно, я оценил его взрывчатую прыгучесть, его чувство партнерши (ею была И. Колпакова), тот убийственный юмор, с которым он отряхивал руки после схватки с самим дьяволом — его превосходно танцевал Ковмир, причем в этой роли я впервые увидел в балете элементы каратэ. Собственно, это каратэ мне больше всего и запомнилось из всего спектакля. А Барышников? Ну, он и есть Барышников!

Ну, было такое — поразил на московском международном балетном конкурсе в 1968 г. Но ведь в каждом конкурсе есть нечто ученическое. Разве он идет в сравнение с ослепительным Рудольфом Нуреевым, которого я лет десять до того видел в «Дон-Кихоте» в Кировском театре, или с трагически-ироничным Валерием Пановым в «Петрушке» в Ленинградском малом оперном театре, когда он гастролировал при открытии Московского Дворца съездов — эти двое долгое время были для меня образцом мужского танца в ленинградском балете.

К тому же мне показалось, что он очень мал ростом (всезнающий «Интернет» недавно привел 5 футов и 7 дюймов, но это не так уж мало). Правда, и Колпакова — почти лилипутка. А как он будет смотреться с более рослой партнершей? Короче говоря, я был почти предубежден. И когда Барышникова не стало в СССР, я думал, что на Западе он затеряется.

Чтобы разрушить это предубеждение, понадобился фильм «Белые ночи». Здесь Барышников блеснул столь разнообразным мастерством, что это начисто развеяло всякое трезвое сомнение. Фильм автобиографичен, в центре его «русский» балетный танцовщик Родченко, невозвращенец (сейчас уже скорее

подошла бы более «русская» фамилия, но десять лет назад Родченко как русский сомнений не вызывал). Так вот, самолет, на котором летит артист, совершает вынужденную посадку на советской территории. Танцовщик после жалкой попытки заперательства (подумаешь, порвал паспорт и выбросил в туалет — нашли, сложили, склеили!) попадает в лапы ГБ. Дальше на фоне балетно-эстрадного антуража разворачивается поединок двух артистов (второй — актер-негр Хайнс) с аппаратом ГБ. Все завершается, разумеется, окейно, ГБ, по голливудским меркам, сработан из картона. Так что подлинное искусство представлено Барышниковым и Хайнсом, но представлено достойно. Барышников, заодно с балетным, демонстрирует в этом фильме незаурядный драматический талант и акробатическую технику; при этом легко переносит приближение камеры, что не удавалось многим мастерам балета, включая Уланову и Чабукиани.

В интервью после выхода фильма Барышникова спросили, выдержал ли бы он сам те испытания, которые выпали на долю его героя. Конечно, по законам жанра на столь почетный вопрос можно было ответить только отрицательно. И еще он сказал, что этим фильмом лишил себя права увидеть могилу отца. Это было сказано за три года до падения режима, но никто не рискнет обвинить артиста в близорукости: даже Гарвардский центр советских исследований проявил тогда не больше проницательности.

Если говорить о биографии артиста, то фигура отца явно доминировала в его домашнем окружении, хотя и в основном со знаком минус. Отец, профессиональный военный, хотя и привил сыну определенную жизненную закалку, но выступал в основном как его антипод. Отец служил в Риге, презирал латышей, ненавидел евреев, мечтал увидеть сына во-

енным. Главное событие детства артиста — таинственное самоубийство матери. Роль в нем отца осталась невыясненной, но он был в отлучке. В таких условиях избрать балетную стезю, противостоять грозному отцу, причем ребенком, мог только человек незаурядный. Отсюда берут начало яркая артистическая индивидуальность Барышникова, его близость к трагическому, романтическому и комическому компонентам искусства.

Главная работа Барышникова не протекала, а скорее кипела, в Американском театре балета, которым он руководил много лет. Но и здесь, в административной сфере, он не терпел никаких очевидных решений. Чего стоит хотя бы его уход на полтора года к Баланчину, в Нью-Йоркский театр балета, — заведомо на вторую роль. Сработался ли Барышников с Баланчиным — это предмет отдельного разговора. Но отношение Барышникова к старому мастеру лишено чрезмерного пиетета. Он часто подчеркивает, что Баланчин не был танцовщиком-премьером и поэтому ему и как балетмейстеру чужда стихия подлинной виртуозности. Таким образом, оценка Баланчина Барышниковым ближе к нашей, чем к макаровской. Барышников снялся затем еще во многих кинофильмах («Поворотный пункт», «Это танец», «Кабинет доктора Рамиреса», «Барышников в Белом доме»). Не все эти фильмы равновесны, например, фильм на чисто балетную тему с прямолинейным названием «Танцовщики» просто несколько скучноват.

В 1979 г. Барышников окончил довольно странный эксперимент с Нью-Йоркским театром балета и вернулся в Американский балетный театр, теперь уже в роли его артистического директора, где он продержался рекордный для себя срок — 10 лет, до 1990 г. Но в 1990 г. Американский балетный театр перестал казаться Барышникову идеальным местом приложе-

ния усилий, и он основал собственную танцевальную труппу «Белый дуб».

Он гастролировал в крупнейших балетных труппах мира: в Национальном балете Канады, в Королевском балете Лондона, Гамбургском балете (Германия), в балетном театре «Виктория» (Австралия), в Штутгартском балете.

Список станцованных им партий нескончаем. Наряду со всеми партиями классического репертуара он выступал в балетах «Юноша и смерть», «Медея», «Сага о Санта-Фе», «Гамлет», «Пиковая дама», «Времена года», «Сюита из песен в исполнении Фрэнка Синатры», «Реквием», «Аполлон» и многих других.

Наряду с яркой творческой жизнью артист преуспевал и в личной. Среди покоренных им женщин Джессика Лэнг, у которой родилась от него дочь, и Лиза Минелли.

«Автомат Барышникова» — это забавное словосочетание встретилось мне в голливудской кинопародии на политический фильм. Но одновременно в нем есть нечто упругое и напористое, бесстрашное и стреляющее, что приходит на ум при мысли об этом зажигательном танцовщике.

Королевство Юла Бриннера

Юлу Бриннеру нужно было сойти с ума, чтобы додуматься до того, что он когда-нибудь сможет стать Юлом Бриннером.

Жан Кокто

Бриннер Юл — в БСЭ отсутствует.

Бриннер Юл — родился 11 июля 1920 г. в России, на Сахалине, умер 10 октября 1985 г.

Сын монгольского инженера и румынской цыганки, Бриннер становится цирковым акробатом. Несчастный случай вынудил его оставить эту карьеру.

С 1946 года он выступает на Бродвее (играл восточного принца в «Мелодии для лютни»).

С 1948 по 1951 год работал директором на телестудии, затем ему предложили роль короля Сиама в мюзикле Ричарда Роджерса.

Начну с того, что Юла Бриннера, знаменитого актера, я долго не мог найти ни в одном справочнике; все объяснялось просто, эта фамилия пишется не через *i*, а через *у*, Вгруппег, скажете вы, не о чем говорить. Но затруднения с поиском информации о Бриннере испытал не один я: даже в толстом справочнике

«Актеры кино» для Вуннер'а не нашлось места между неизвестными актерами, снявшимися только в одном фильме. Пишите свою фамилию максимально понятным американцам образом, если не хотите потеряться в современном информационном океане. Если хотите — другое дело, к желающим получать дополнительный велфер в другом штате мой совет, прошу прощения, не относится.

Каждый биограф обязан знать дату рождения своего героя. Здесь мне снова придется просить прощения: авторитетные источники называют разные даты между 1915 и 1920 гг. Последняя дата выглядит правдоподобнее других, ибо сестра Юла (по некоторым сведениям полукровная, Юл часто настаивал на том, что он незаконнорожденный сын своего отца), родившаяся в 1916 году, на снимках выглядит года на четыре старше его. А над ее биографией не настолько потрудились голливудское мифотворчество, чтобы лишить ее года рождения.

Читателей всегда интересуют национальность и профессия родителей. Здесь мы будем выбирать только из вариантов, которые предлагали в разное время сам Юл (в различных стадиях подпития, а трезвый он на эту тему говорить не любил) и его сын Рок, автор биографии отца. Дед и отец Юла более или менее стабильно оставались швейцарцами, варьирясь от богатого коммерсанта, процветавшего где-то в Пекине, пока не образовалась КНР, до российского генерала и главного советника царя. Зато в ролях их жен и предков матери Юла кто только не побывал! По одной версии бабушка по отцу — монгольская принцесса, естественно, ведущая род от Чингиз-хана. (Эту версию поддерживает и его сын Рок, хотя женщина на фотографии на монголку абсолютно не похожа.) По другим версиям мать тоже принцесса, но румынских цыган, или артистка из бродячего китай-

ского цирка. Впрочем, иногда в легенду о Бриннере включался и дедушка-монгол, выросший в Швейцарии. А чем вам не нравится версия Рока, по которой мать его отца — дочь врача, владивостокского крещеного еврея? Только своей обычностью? Тем, что таковы же матери чуть не у половины голливудских звезд? Так это скорее довод «за», чем «против». Юл находил постоянное удовольствие в запутывании легенды о своем рождении.

Вырос Юл среди русских в Харбине, где по-русски говорили даже полицейские, и скоро перебрался в Париж. Там оказалось, что он свободно владеет русским, французским, китайским, монгольским и корейским языками. Вставлял в разговор при случае также фразы на японском, цыганском, идише — такая речь не была редкостью в мире парижских ночных кабаре и цирков. Там юноша и работал то певцом, то акробатом, то клоуном. Там же приобщился он и к миру наркотиков, которые затем следовали за ним всю жизнь и завершили ее в конце концов. Говорил Юл и по-английски, но как — оценить это было пока некому.

Вскоре, однако, выяснилось, что можно иметь и большой заработок, если служить телохранителем у богатых женщин. Особенно, если оказывать им специальный род услуг. Брать за эти услуги деньги он не решался, хотя не гнушался подарками, которые можно было потом и продать недорого. Уже тогда он понял, что чрезвычайно высоко котируется среди прекрасного пола и даже его лысина, которая в полной мере дала себя знать уже в двадцать лет, не только не мешает делу, но придает ему своеобразное очарование. Вскоре он перестал с ней сражаться и даже поощрил ее с помощью бритвы — это был выбор на всю жизнь.

Среди его парижских знакомцев — законодатель

вкусов парижского бомонда, поэт и режиссер-новатор Жан Кокто, режиссер-классик Жан-Луи Барро, будущая легенда французского кино Жан Марэ, русские театральные деятели супруги Питовевы. Справочники сообщают, что в Париже Бриннер окончил философский факультет Сорбонны. Сам же Бриннер в подпитии иногда поднимал свою философскую степень до Ph. D. Может быть, не знаем, хотя по возрасту вроде бы рановато. Но гораздо более высокое место среди его жизненных приоритетов занял театр, и конечно же, это был близкий ему по языку русский театр. Ему удалось увидеть на сцене самого Михаила Чехова, величайшего, по мнению Бриннера, актера мира, племянника великого писателя, и услышать об оставшемся в России сорежиссере Чехова Константине Станиславском. Целью жизни восторженного Юла стало учиться актерскому мастерству у Чехова. Но это было непросто: Михаил Чехов уехал в Лондон, а там не было работы ни для плохих цирковых артистов, ни для телохранителей. Потом еще дальше, в США, где тоже не было для Юла такой работы, но там, кажется, еще никто не умирал с голоду. И Бриннер решился ради того, чтобы учиться у Чехова, переехать в США.

Итак, ему двадцать с чем-то лет, у него практически нет сценического языка: его манеру говорить один критик назвал в то время «американовским языком, настоенным на борще». Юл буквально надрывается на потогонных курсах Чехова и каждый вечер выходит на сцену бесплатно в крошечной роли слуги в «Двенадцатой ночи» Шекспира, где зрители даже не успевают заметить его акцент. Юл был также шофером труппы, руководимой М. Чеховым, и к утру должен был доставить грузовик с реквизитом к месту следующей постановки. Но Юл счастлив, его блестящая американская карьера началась. И началась с

женитьбы на американке Вирджинии Гилмор, тоже даровитой артистки, — теперь язык только дело времени. Отныне все события его жизни, кроме связей с женщинами, строго документированы. Но из-за лысины он выглядит старше своих лет — это, по видимому, и заставило его назваться старше. А женщины — их будет неимоверно много, и тут невозможно отличить истину от мифа. В их числе будут четыре официальных жены, все высокообразованные творческие личности, и несколько дюжин кинозвезд со всех континентов, кроме, кажется, Антарктиды. В числе последних на почетных местах, среди кучи кинозвезд поменьше, помещаются теперь Марлен Дитрих, Элизабет Тэйлор, Джина Лоллобриджида и Ингрид Бергман.

Вирджиния, возможно, могла бы стать не только хорошей учительницей Юла, но и хорошей женой и хорошей матерью Рока, но во второй половине дня она бывала регулярно пьяна; тем не менее их брак продолжался больше 20 лет (это ближе к старости Юл зачастил с женитьбами.) Не была она и фанатичкой святости супружеского ложа. Зато деньги, заработанные как ею самой, так и Юлом, тратились ими обоими несносно. Буквально миллионы уходили на какую-то благотворительную помощь или на подарки друзьям. Например, фильм постаревшего Кокто «Орфей», который почитается ценителями как неслыханный шедевр, но обычно обходится зрителями, был поставлен на деньги Бриннера.

Американский язык Бриннера долго прихрамывал. Поэтому его первая работы на радио была диктором французского «Голоса Америки». Но Юл взрослым совершил невозможное — расстался с русским акцентом. И участвовал в двух мюзиклах, имевших большой успех: «Песня для лютни» (из китайской классики) и «Король и я» (где он играл короля Таи-

ланда — с русским акцентом!). Таким образом, прежде чем он стал известным в кино, Юла стали называть «королем Нью-Йорка». Еще раньше пришла к нему известность на только что созданных «радиокартинах» (телевидении), где он вместе с женой вел популярное разговорное шоу «Мистер и миссис». В программке к «Песне для лютни» приводился первый вариант биографии актера. Согласно ей, актер сформировался под влиянием китайской оперы и много лет играл в русских театрах Риги, Варшавы и Праги (ни в одном из этих городов Юл даже никогда не бывал). В труппе Чехова Юл исполнял, оказывается, роль Орсино (это главный герой «Двенадцатой ночи».)

«Король и я» был столь популярен, что его перенесли на киноэкран. Практически одновременно вышел фильм «Десять заповедей», где Юл играл фараона Рамзеса, и вскоре появилась «Анастасия» (история якобы чудом уцелевшей царской дочери) — во всех этих фильмах нещадно эксплуатировался «восточный» колорит Бриннера. В том же ряду оказались «Братья Карамазовы» и «Путешествие», где Юл играл соответственно Митю Карамазова и советского офицера, подавлявшего венгерское восстание в 1956 г. В последнем фильме есть немало от жупела «холодной войны»: офицер отвратителен до неправдоподобия.

Тем временем за Бриннером закрепилась слава «короля Голливуда», сохранявшаяся за ним до самой смерти, хотя и не безоговорочно. Так, фильм «Великолепная семерка», несмотря на гигантский зрительский успех во всех странах мира, включая СССР, все же как произведение искусства заметно уступал своему японскому прототипу «Семь самураев», и критики не преминули это отметить.

В фильме «Тарас Бульба», тоже очень «кассовом», Бриннера, выступившего в главной роли, «переиг-

рал» его молодой соперник Тони Куртис, исполнивший роль сына Тараса, Андрея, сместив все акценты. Кроме того, американский зритель устроен так, что он не способен никаким образом оправдать сыноубийство, и поэтому главный «мессидж» фильма не дошел до адресата.

Не украшало Бриннера и множество очень плохих фильмов, которые просто трудно досмотреть до конца и которые его участие ставило целью «вытянуть на тройку» за счет накопленного им «запаса славы». Но вклад Бриннера в американское кино был отмечен не только полушуточным титулом «короля», но и «Оскаром», который ему вручила Анна Маньяни. Вскоре из его рук получила свой «Оскар» Элизабет Тэйлор.

Спектакль «Король и я» с участием Юла Бриннера много раз возобновлялся и за 30 лет выдержал 4625 представлений. В числе поздравивших Юла с последним представлением побившего все рекорды шоу был и президент США Рональд Рейган, который, надо отдать ему должное, сохранил при этом дистанцию, отделявшую его от подлинных звезд Голливуда, — сам Рональд в звезды так и не выбился.

Политические взгляды Юла Бриннера вряд ли сильно отличались от взглядов его дяди Феликса, который в 1917 г. в Петербурге однажды стащил самого Ленина с трибуны. Хотя раскованность высказываний Юла позволяла некоторым считать его «первой социалистической звездой Голливуда». Его нетерпимость к антисемитизму нередко принимала формы, выходящие за пределы цивилизованного общества. Журналист Левин, как-то бравший у него интервью, вспоминал, что посыльный случайно оказался рядом и вздумал пошутить над крючковатым носом прессмэна. Юл сшиб его с ног и не давал под-

няться, пока тот не поцеловал туфли журналиста и не попросил прощения.

Когда Юл Бриннер умер, никто из знаменитостей не был на траурной церемонии в Нью-Йорке. Возможно, их смутили тибетские и непальские ламы, которые отпевали его, хотя кому же еще было отпевать монгола? Но миллионы американских кинозрителей, еще не забывших недавнюю историю кино, по-прежнему числят Юла в «русских», игнорируя нюансы. Хотя Голливуд за последние годы сильно «порусел», Юл Бриннер остается единственным «русским», не уступающим по яркости главным голливудским светилам.

Владимир Набоков по обе стороны океана

Если отбросить ложную скромность, то я самая яркая личность из всех, встретившихся мне за всю жизнь.

Владимир Набоков

Набоков Владимир Владимирович — родился 22 апреля 1899 г. в Петербурге, умер в 1977 году в г. Монтре, Швейцария.

Отец В. В. Набокова — В. Д. Набоков — являлся одним из лидеров кадетской партии России, долгое время редактировал либеральную газету «Речь», а в 1917 году был членом Временного правительства. После революции семья Набоковых оказалась в Крыму, откуда в 1919 году уехала в эмиграцию. В Англии Владимир Набоков учился в Кембриджском университете, после окончания которого в 1922 г. поселяется в Берлине. Во время кадетского собрания в том же году два монархиста выстрелами в спину убивают его отца.

Первую известность как писатель, В. В. Набоков приобрел после выхода романа «Машенька» (1926 г.). С 1940 года проживал в США. Его перу принадлежат ряд романов, повестей и рассказов, написанных на русском и английском языках. С 1960 года В. В. Набоков проживал в Швейцарии.

Владимир Владимирович Набоков рос в весьма зажиточной петербургской семье и с детства говорил на трех языках: русском, французском и английском (с гувернантками, француженкой и англичанкой).

Происхождением своим он чрезвычайно гордился, хотя и говорил о нем несколько небрежно, уточняя, что «старый дворянский род Набоковых произошел не от каких-то псковичей, живших как-то там в сторонке, на обочье, и не от кривобокого, набокого, как хотелось бы, а от обрусевшего шестьсот лет назад татарского князька по имени Набок». Нужно, однако, уточнить, что гордился Набоков не столько даже древностью своего рода, сколько тем обстоятельством, что «по отцовской линии мы стоим в разнообразном родстве или свойстве с Аксаковыми, Шишковыми, Пуцциными, Данзасами».

И дед, и отец Владимира Владимировича были юристами, причем отец сделался даже одним из лидеров конституционно-демократической партии. «На каком-то банкете, — рассказывает сын, — он отказался поднять бокал за здоровье монарха — и преспокойно поместил в газете объявление о продаже придворного мундира».

Среди предков Набокова со стороны матери был сибирский золотопромышленник Василий Рукавишников, поэтому приданое Елены Ивановны было довольно значительным. Среди всего прочего именно от нее семья Набоковых получила имение Рождественно, которое в 1916 году досталось Владимиру Владимировичу Набокову.

Каждое лето семья Набоковых проводила в своем имении под Петербургом. На всю жизнь Владимир Владимирович сохранил в своей душе воспоминание о неповторимом очаровании северной природы и о бурных и беззаботных детских развлечениях: «Пик-

ники, спектакли, бурные игры, наш таинственный вырский парк, прелестное бабушкино Батово, великолепные витгенштейновские имения — Дружноселье за Сиверской и Каменка в Подольской губернии — все это осталось идиллически гравюрным фоном в памяти, находящей теперь сходный рисунок только в совсем старой русской литературе».

Наверное, поэтому, оставив Россию, Набоков вспоминал всегда только эти уголки своей родины: «Тоска по родине. Она впиталась, эта тоска, в один небольшой уголок земли, и оторвать ее можно только с жизнью. Ныне, если воображаю колунную траву яйлы, или Уральское ушелье, или солончаки за Аральским морем, я остаюсь столь же холоден в патриотическом и ностальгическом смысле, как в отношении, скажем, полынной полосы Невады или рододендронов Голубых Гор; но дайте мне на любом материке лес, поле и воздух, напоминающие Петербургскую губернию, и тогда душа вся перевертывается».

В романе «Другие берега» Набоков приводит и еще несколько соображений на эту же тему: «Мое давнишнее расхождение с русской диктатурой никак не связано с имущественными вопросами. Презираю россиянина-зубра, ненавидящего коммунистов, потому что они, мол, украли у него деньжата и десятины. Моя тоска по родине лишь своеобразная гипертрофия тоски по утраченному детству...»

Когда Набоков говорит о своем детстве, невольно вспоминаешь «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова: мальчик рос в замкнутом семейном кругу, его воспитывали и обучали гувернеры, друзей у него не было, за одним лишь исключением (Юрий Рауш, кузен). Впрочем, такой образ жизни вполне отвечал вкусам самого Набокова. Он не сошелся и со своими одноклассниками, когда его, наконец, отдали в Тенишевское училище (это было в 1911 году). Влади-

мира привозили в училище в автомобиле, каковым обстоятельством он чрезвычайно гордился. Одного из своих соучеников он все же удостаивал внимания, объяснялось это тем, что с ним можно было играть в шахматы (с детства Набоков испытывал пристрастие к этой игре). «Я был превосходным спортсменом, — вспоминает Набоков, — учился без особых потуг, балансируя между настроением и необходимостью; не отдавал школе ни одной крупинки души, сберегая все свои силы для домашних отряд, — своих игр, своих увлечений и причуд, своих бабочек, своих любимых книг, — и в общем не очень бы страдал в школе, если бы дирекция только поменьше заботилась о спасении моей гражданской души. Меня обвиняли в нежелании «приобщиться к среде», в надменном щегольстве французскими и английскими выражениями (которые попадали в мои русские сочинения только потому, что я валял первое, что приходило на язык), в категорическом отказе пользоваться отвратительно мокрым полотенцем и общим розовым мылом в умывальной, в том, что я брезговал захватанным серым хлебом и чуждым мне чаем, и в том, что при драках я пользовался по-английски наружными костяшками кулака, а не нижней его стороной... Наибольшее негодование возбуждало то, что уже тогда я испытывал непреодолимое отвращение ко всяким группировкам, союзам, объединениям, обществам».

Приблизительно в это время Набоков начинает писать стихи. Сам он об этом никогда не говорил, но один из его одноклассников вспоминал, что Набоков приносил в класс какие-то стихи непристойного содержания и вроде бы он их сам сочинял. Однако это лишь предположение, а вот в 1914 году издается его первая книга, содержащая всего одно стихотворение. Сам Набоков помнит о ней только то, что

обложка ее была фиолетового цвета, ни одного экземпляра книги не сохранилось. А издана она была тогда за счет самого Набокова.

Он начинает посылать свои стихи в различные журналы. Первый его сборник выходит в 1916 году. В нем шестьдесят шесть стихотворений.

Первая любовь, Валечка Шульгина. Шульгины были соседями Набоковых по имению. В 1917 году Набоков подготовил книгу стихов (сборник назывался «Открытые окна»). Тридцать одно стихотворение (из двухсот двадцати семи, составляющих сборник) было посвящено Валентине Шульгиной. Однако книга так и не вышла: наступил ноябрь 17-го года. В начале ноября Набоковы отправились в Крым. «Крым показался мне совершенно чужой страной, — пишет Набоков, — все было нерусское, запахи, звуки, потемкинская флора в парках побережья, сладковатый дымок, разлитый в воздухе татарских деревень, рев осла, крик муэдзина, его бирюзовая башенка на фоне персикового неба; все это решительно напоминало Багдад...»

Набоковы почти ничего с собой не взяли, «за исключением нескольких драгоценностей, случайно захваченных и хитроумно схороненных в жестянках с туалетным тальком...» Жили они в поместье графини Паниной, любезно предоставившей им отдельный домик. Обстановка в Крыму была довольно-таки неустойчивой. «Местное татарское правительство смело новенькие Советы, из Севастополя прибыли опытные пулеметчики и палачи, и мы попали в самое скучное и унижительное положение, в котором могут быть люди, — то положение, когда вокруг все время ходит идиотская преждевременная смерть, оттого что хозяйничают человекоподобные и обижаются, если им что-нибудь не по ноздре».

Отец Набокова, Владимир Дмитриевич, сделался

министром юстиции в Крымском краевом правительстве и осел в Симферополе. «Ялта ожила, — пишет Набоков. — Как почему-то водилось в те годы, немедленно возникли всякие театральные предприятия, начиная с удручающе вульгарных кабаре и кончая киносьемками «Хаджи-Мурата».

В Ялте Набоков продолжает печататься: его стихи более или менее регулярно появляются на страницах газеты «Ялтинский голос». Кроме того, он удостоивается чести быть приглашенным для участия в театральном представлении по пьесе Артура Шницлера «Флирт».

Но помимо поэтических и театральных опытов Набоков чрезвычайно увлекся энтомологией. За время жизни в Крыму (а семья Набоковых провела там в общей сложности около шестнадцати месяцев) Владимир Владимирович совершил несколько небольших экспедиций по Центральному и Северному Крыму. Результатом этих экспедиций стала его статья «Несколько замечаний о крымских чешуекрылых». Позже она была опубликована в английском журнале «Энтомолог».

А жизнь Набоковых в Крыму близится к концу. Страна пылает, охваченная гражданской войной. Юрий Рауш фон Траубенберг погиб, о Валечке Шулгиной нет никаких известий. Набоков потрясен, у него мелькает было мысль вступить в армию Деникина, однако, поскольку всем уже было ясно, что крымское правительство не сегодня-завтра падет, Владимир Дмитриевич принял решение: семья должна как можно скорее оставить Россию. Это обстоятельство скорее всего не помешало бы Набокову осуществить свое намерение и все-таки отправиться в армию, если бы намерение это было действительно серьезным. Остановила его не трусость, нет, ни в коем случае. Но он до такой степени всегда был чужд какой бы то

ни было общности с кем бы то не было, что и теперь не в состоянии был идти и защищать будущее общей России. Он ощущал, что попираются его собственные идеи и убеждения, что на родине своей он никому не нужен. И ненужный человек устранился.

Семья Набоковых навсегда распрощалась с Россией 15 апреля 1919 года. «На небольшом греческом судне «Надежда», с грузом сушеных фруктов возвращавшемся в Пирей, мы в начале апреля вышли из севастопольской бухты. Порт уже был захвачен большевиками, шла беспорядочная стрельба, ее звук, последний звук России, стал замирать, но берег все еще вспыхивал не то вечерним солнцем в стеклах, не то беззвучными отдаленными взрывами, и я старался сосредоточить мысли на шахматной партии, которую играл с отцом (у одного из коней не хватало головы, покерная фишка заменяла недостающую ладью), и я не знаю, что стало потом с Тamarой».

После двух дней, проведенных в Константинополе, семья очутилась в Греции, затем в Марселе, Париже, и наконец 28 мая Набоковы прибыли в Лондон. Владимиру Владимировичу было тогда двадцать лет.

Перед ним была Англия, сказочная страна, о которой он грезил с детства. Однако при ближайшем рассмотрении Набоков обнаружил, что Англия реальная очень отличается от той, которую он представлял себе будучи ребенком. Как ни странно, именно теперь Набоков начинает грезить о России, обнаружив вдруг, как мало он ее знал. Ему казалось теперь, что он недостаточно любил ее, недостаточно был к ней привязан, а теперь уже поздно, возврата к прошлому нет и не будет уже никогда.

Тотчас по прибытии в Англию отец определил Владимира и его брата Сергея в Кембридж, в Тринити колледж. Владимир поначалу решил было заняться

изучением энтомологии, но очень скоро оставил эту науку ради занятий словесностью. В 1922 году он окончил университет, получив диплом второй степени по литературе и истории.

А незадолго до окончания университета случилась беда. Произошло это в Берлине. Набоков отправился туда повидаться со своей невестой Светланой Зиверт; отец поехал с ним. Владимир Дмитриевич Набоков присутствовал на выступлении Милюкова, состоявшемся в зале Берлинской филармонии. Но вот доклад окончен, Милюков собирается покинуть трибуну, как вдруг из зала выскакивает какой-то человек и начинает палить из пистолета, никуда, впрочем, особенно не целясь. Началась паника. Владимир Дмитриевич побежал к сцене, желая остановить неизвестного. Ему это удалось ценой собственной жизни, пистолет из рук стрелявшего он выбил, уже умирая: в него попали две пули. Тут же выяснилось, что в зале был и второй террорист; он также выскочил на сцену и принялся ораторствовать: «Мы отомстим за убийство государя!»

После смерти отца семья не то чтобы распалась, но разъехалась в разные стороны: Сергей осел в Берлине, овдовевшая Елена Ивановна с младшим сыном Кириллом и обеими дочерьми поселилась в Праге (чешское правительство лучше, чем какое-либо другое, относилось к русским эмигрантам), сам же Владимир принялся серьезно зарабатывать себе на жизнь. Он попытался служить, устроившись на работу в немецкий банк, однако через три часа его уже уволили, так как он отказался расстаться со своим любимым свитером, тогда как руководство банка желало видеть его на службе в костюме. И Набоков занялся вплотную литературным творчеством, причем самого разного рода. Он писал стихи, много переводил, в частности статьи для газет, а также «Алису в стране

чудес», какие-то технические описания. Он составлял также разнообразные шарады, и кстати именно Набоков придумал слово «крестословица», то есть кроссворд. Он давал уроки английского и французского языков, обучал игре в теннис, составлял шахматные задачи.

В это же время Набоков начинает зарабатывать, также участвуя в театральных (быть может, это громко сказано) постановках в одном из берлинских кабаре под названием «Синяя птица», пишет скетчи и маленькие пьески, участвует даже в постановке балета под названием «Лунный кавалер». Если верить отзывам в печати, балет пользовался успехом. Однако от всего этого мало что сохранилось (а именно: четыре пьесы целиком и фрагменты еще двух).

Руководил кабаре «Синяя птица» Я. Южный. Для него Набоков и еще один русский писатель-эмигрант И. Лукаш писали скетчи. Впрочем, расплачиваться с ними не спешили, деньги им удавалось получить лишь после многократных напоминаний и даже угроз. Еще в 70-е годы Набоков возмущенно говорил, что руководство кабаре до сих пор осталось ему должно.

Был и еще один прожект, в реализации его участвовали Набоков все с тем же Лукашем и еще рижский композитор В. Якобсон. Он написал балет-симфонию «Агасфер». Об этом творении Набоков потом старался не вспоминать, однажды лишь сказав, что если бы мог, уничтожил бы этот балет.

О своей оживленной и достаточно разносторонней театральной деятельности Владимир Владимирович писал матери: «В воскресенье мы с Лукашем потребуем самым твердым образом тысячу долларов от Якобсона, частично как аванс, частично как плату за законченную пантомиму, уже переделанную и переписанную. Наконец, с помощью милого компо-

зителя Эйлюхина мы проникли в театральный лабиринт и получили заказ на оперетту и небольшую пьесу, что-то вроде нашей «Живой воды», за которую нам также причитается авансом что-то около ста—двухсот долларов. У меня есть одна театральная надежда, которая, правда, не столь обнадеживает. Гессен устраивает чтение «Трагедии господина Морна», где будут, кстати, Шмидт и Полевицкая, а последняя, возможно, и сыграет в ней. Гессен сам мне это предложил... Последние дни я не мог приняться за «г. Морна», так что финальная сцена все еще не переписана, а чтение уже на днях».

Кстати сказать, уже тогда Набоков чуть было не сделался сценаристом. Один сценарий он, собственно, и написал, назывался он «Любовь карлика». Сценарий попался на глаза голливудскому режиссеру Люку Майлстоуну, поставившему «На Западном фронте без перемен» и получившего за этот фильм Оскара. Вернее сказать, прочел он сначала не сценарий, а рассказ «Картофельный эльф», написанный Набоковым чуть позже сценария. Майлстоун встретился с Набоковым в Берлине в самом начале 1932 года, чтобы обговорить детали возможного сотрудничества. Владимиру Владимировичу чрезвычайно понравилась сама мысль о том, что по его сценарию хотят поставить фильм, он проникся большим энтузиазмом. Воодушевившись, Набоков предложил Майлстоуну прочесть свой роман «Камера обскура», быть может, и по этой вещи тоже можно будет сделать фильм? Майлстоун прочел, однако решил, что вещь эта слишком уж эротична, а в американском кино царили тогда довольно строгие нравы, ничего не получится. Майлстоун попросил Набокова поразмыслить и приблизительно через неделю после их первой встречи передать ему те свои произведения, которые могли бы подойти для экранизации. К сожа-

лению, не удалось снять даже «Любовь карлика»: всего через несколько месяцев после знакомства Майлстона с Набоковым грянула Великая депрессия. Голливуд зашатался, многообещающий проект пришлось оставить.

Набокова пытались склонить к возвращению на родину. С этой целью предприняты были вполне конкретные действия, а именно: к нему послан был писатель из России по фамилии Тарасов-Родионов. Этот писатель уговорил Набокова встретиться, встреча происходила в кафе, где Тарасов-Родионов всячески расписывал Владимиру Владимировичу новую жизнь в СССР: промышленность, колхозы, образование, массовые спортивные мероприятия, даже церкви оставили, правда, не все. После чего стыдливо признался, что и сам иногда заходит в церковь. Рискнул, так сказать. И вдруг где-то у них за спиной, один из посетителей кафе произнес что-то по-русски (позже выяснилось, что это был еще один русский эмигрант, бывший белогвардеец). Сказал просто так, кому-то другому, совершенно никакого внимания не обращая на беседующих Набокова и Тарасова-Родионова. Этот последний вскочил, как ошпаренный, и с криком: «Ах вот что вы мне тут устроили!» испарился из кафе. Решил, что его заманили, а он так неосмотрительно признался, что заходит в церковь. Кошмар!

Еще в ходе агитационной беседы Тарасов-Родионов успел с гордостью сообщить Набокову, что в СССР решил вернуться Сергей Прокофьев, такой, дескать, разумный человек. Прокофьев, кстати, тайком привез с собой в Россию несколько произведений запрещенного там Сирина (псевдоним Набокова).

Для творчества Набокова весьма важен тот факт, что с раннего детства он овладел тремя языками; затем окончил Кембриджский университет по специ-

альности «французская литература». Причем вначале изучались французский и английский, а потом уже сам по себе усвоился русский. Позднее появился специальный репетитор, лютеранин еврейского происхождения, с которым проходились гимназические курсы. От такого «трехязычия» происходит бьющее через край языковое изобилие писателя — в запасниках его памяти зрело огромное множество слов, которым он время от времени давал выход. Изысканность наполняет каждое слово писателя, без всякого старания с его стороны. *Солнце натягивает на руку ажурный чулок аллеи* («Другие берега») — сколько ни трудись, так не выразишься.

Но отсюда же и его скупость и настороженность: герой романа «Дар», русский молодой человек, оказавшийся в 20-е годы в Берлине, несомненно, автобиографичен — автор отрицал это только из любви к парадоксам. Если ученик, провожающий его после урока, заговаривает с ним на языке, который он преподает, ему кажется, что тот залезает ему в карман.

Когда говорят, что кто-то «владеет языком», я всегда настораживаюсь: что значит «владеет»? Например, владел ли Набоков немецким языком? Сам он заявлял, что не владел совершенно, хотя прожил в Берлине 15 лет. Но нет ли тут все той же брезгливой изысканности и эпатажа? Ведь в лавке он, наверное, должен был показать на колбасу и сказать: «Дизэ, биттэ, цвай хундерт грамм!». Иначе ему грозила бы голодная смерть.

А владел ли Набоков русским языком? Вопрос кажется праздным. Можно ли задаваться этим вопросом о русском человеке, написавшем по-русски книгу стихов, девять романов, множество литературоведческих работ и вдобавок переведшем на английский «Евгения Онегина» (надо думать, без обращения к словарю)? Тем не менее целые пласты рус-

ского языка Набокову неведомы. Например, автомобильная терминология — ее он знал только по-английски. Иначе как могли в машине героя «Лолиты» «отполировать клапаны»? Думаю, что в России пьяный механик ему бы «отрегулировал клапана». То же самое со спортивной терминологией. В теннисе герой «Других берегов» «сервирует» мяч. Если бы автор заставил себя заглянуть в словарь, он бы непременно обнаружил, что глагол *to serve* применительно к мячу переводится как «подавать». А сервировать мяч, конечно, не стоит, это не жаркое. Набоков, выходит, блестяще владел русским интеллигентским жаргоном, а также литературным языком, на котором написана русская беллетристика XIX века, но язык улиц, мастеровых и тем более крестьян был для него чужим. Тюремщик Родион из «Приглашения на казнь» — редкий для Набокова персонаж, старающийся выражаться простонародно, но он лишь подтверждает это невладение.

1928 год. К этому времени Набоков был уже автором двух романов («Машенька» и «Король, дама, валет»), двадцати двух рассказов и приблизительно тысячи стихотворений. Это не говоря уже о переводах (например, «Алисы в стране чудес» на русский язык, а также Ронсара, Верлена, Теннисона, Итса, Байрона, Китса, Бодлера, Шекспира, Мюссе, Рембо, Гете).

К этому времени «центр тяжести» русской эмиграции (литературной имеется в виду) перемещается из Берлина в Париж. Заинтересовались в Париже и Набоковым; к нему в Берлин приезжает один из редакторов журнала «Современные записки», издававшегося в Париже. Зовут этого редактора Илья Фондаминский, ему поручено пригласить Набокова для работы в журнале. Набоков соглашается, и первая же его вещь, опубликованная на страницах этого журнала (а ею была «Защита Лужина»), вызывает

восторженные отзывы. Как это ни странно, ни один из многочисленных критиков, ругавших впоследствии творчество Набокова, ни разу не напал на это произведение.

Набоков с женой жил пока еще в Берлине, но уже всерьез подумывал о том, что нужно бы сменить место жительства. Тому были разные причины, как финансовые, так и политические. Они обдумывали несколько вариантов будущего своего места жительства, среди прочих были Австралия, Америка, Бельгия, Швейцария. А тем временем в Берлине, как и во всей Германии, жизнь менялась. Телефон Набоковых прослушивался, Владимир Владимирович знал об этом, поэтому ему доставляло удовольствие непрошенных слушателей провоцировать. Он звонил, например, своему другу Гессену и осведомлялся, на какое время назначено ближайшее заседание коммунистической ячейки.

Начались еврейские погромы. Вместе с друзьями Набоков утром после погрома демонстративно заходил во все попадавшиеся ему на пути еврейские лавки и пожимал руки хозяевам.

Последней каплей, переполнившей чашу, оказалось назначение членом гитлеровского правительства и заведующим эмигрантскими вопросами убийцы отца Набокова. Владимир Владимирович с женой уехали в Прагу к Елене Ивановне, матери писателя. Это было последнее свидание Набокова с матерью. Она скончалась в 1939 году. Оттуда они отправились на юг Франции, а уже в сентябре 1938 года семья Набоковых перебирается в Париж. Владимиру Владимировичу без особого труда удалось оформить вид на жительство, но без права работать. Поэтому он вынужден давать частные уроки.

Еще в Берлине у Набоковых родился сын. Владимир Владимирович относился к нему просто-таки тре-

петно с первых же дней его существования; мельчайшие ощущения, оттенки, перемены, все это он фотографически запомнил на всю жизнь. «Вспомним все наши открытия: идеальную форму миниатюрных ногтей на младенческой руке, которую ты мне без слов показывала у себя на ладони, где она лежала, как отливом оставленная маленькая морская звезда; эпидерму ноги или щеки, которую ты предлагала моему вниманию дымчато-отдаленным голосом, точно нежность осязания могла быть передана только нежностью живописной дали; расплывчатое ускользающее нечто в синем оттенке радужной оболочки глаза, удержавшей как будто тени, впитанные в древних баснословных лесах... Я до сих пор чувствую в кистях рук отзвук той профессиональной сноровки, того движения, когда надо было легко и ловко вжать поручни, чтобы передние колеса коляски, в которой я его катал по улицам, поднялись с асфальта на тротуар».

В Париже Набоков закончил свой первый роман, написанный на английском языке, «Подлинная жизнь Себастьяна Найта».

Есть все основания предполагать, что, если бы не война, Набоков стал французским писателем: в Париже он начал уже писать по-французски (рассказ «Мадмуазель О», статью «Пушкин, или Правда и правдоподобие» к столетию со дня смерти поэта). Но о войне твердят уже все; кроме того, Набоков испытывает уже серьезные финансовые затруднения, жить попросту не на что.

«В годы младенчества нашего мальчика, в Германии громкого Гитлера и во Франции молчаливого Мажино, мы вечно нуждались в деньгах, но добрые друзья не забывали снабжать нашего сына всем самым лучшим, что можно было достать».

Деньги на переезд в Америку Владимиру Влади-

мировичу пришлось занимать, а решился он туда ехать, потому что хороший его друг Марк Алданов уступил ему ожидавшую в Америке самого Алданова работу — место преподавателя в Стэнфордском университете. Одним из свидетельств того, что Набоковы очутились в отчаянном положении, стало письмо Сергея Рахманинова: «Дорогой Владимир Владимирович, только сегодня, 28 мая, узнал я о Вашем письме Л. Львову... в котором два Ваши слова «ужасная нужда» поразили меня. Я посылаю Вам телеграммой 2 500 франков, которые Вы можете мне вернуть, когда слова эти потеряют свою силу. Ежели это скоро не произойдет — дай Бог, чтобы это было не так, — то не беспокойтесь. Сама мысль, что я могу помочь Вам в минуту нужды, будет мне уже наградой».

В мае 1940 года семья Набоковых на корабле «Шамплен» отплыла в Америку.

Хобби Владимира было в каком-то возрасте обычным — бабочки. Но он не оставил его в детстве, а взял с собой в жизненную дорогу. Это породило немало «веселых минут» в его жизни. Сначала в Одессе в 1918 году большевистский часовой заключил, что он сигнализирует сачком что-то судам Антанты на рейде, и намерился Набокова арестовать. Писатель чудом избежал ЧК. Затем в Приморских Альпах французский жандарм решил, что он ловит птиц на продажу. Это тоже было запрещено, хотя и не столь сурово, как шпионаж в пользу Антанты, но еще более неукоснительно. Наконец, в Америке молчаливые фермеры лишь указывали ему на табличку «Удиль запрещается». Но все это его хобби дружно отрицали. Между тем Набоков имел много публикаций по энтомологии бабочек и со временем превратился в одного из мировых авторитетов по этому вопросу.

Набоков смотрел на Европу несколько свысока, не по-совковски. Вот, например, какая деталь быта

производила на нас на Западе самое сильное впечатление? Правильно, ванны. Набоков же всегда возил с собой собственную резиновую ванну и приговаривал, что «ничего нет на свете грязнее французских ванн, кроме, разумеется, немецких».

Когда Набоков стал по-русски писать романы, эта изысканность не могла не проявиться. Александр Лужин, герой романа «Защита Лужина», не лучшего, но вполне характерного для писателя, играл, правда, не в бисер (как герой Германа Гессе), а в шахматы. Вернее, шахматы были не только его профессией, но и жизнью этого человека, а на все остальное его узкого существа просто не доставало. До войны Лужин был шахматным вундеркиндом, за которого светские разговоры вел отец. После революции и смерти отца ему пришлось врубаться в жизнь заново, причем в эмиграции, а это было непросто — он и разговаривать толком не умел. Ну, выступил удачно на паре турниров, умеренно прославился, а дальше-то как жить?

Агония Лужина была продлена женитьбой и женой, не то что бы любящей, но стремящейся сохранить фасад счастливого брака, хотя этому и мешала все более явная психическая болезнь мужа. Очень скоро этого толстого и неуклюжего увальня нельзя было уже демонстрировать гостям в качестве «несколько уставшей знаменитости». А вскоре не переносящий всякого общения несчастный Лужин вообще бросился с верхнего этажа их берлинского дома, где они экономии ради снимали квартиру.

Портрет героя тонок и по-своему элегантен, но расходится с шахматной правдой: гроссмейстер уровня Лужина должен был быть более агрессивной личностью, иначе международного турнира не выиграешь. Вообще ущербность гроссмейстера и некоторые перипетии сюжета (оба героя — славяне) напомина-

ют «Шахматную новеллу» Стефана Цвейга. Революция, разгул пьяной матросни, общественные потрясения — все это оставило поразительно ничтожный след в памяти и писателя, и его героя. «... Голод, арест, Бог с ними, и вдруг — благословенная высылка, законное изгнание, чистая желтая палуба, балтийский ветер, спор с профессором Василенко о бессмертии души» — вот и весь сухой итог грозных событий, который внесла эта мрачная пора жизни в душу взрослеющего вундеркинда.

Много претензий к языку, архаизмы и англицизмы становятся из забавных порой назойливыми. Советское учреждение 30-х годов всерьез названо «присутственным местом», режиссер — «директором». В турнире Лужин набрал десять «пунктов», а не «очков» — явный губительный след англо-русского словаря, где автор искал слово «points».

В романе «Камера обскура», населенном уже нерусскими персонажами (потаскушку делят слепой богатый искусствовед и бесчестный бедный художник), проявляется нешуточная изобразительная сила. Затем в «Приглашении на казнь» Набоков полностью расстается с приметами берлинского эмигрантского быта, переселяя героя Цинцинната в очень абстрактную тюрьму. Только русское имя тюремщика Родион и отчество директора заведения Родриги Ивановича выдают связь с политической реальностью. В остальном царит бестелесная и бездуховная атмосфера крайнего неуютa, столь близкая стилю Франца Кафки — тоже человека, писавшего не на том языке, в котором приходилось жить: чешский еврей Кафка жил в Праге, но творил по-немецки. Отсюда же и неистребимый дух пародии и вызова, из-за которых оба эти художника не смогли стать нобелевскими лауреатами. Эта пародийная настройка усиливалась у Набокова еще и неудержимым стремлением к са-

мопародии; многие герои его романов («Защита», «Камера», «Дар», «Приглашение») пишут свои «романы в романе», чаще всего откровенно пародийные, создавая как бы еще один, дополнительный, слой самоиронии.

Разумеется, западному читателю сквозь все эти интеллектуальные дебри да еще в тревожной паузине 30-х годов пробиваться было недосуг. Его волновали нацизм, кризисы, коммунизм, которые у Набокова не только не находили прямого отражения, но и существовали как бы в другом измерении. Причем нацизм, которого он долго не замечал в упор, скоро основательно вошел в жизнь, печатая шаг. А коммунизм, не утративший отвратительности, стал чем-то далеким и заграничным. В 1937 г. Набоков уехал в Париж, а через 2 года оказался еще дальше — в США. Писать Набоков стал исключительно по-английски, хотя прежде английские вкрапления в его романах были минимальны в отличие от Толстого: у того целые страницы в «Войне и мире» следуют по-французски ... Это и породило в России легенду о том, что Набоков выучил английский в сорок лет — «железный занавес» родил немало утешительных легенд!

Начав писать на английском, с детства родном, Набоков долго расписывается. Его первые романы еще связаны с Россией по крайней мере проблематически и имеют умеренный успех. В 1948 г. он становится доцентом Корнуоллского университета по специальности «всемирная литература». Его лекционные курсы издаются и вызывают резонанс. Хотя его оценки весьма критичны. Например, в творчестве Достоевского он не видел почти никаких достоинств. Но курсы нужно еще и читать студентам. А это значит мучительно выслушивать варварские русские потуги студентов, часто всего год как с грехом пополам изучающих этот головоломный язык, — это

было серьезным испытанием для человека типа Набокова. Добро бы еще эта каторга прилично оплачивалась: но писатель не мог назвать свое материальное состояние иначе, как «терпимым». Известно, что в 1955 г. его годовое жалованье (уже полного профессора, но всего лишь литературы!) составляло весьма скромную сумму 8 500 долларов. Его английские романы приносили ему гроши, русские — убытки. Ведь советский читательский рынок существовал для него только в виде единичных оригиналов, чудом попавших за «железный занавес» и рискующих только что не жизнью за попытку насладиться крамольным чтивом.

Сногсшибательную, скандальную известность и большой «кассовый» успех приносит ему роман «Лолита», изданный в 56 лет, через 16 лет после приезда в США, и написанный двумя годами раньше. В центре романа специалист по французской литературе (!) Гумберт, который влюбляется в двенадцатилетнюю школьницу Долорес Хэйз. Движимый своим порочным чувством, Гумберт, красавец тридцати семи лет, легко женится на матери «Лолиты-Долли» и получает возможность приблизиться к предмету своей страсти, но не более того. Однако матери попадают в руки записки Гумберта, раскрывающие подоплеку его поступков. Казалось бы, гражданская гибель Гумберта неминуема, но судьба улыбается потенциальному растлителю: выскочив на улицу с письмом, несущим разоблачение Гумберта, несчастная мать Лолиты попадает под машину и погибает.

Гумберт остается в осиротевшей семье за отца, теперь уже ничто не противостоит его преступному вожделению. Тем более, что Лолита идет ему навстречу: бойкий ровесник уже проложил дорогу к ее женской чувственности, она сама соблазняет Гумберта и даже преодолевает последнее препятствие к их бли-

зости — анатомическое несоответствие. Гумберт и Лолита становятся счастливыми любовниками. Впрочем, их счастье весьма относительно, хотя связь затягивается года на два. Приходится скитаться по провинциальным гостиницам, стараясь казаться отцом и дочерью, что удастся не всегда и не полностью. Лолита ускользает от Гумберта, но через три года сама же обращается к нему (беременная!) за помощью. Гумберт убивает любовника Лолиты и попадает в тюрьму. Там он пишет свои записки, составляющие роман.

Роман является переработкой повести «Волшебник», написанной Набоковым по-английски в пору, когда он в возрасте Гумберта пробовал английское перо. Набоков прочел повесть друзьям, но публиковать не рискнул. Само по себе обращение к педофилии не ново, оно есть уже и в романе Достоевского «Бесы», и в новелле С. Цвейга «Возвращение Казановы», и даже в «Ромео и Джульетте» В. Шекспира (Джульетте — всего 13 лет), а русский писатель Арцибашев ушел далеко вперед по части скабрзности. Но «Лолиту» отличает виртуозная нюансировка психологии изображаемых характеров именно в сексуальном аспекте.

Нужно признать, что английский текст романа превосходен: русский (позднее Набоков сам перевел роман на этот язык) — несколько беднее. Ведь Набоков ко времени его создания уже 45 лет был вдали от русской языковой среды. Если расценивать нравственный посыл романа, то автор всегда отрицал роль литературы как проводника нравственных норм. Но не в отношении «Лолиты»: это свое произведение Набоков считал высокоморальным. Сам герой щедр на осуждение себя же за безнравственность. Так или иначе, этот роман, наверное, лишил Набокова всяких надежд на Нобелевскую премию, что оставило в

душе автора глубокий осадок: он уничижительно отозвался о каждом в отдельности из русских литературных «нобелевцев», кого успел застать. В то же время, скажем, обруганный им А. Солженицын отозвался о «Лолите» одобрительно (судя по мемуарам Л. Григорьяна).

Роман имел бешеный успех у самой широкой публики, но его до сих пор нет в американских публичных библиотеках, хотя поставленные им рекорды откровенности сексуальных сцен, если они и были, продержались недолго — современная литература быстро ушла далеко вперед. Роман был опубликован впервые во Франции и сразу же объявлен там порнографическим. Американское издание вышло только через три года, что дало неплохой заработок перекупщикам. За это время вышло много других книг, не менее скандальных, что отчасти понизило бдительность университетского начальства: Набокова из университета не выгнали. Да и профессорское жалование выглядело жалким рядом с гонораром за «Лолиту». А впереди еще была экранизация, хотя сценарий Набокова и был отвергнут маститым кинорежиссером Стэнли Кубриком. Пленка тогда еще не терпела то, что уже могла снести бумага; да и пресловутая специфика кино ...

Набокову пришлось много раз возвращаться к роману, оправдываться, извиняться. Но исходный текст, который вынашивался столько лет, появился еще и поразительно вовремя: публика уже созрела для его восприятия, и американские писатели не сумели к этому моменту создать адекватные опусы. Конечно, когда Набокова «распробовали», почти всем стало ясно, что он заслуживал внимания и без «порнографического» орнамента. А это и есть самая убедительная реабилитация последнего.

Как и в случае Достоевского, всех весьма интри-

говал вопрос о том, как соотносится описанный образ жизни Гумберта с личным опытом писателя. В ответ можно только сказать, что пуританизм университетских кампусов в 50-е гг. был таким, что человек, который за вечер выпивал рюмку сухого, уже не считался непьющим — для этого нужно пить только пепси. Писатель был далек от богемной среды, прожил всю жизнь с женой Верой, которой посвятил большинство своих книг. И вообще, если бы до слуха влиятельных протестантов докатилось, что некто в кампусе живет с несовершеннолетней (а в маленьком городке все знали все обо всех), Набоков вылетел бы из университета моментально; недаром недруги до сих пор пеняют подобный грех одному историческому деятелю, хотя основания более чем зыбки.

Но половые извращения не как норма поведения, а как стимулятор воображения после «Лолиты» набрали силу. В романе «Ада», вышедшем после «Лолиты», возлюбленная героя романа приходится ему сестрой.

«Набоковедение», когда в него включилась несметная армия американских филологов, стало необъятным. «Ада», «Бледный огонь», «Пнин», «Посмотри на Арлекина!» и в особенности «Лолита» стали объектом тысяч книг, статей, эссе, рассуждений на тему, курсовых и дипломных работ, поисков тайных побуждений автора и даже ... кроссвордов! Уже изучена вся подноготная Гумберта, разоблачена вся ложь, которую он якобы внес в свой дневник, добыта вся квинтэссенция его поступков. «Я, наверное, останусь в памяти как автор «Лолиты», — писал Набоков с оттенком сожаления, хотя и никогда не отказываясь от романа.

«В 1960 году Набоковы переезжают в Швейцарию, в Монтре, и по совету Питера Устинова посе-

ляются в отеле «Палас». Эту страну они выбрали в качестве постоянного пристанища, в частности, потому, что в Женеве живет сестра Владимира Владимировича Елена Владимировна, а кроме того, — совсем рядом Италия, где поет в опере их сын Дмитрий. В одном из интервью Набоков говорил: «Русскому писателю такое место подходит: Толстой приезжал сюда в молодости, были Достоевский и Чехов, а Гоголь неподалеку начал «Мертвые души».

Здесь же, в Монтре, Набоков и окончил свои дни. Его кремировали и похоронили в Clarens. На могиле его надпись: «Vladimir Nabokov. Ecrivain. 1899—1977».

Писателю неуютно жилось на свете. Индивидуалист, не способный ни к какому политическому единению, он был далек от монархической эмиграции едва ли не более, чем от большевиков, которых ненавидел. В предисловии к изданию «Лолиты» на русском языке Набоков сетовал на то, что никогда не будет прочтен советским читателем, а что читатель из советского сможет снова превратиться в русского, на это государственного провидения Набокова не хватало — слишком мало его занимали вопросы политики. Теперь Набоков обрел русского читателя, и русский читатель получил в добротной американской упаковке одного из самых затейливых и изобретательных авторов нашего века.

Судьбы Алисы Розенбаум и Эйн Рэнд

История есть смертельная схватка
личности и коллектива.

Эйн Рэнд

Розенбаум Алиса (Рэнд Эйн) — в БСЭ отсутствует.

Фармацевтам разрешалось жить вне черты оседлости. Поэтому у аптекаря Розенбаума дочь Алиса в 1905 г. и родилась не где-нибудь, а в Петербурге. По окончании гимназии в 1920 году некрасивая, но привлекательная своей необычностью девушка поступила на исторический факультет Петроградского университета, где в одни годы с ней учился и Г. Гамов. Следовательно, ей пришлось пережить те же невзгоды, что и физику. Они, конечно, ничего не знали друг о друге, но историков как работников идеологического фронта обрабатывали особенно ревностно. Однако, если от Гамова коммунистическая пропаганда отскакивала, как горох, выдаваемый по карточкам одного и того же образца, то Алиса «воспринимала все изучаемое со знаком минус»: что предла-

галось любить — ненавидела, что обзывали ненавидеть — любила.

Среди ее преподавателей были серьезные историки, но выделялся философ профессор Н. О. Лосский, специалист по философии Платона, знаток древнегреческой мысли. Он-то и заложил в увлекшуюся им девушку принципы рациональной организации общества, преподавал азы нищестанства. О романе Алисы с пятидесятилетним профессором мы знаем с ее же слов, хотя некоторые считают его лишь плодом хорошо развитого женского воображения.

Окончание университета прошло драматически: ее едва не «вычистили» как буржуазный элемент. Но возобладал принцип рациональности: она была уже выпускницей университета и обязана была отработать деньги, потраченные на ее образование.

Еще до окончания университета началась работа, которую Алиса, совершенно естественно, возненавидела. Она должна была водить экскурсантов по Петропавловской крепости. Это лишь разогрело давно теплившееся в ней презрение к безликой людской массе, которая неспособна преодолеть натуральный конформизм, труслива и жалка, которая боится смерти и оттого безоглядно верит во всякую чушь, лишь бы эта чушь отвлекала от неизбежной перспективы. А чушь эта имеет две главных разновидности. Это коммунизм, который учит, что главное — это «родное» государство, а все остальное подчиняется его нуждам. И это религия, согласно которой все во власти ненасытного и злобного существа, которое называется Богом. Таким образом устанавливалась общность коммунизма и религии.

Но сначала надо разобраться с коммунизмом, который безжалостно обрекал людей на полуголодное и бесправное существование, приманивая идеальным будущим. Этой цели подчинены написанные Алисой

повесть «Заложники красных» (1933) о советском концлагере, расположенном на далеком северном острове в Ледовитом океане (прообразом послужили Соловки, слухи о которых ходили по Ленинграду еще в 20-х), и роман «Мы, живые» (1936).

Название романа перекликается с романом Е. Замятина «Мы» — мученическим и беспощадным обличением коммунистического идеала, рабочего коллектива. В романе Алисы студентка Кира Аргунова несет в себе первородный советский грех «противопоставления личности коллективу». Тем же грехом отмечены и ее любовники Лев Коваленский (сын адмирала, убежденный противник советской власти), да и следователь ГПУ Андрей Таганов, который под влиянием любви к Кире изменяет своему долгу перед алчным демиургом — государством. Но по советским рецептам «со знаком минус» все симпатии автора на стороне этих отщепенцев, а не на стороне коллектива. Впервые слезки, провокации, допросы, обыски и проработки стали из смутных шепотков объектом художественной литературы.

Роман последовательно опровергал ряд социальных мифов коммунизма. Например, миф о доступности медицинской помощи. Когда Лев заболевает туберкулезом, ему отказывают в санаторном лечении, так как он не член партии и профсоюза. За его лечение Кира обязана заплатить своим телом, что она и проделывает, одновременно теряя возлюбленного. В конце романа безликий красноармеец Иван Иванов убивает Аргунову метким выстрелом в сердце, когда она пытается перейти границу СССР.

А теперь перенесемся из вечно пасмурного Ленинграда за океан, в солнечный Голливуд. Эйн Рэнд не нравилась себе, но мужчины считали иначе. Она долго пыталась пробиться через голливудскую рутину, но этому мешал ряд объективных и субъек-

тивных трудностей. Наконец после долгих неудач в 1933 г. ее пьеса «Ночь 16 января» была принята к постановке в Нью-Йорке. Женщина обвинялась в убийстве миллионера. Перед финалом специальное жюри из зрителей решало, виновата ли она, и конец пьесы зависел от того, какое они вынесут решение.

Не все критики приняли пьесу, это была известность, но не триумф. Триумф пришел, когда, оставаясь успешным сценаристом и писателем, она стала еще и руководить собственным философским учением — «объективизмом». В основе этого учения лежал экономический принцип, но этот принцип был далек от ортодоксального марксизма — для нее идеалом общественного устройства стал капитализм.

В Америке до сих пор популярен роман «Родник», в центре которого находится история талантливого архитектора Говарда Рорка и его недалекого соученика Питера Китинга. Говард стремится создавать здания, не похожие на имеющиеся, работать в ярком, индивидуальном стиле. Этот путь приносит ему некоторые удачи, но главным образом поражения, в то время как приспособленец Китинг процветает, но сам-то он понимает, что не способен создать ничего высокого. Сознает свою обреченность и Рорк — ему никогда не пробить лбом стену общественного равнодушия.

В этих условиях Рорк идет на компромисс: он согласен предоставить проект жилого комплекса, который Китинг протащит, выдав за свой. Но Рорк ставит условие: ничто в проекте не должно быть изменено. Китинг это условие соблюсти не смог: в ходе свирепых обсуждений проекта он соглашается на некоторые переделки, которые не кажутся ему существенными. Рорк в ярости: он потерял авторство над своими лучшими идеями, не получив взамен самого

главного для него — их полного воплощения в жизнь. И Рорк идет на преступление: он ночью взрывает уже готовый комплекс.

Далее разворачивается центральная для романа картина суда над Рорком. В своей защитительной речи Рорк доказывает присяжным, что он имел право разрушить комплекс, так как тот был делом всей его жизни и вся его жизнь была исковеркана переделками проекта. Он убеждает присяжных, что создатели — это не коллективы, а отдельные мыслящие личности, что в природе нет даже такого понятия, как «коллективный разум». И Рорк добивается своего: суд оправдывает его при условии, что он за свой счет восстановит комплекс в первоначальном виде. Находится и богачей, который готов финансировать стройку. Роман завершается чувством героя.

Роман, вышедший в 1943 г., имел огромный успех, хотя всюду шла война; но все же меньший, чем фильм, выпущенный в 1949 г. с участием Гарри Купера. Потоки заявлений обрушились на архитектурные вузы. Молодежь бредила успехом Рорка, в городах создавались клубы объективистов имени Рэнд. Незаурядные личности объединялись для дискуссий, не теряя себя в коллективе. Роман «Атлант пожал плечом», вышедший в 1957 г., лишь поддержал успех писательницы.

Рэнд затмила всех прочих «объективистов» известностью и радикальностью воззрений, объявляя эгоизм высшей добродетелью. Странно, что при этом она не ссылалась на Н. Чернышевского с его проповедью «разумного эгоизма», хотя этот русский писатель часто упоминался ею по другим поводам. По Рэнд, наивысшее благо не в служении людям (это равносильно рабству!), а в развитии собственной личности, т. е. в личном успехе.

Она была и политически активна, выступив с по-

казаниями в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Ее выступления разоблачали роль коммунистов в разложении американской интеллигенции. Возросло число последователей Рэнд, но изменился их характер: это были уже американские правые, «красные шеи», а не просто интеллектуальные индивидуалисты.

Активизировались и противники Рэнд, ведь заде-ты были многие кумиры толпы. Обнаружились и слабости ее позиции. Действительно, обличая власть коммунизма над душой человека и настаивая на либертарианских идеалах полной независимости личности от государства, Рэнд одновременно поддерживала это государство в его довольно несимпатичной для большинства интеллектуалов форме. Возмущенный Чарльз Чаплин покинул Америку. «Хорошо, — говорили американцы, — может, Рэнд и неплохая писательница, но стоит ли она великого Чарли?»

Слабы были и принципы, на которых держался «внутренний круг» писательницы — круг близких к ней людей. Ее муж, преуспевающий художник Фрэнк О'Коннор, с которым они прожили 50 лет, преклонялся перед женой, заранее простив ей многочисленные измены. В полном соответствии со своей этической программой эти люди были личными друзьями, а то и любовниками Рэнд или женами этих любовников — ведь всякие идейные связи между членами коллектива принципиально отрицались!

Стоило разорваться этой единственной хрупкой нити, и бывшие «друзья» начинали «катить бочки» друг на друга и превращались в заурядных интриганов. Таким образом, к середине 60-х годов движение объективистов, отметив двадцатилетие (предтечи 20-х годов не в счет), стало хиреть. Впрочем, очень мало общественных движений переживало этот критический возраст, только их участники предпочитали по-

малкивать по принципиальным вопросам, в то время как объективисты ни в коем случае не замолкали. Объективист №2, Н. Бранден был обвинен Рэнд в том, что он наживается на ее имени. В свою очередь он заявил, что она «одержима похотью к нему», что на нем лежало обязательство проводить с ней ночь в неделю, которое он не в силах больше исполнять. Ко времени смерти писательницы в 1982 г. об объективистах уже редко вспоминали всерьез, а все больше с ухмылкой, хотя Рэнд и продолжала издавать свои работы и много выступала публично.

Однако сейчас движение переживает новый подъем. Общий тираж книг Рэнд как художественных, так и публицистических уже превысил 30 млн, а сейчас к ним добавились еще и русские издания — почти все книги Рэнд уже переведены на русский язык. Ее творчество интенсивно изучается в бесчисленных университетах, о нем читаются специальные курсы, пишутся курсовые работы. Она попала в число самых читаемых писателей США, ведь ее можно читать, и не разделяя ее взглядов, а просто следя за фабулой.

Пора уже объединить наш рассказ в одно целое, ибо, как читатель уже понял, ленинградская студентка Алиса Розенбаум и популярная американская писательница Эйн Рэнд — это одно и то же лицо. В конце 1925 г. Алиса добилась визы для посещения родственников в США и навсегда покинула Россию. Она приняла финское имя и английскую фамилию в форме названия своей пишущей машинки. Родители Рэнд не получили разрешения на отъезд к невозвращенке и умерли в ленинградскую блокаду.

Еще неважно владея английским языком, она уже бегала (с переменным успехом!) по студиям и редакциям большого Лос-Анжелеса, пристраивая свои романы, повести и сценарии. Успех дался ей не сразу:

повесть «Заложники красных» редакторы сочли неубедительным вымыслом. Даже после событий 1937 г. первый роман «Мы, живые» был назван преувеличенным и к тому же чересчур интеллектуальным. Рассказы писательницы изданы впервые посмертно. Единственный повторяющийся мотив в ее произведениях — комплекс «тоски», женщина, отдающаяся нелюбимому, чтобы помочь возлюбленному.

Любопытно, что в дальнейшем она как бы забыла о своем русском происхождении, в ее более поздних романах почти нет русских мотивов. Писателю-эмигранту, даже если он хорошо владеет языком, сделать такое очень трудно. Вспомним Набокова: русские персонажи обильно заселяют не только русские, но и американские его романы. Даже в «Лолите» новый муж бывшей жены главного героя оказывается русским полковником, белоэмигрантом, хотя для сюжета это было совершенно необязательно. У Рэнд таких персонажей нет.

Атеизм писательницы в разные годы был разной силы и разной направленности, но присутствовал неизменно. Это была единственная черта советского воспитания, которую она усвоила. Но и он больше отдавал рационализмом Бертрана Рассела, чем марксизмом. Коммунизм, в соответствии с классификацией Рассела—Рэнд, является разновидностью религии.

В 70-х годах в США приехала из Ленинграда Нора, любимая младшая сестра Рэнд. Сестры не виделись почти полвека и их сильно развело в разные стороны. Нора была настоящим интеллигентным «совком». Когда в такси Эйн задавала рискованный вопрос, Нора делала страшные глаза и показывала ими на водителя. Она читала по-английски, но к романам Алисы проявила полное пренебрежение, зато старалась купить и прочесть книги Солженицына. Рэнд

же не переносила духа этого писателя за его приверженность религии и даже за «теократизм».

Вообще атеизм — это единственная черта советского воспитания, усвоенная Рэнд. Между тем дело обстоит очень непросто. Более того, нам представляется, что разновидностью религии является и сам объективизм. Основной секрет популярности Рэнд, неслабеющего интереса к ее творчеству, кроется в американском спросе на религиозность, еретическую в своей основе. Рэнд как нельзя лучше отвечала на этот запрос, ибо настаивала на обожествлении всякого истинно творческого человека, т. е. в конечном счете себя самой.

Интересна и история создания итальянского фильма по роману «Мы, живые», но она лишь косвенно связана с самой Эйн Рэнд и потому здесь не затрагивается.

«Напролет болтал о Ромке Яковсоне...»

Яковсон был наверняка самым привлекательным из учителей, которых я когда-либо встречал в жизни. За всем, чему он учил и что писал, стояло ощущение какой-то тайны.

*Пол Кипарский,
американский лингвист*

Яковсон Роман Осипович — родился 11 октября 1896 г. в г. Москве, умер в 1982 г. в г. Бостон, США.

Окончил Лазаревский институт восточных языков (1914 г.) и Московский университет (1918 г.). С 1921 г. проживал за границей. Являлся профессором Гарвардского университета и Массачусетского политехнического института в г. Бостон, США.

Основные труды посвящены теоретической лингвистике, славянским языкам (прежде всего русскому), поэтике. Являлся почетным членом многих национальных академий, научных обществ и университетов.

Если бы не эта строчка из стихотворения В. Маяковского «Товарищу Нетте, пароходу и человеку», имя Романа Яковсона не было бы известно почти никому,

кроме узких специалистов. И советская энциклопедия пришла бы ему на помощь только в 70-е годы, раньше он и в ней не значился. А так, неведомо зачем этот американский лингвист застрял в памяти у всех, окончивших школу до 1990 г. в СССР хотя бы на тройки. Уж больно резал слух этот «Ромка».

Между тем это был не только глубокий знаток, но и собственноручный создатель всей современной лингвистики, часто в содружестве с другими учеными и не очень учеными. В течение 40 лет Роман Якобсон доминировал в мировой лингвистике, пожалуй, в несколько большей степени, чем Эйнштейн в физике. Хотя его называли «Эйнштейном лингвистики», а Эйнштейна «Якобсоном физики» никто не называл — по закону субординации наук лингвистика физике не ровня. По другим оценкам, роль Якобсона в мировой лингвистике гораздо скромнее — не будем спорить.

Будучи профессором Гарвардского университета и одновременно Массачусетского политехнического института, которые находятся рядом в уютном, но затхлом от плюща районе Бостона, перехватившем у Англии славное имя Кембридж и умножившем его славу, он создал международный центр языкознания. Этот центр скреплялся только именем Якобсона и включал сотни формальных и неформальных сотрудников. Известно, что американцы часто в упор не замечают иностранных коллег, хотя бы их труды были трижды переведены и изданы здесь. Но стоит им оседлать иностранного научного авторитета и запустить его рысью по бесконечным научным прериям, как уже нет удержу от бесконечных цитирований, пересказов, развитий, обобщений, а подчас и эпигонских поделок. Р. Якобсон принадлежит к этому последнему типу; он получил столько видов научного почитания, что их хватило бы с лихвой на целые отде-

лы советской Академии наук и крупные отраслевые НИИ, деятельность которых не имеет ни малейшего упоминания в работах американских ученых.

О Якобсоне и им самим написано огромное количество толстых книг, но биографии среди них нет, и это не случайно. В 1975 г., будучи в последний раз в России, 79-летний Р. Якобсон говорил: «Терпеть не могу сидеть и писать воспоминания. Мои мысли заняты не прошлым, а будущим, хотя его и немного осталось». И ученый остался верен себе, хотя среди его близких друзей были поэты Владимир Маяковский и Велемир Хлебников, художник Казимир Малевич, один из создателей «абстрактного искусства». Он был коротко знаком с Борисом Пастернаком и Николаем Заболоцким, столкнула его жизнь и с такими незаурядными фигурами, как Крученых. Вот почему о детстве и происхождении ученого известно очень мало. Например, что родился он в 1896 г. Верные его традиции, не станем и мы здесь приводить биографию ученого.

Собственно, с А. Крученых связана и первая публикация Р. Якобсона, вышедшая, когда ему было 19 лет. Это не научная статья, а два стихотворения, вышедшие в футуристическом сборнике Крученых «Заумная гнига» (это не опечатка, так и было «накручено» у авторов), в котором, помимо стихов, были еще и соответствующие им иллюстрации художника-графика Розановой. Стихотворение под названием «Рассеянность» начиналось такими строками:

удуша янки аркан
канкан армянк
душаянки китайянки
ка и так и никая
армяк.

Знаки препинания отсутствовали, но зато буква «я» всюду печаталась курсивом. Спросить автора «почему?» нельзя было, так как это считалось бы возмутительным покушением на свободу творчества. Стихотворения были подписаны псевдонимом автора «алЯгров», порождавшим, по его мнению, в читателе нужные ассоциации. Пока для нас важно только, что по степени «зауми» стихотворение не уступало ни стихам Крученых, собранным в «книге», ни соответствующим опусам раннего Маяковского и Хлебникова.

Несколько забегаая вперед, скажем, что стихи эти остались эпизодом в его творчестве, поэтом Р. Якобсон не стал, хотя псевдоним «алЯгров» использовал еще несколько раз. Правда, снизойдя к потребности толпы, превращал его иногда в «Алягрова». Но зато поэты, как русские, так затем и чешские, французские и, наконец, американские, относясь в целом с недоверием и неприязнью к ученым академического склада, всегда считали Якобсона своим. Стихи такого рода оказались идеальным материалом для грамматического анализа принципиально нового типа, ибо в них не было никакого смысла и означенный смысл несколько не отвлекал от анализа формы. Недаром одна из работ Хлебникова, которая так и называлась «Слово как таковое», послужила поворотным пунктом для формального анализа поэзии.

Первым предметом исследования ученых была «грамматика поэзии», которая затем естественно перешла в «Поэзию грамматики». В 1915 году, будучи студентами Московского университета, Р. Якобсон, Н. Трубецкой, М. Бахтин и несколько их единомышленников создали научный кружок, названный впоследствии Московской лингвистической школой. Смысл слов да и форма слов в поэзии всегда иска-

жены, и ученые изучали степень и вид этого искажения. Их деятельность дополнялась петроградской группой ОПОЯЗ, которая ставила перед собой аналогичные цели. Многие из них считали, что им принадлежит будущее, и называли себя футуристами. А будущее, хотя и принадлежало только самому себе, но прощало футуристам их претензии.

Футуристы очень дружно приветствовали революцию. Им казалось, что она быстро покончит с академической рутинной и создаст обстановку для ничем не сдерживаемого порыва творчества. Расцвет карьеры Jakobsona пришелся на лето 1919 года, когда он был ученым секретарем в Отделе искусств при возглавляемом А. В. Луначарским Министерстве просвещения РСФСР, руководил отделом его друг художник Осип Брик. Работы Jakobsona выходили в газете «Искусство коммуны». Статья Jakobsona-алЯгрова «Задачи художественной пропаганды» содержала манифест искусства и поэзии в новый исторический период. Причем под «художественной пропагандой» понималась пропаганда творчества современных поэтов и художников, а вовсе не художественные методы политической пропаганды и агитации, как это могло кому-то показаться на первый взгляд. Впоследствии двусмысленность слов в поэтическом творчестве современных поэтов-классиков (Попа и Пушкина), нередко обращаемая в «нежелательный смысл», стала самостоятельной темой его творчества.

Но революция очень скоро разошлась с футуристами. Выяснилось после первых же недоразумений, что революции не нужна поэзия, которая, по выражению Ленина, «кричит и выдумывает кривые слова», распугивая обывателей, вместо того, чтобы сколачивать их в единый партийный монолит. Поэзия должна была доносить до читателя в доступной ему

форме «классовую правду», т. е. марксистско-ленинское мировоззрение, и одновременно доносить в ЧК на классовых врагов. Как только Якобсон это понял, он оказался в Праге, где до второй мировой войны работал Русский университет и вообще содержался заповедник академического мира России. Анализ современной поэзии на нескольких языках (Р. Якобсон легко освоил чешский) позволил Трубецкому и Якобсону очень быстро развить лингвистику далеко за пределы тогдашних академических рамок.

Много лет Якобсон провел в Чехословакии, последние пять — преподавателем университета в г. Брно, затем год в Дании, Швеции, Норвегии; наконец в 1940 году уже признанным мэтром лингвистики пожаловал в США. Он свободно говорил и писал научные статьи на дюжине языков, писал еще о многих других языках, но доминантой его творчества были русская и славянская лингвистика.

Сначала вместилищем идей Якобсона была «Пражская школа»: так назывался небольшой кружок лингвистов-новаторов, признанным руководителем которого был не Якобсон, а князь Николай Трубецкой. С этим аристократом по букве и по духу Якобсона связывают долгие и сложные отношения. Они — близкие личные друзья, соавторы по многим работам, продолжатели идей друг друга и, естественно, ревнивые соперники, но Трубецкой был несколько старше и умер на 40 лет раньше. В последние годы он был профессором университета в Праге (чешского, а не русского) и вынужден был очень много работать над своими лекционными курсами для обычных, рядовых студентов, чтобы не ударить в грязь лицом перед чешскими коллегами; это снижало его активность как ученого. В то же время Якобсон, не обладавший громким академическим титулом, но

отдававшийся целиком науке, еще при жизни Трубецкого со временем заслонил коллегу.

По-видимому, эта ситуация очень занимала Трубецкого, и он пытался ослабить ее действие путем публичного обсуждения.

Недаром Трубецкому принадлежит работа о психологической роли национальной принадлежности в науке. Много раз по разным случаям выступая ярким противником антисемитизма, Трубецкой все-таки отмечает присущую еврейским ученым склонность к внешнему блеску в ущерб глубине и самоотдаче, которыми отличаются, по его мнению, ученые «евразийского», а иногда Трубецкой и проговаривается, «славянского» или «русского» типа. Впрочем, эти декларации Трубецкого очень непоследовательны и снабжены множеством растворяющих их яд оговорок. Тем не менее эта работа Трубецкого является примером попытки выяснения отношений русских и еврейских элементов в научном мире.

В России тем временем события развивались своим чередом. Творческая идеология Якобсона и Трубецкого, «формализм», совершенно утратила свой первоначальный смысл и в устах партийных «начальников» искусств стала просто популярным ругательством, подобным тем, что привычно россиянам видеть написанными на заборах, и столь же далеким от первоначального смысла. Шостакович в 60-е годы отмечал, что «в формализме можно было обвинить кого угодно, так как никто не знал, что это такое». Его самого, как и Прокофьева и Мясковского, в 1946 г. шельмовали как формалиста без всякой связи с первоначальным смыслом этого слова. Но обвиненный уже не имел права отстаивать свою правоту, по правилам игры он обязан был только каяться и обещать искупить свою вину честным трудом в рамках соци-

алистического реализма. Благо и эти рамки никак определены не были.

Отметим, что и сами основоположники формализма были прочно забыты, как забыт был и Роман Jakobson. Забыли и то, что «формализм» имел русские корни, и полное имя этого порока значилось как «западноевропейский формализм». Начисто была забыта и верность формализма пролетарской «р-р-эволюции», и он получил позорный ярлык «буржуазного». Только благодаря этому забвению и разрешили фамилию Jakobson скандировать всем классом при изучении стиха Маяковского. При этом, конечно, он назывался одним из полудетских увлечений Маяковского: слово «американский» в таком объяснении исчезало начисто.

Грамматический анализ поэтики творчества был только одной гранью творчества ученого. Другая грань заключалась в структуризации и наглядном геометрическом и логическом представлении грамматических конструкций различных языков, в частности восьми падежей русского языка — этого проклятия изучающих русский язык иностранцев (родительный и предложный падежи разбивались на две разновидности). Отсюда лишь один короткий шаг был до математической лингвистики — правда, этот шаг должен был быть сделан математиками. К последним Jakobson никак не принадлежал, но тем не менее все они щедро ссылались на него. Полны ссылок на Jakobsona и работы структуральных лингвистов, хотя он не был, строго говоря, родоначальником этого направления в лингвистике — оно было начато еще до первой мировой войны чешскими учеными.

Даже краткое пребывание Jakobsona в Скандинавии в 1940 году не прошло бесследно и отозвалось в 50-х годах расцветом исследований датской речи.

Анализ древних литературных памятников, на пер-

вый взгляд, кажется очень далеким от футуристической поэзии, между тем он был важной гранью творческого облика Яacobсона. Вечная тема авторства «Слова о полку Игореве» не обошлась без мощного вклада Яacobсона, который стал одним из столпов сторонников подлинности древнего памятника. Ему и его многочисленным последователям принадлежат остроумные объяснения попадания в исходный текст «Слова» слов и речений более поздних эпох.

В отношении к советскому правительству Яacobсон всегда был сдержан, никогда не впадая в антисоветскую ярость, даже когда жизнь давала для этого более чем веские основания. Причина этого лежала, с одной стороны, быть может, в западном интеллигентском чистоплюйстве с его стремлением игнорировать все, что не нравится. С другой стороны, здесь, вероятно, была и доля верности романтическим идеалам юности с революционными желтыми кофтами на знамени. В то же время он первый еще в середине 50-х получил пропуск в Москву и активно использовал его для наведения мостов через железный занавес. К чему это в конце концов привело — нет нужды напоминать.

Яacobсон всю жизнь прожил в ребячестве, решительно отменяя попытки призвать его к взрослости. Он умер в 1982 г. в Кембридже, Массачусетс, где прожил большую часть жизни, больше чем в любом другом месте. Там он и похоронен на кладбище, его могила снабжена очень краткой, но достойной эпитафией по-английски: «Роман Яacobсон, русский лингвист».

Преподобный отец князь Деметриус Галлицин

Если божьи заповеди, ужасы смерти и ада недостаточны для того, чтобы утратить жертвы от гибельного пути, как можно ожидать, что законы человеческого общества произведут благоприятные результаты?

Деметриус Галлицин

Голицын Дмитрий (Галлицин Деметриус) — в БСЭ отсутствует.

Вообще-то Голицыны — фамилия на Руси известная, они ведут свой род от литовского Великого князя Гедимина. Голицыны нередко возникали в самых разных качествах, то генерал-адмиралом, то физиком-академиком (кстати, первым популяризатором науки — еще в пушкинском «Современнике» успел опубликоваться), то хоровым дирижером. При отроке Петре Первом Голицын фактически правил Россией. А кое-кто из Голицыных даже метил в смутное время в русские цари. Однако Романовых Голи-

цыны обойти не сумели, претендент на престол был сослан в Литву, а по возвращении из ссылки убит в Гродно при загадочных обстоятельствах. Но это не самая удивительная судьба представителя рода Голицыных. А мы здесь расскажем о самой-самой.

И сам-то он самый настоящий князь Голицын. Но орфография фамилии странная. Что же удивительного? Это единственный русский по происхождению, но тем не менее американский священнослужитель, которого мы отыскали в «Гролисере». 20-летняя графиня-немка Адель Амалия фон Шметан вышла замуж за блестящего (хотя и русского!) князя Дмитрия Голицына в 1768 г. Супруги жили в Париже и Турине, посещали другие европейские столицы — Европа еще не покончила с феодальной раздробленностью, столиц было много, и повсюду кипела дипломатическая жизнь.

В 1770 г. родился сын Дмитрий. В это время Дмитрий Голицын находился в столице Голландии Гааге, где он был Чрезвычайным и Полномочным послом Русского Императорского двора. Немалый пост (колониальная Голландия в раздробленной Европе смотрелась иначе, чем сейчас!) вполне соответствовал княжескому титулу Голицына, т. е. должность была ему, как говорили в те времена, «вместна».

Мать знатного семейства вышла из католического исповедания и перешла в православие. По православному обряду был крещен при рождении и молодой Дмитрий Голицын. Но в 1786 г. узы брака, естественно, ослабели и Адель вернулась в католичество. В столице Вестфалии Мюнстере она создала католический образовательный центр, куда входили поэты Клаудиус и Гете, философ Гаман. Более того, на следующий год и юный Деметр, по настоянию матери, был обращен в католицизм. Это можно было оправдать обстоятельствами службы, так

как Дмитрий стал офицером австрийской армии, а венский двор был по традиции католическим. В дальнейшем то, что считалось незначительной деталью военной карьеры, перешло в призвание. Что касается старшего Дмитрия Голицына, то он увлекся Вольтером и Дидро, и религия перестала вообще играть какую-либо роль в его жизни.

Соединенные Штаты в то время еще не остыли от войны за независимость. Из Европы приглашались военные советники, не сочувствующие англичанам. В их числе был и австрийский генерал фон Лилиен. У генерала был адъютант, Деметриус Галлицин — так по крайней мере «проспеллили» его фамилию американцы — изобретательность эмиграционной службы в этой области не устает удивлять и сегодня, а это был 1791-й год. Кроме того, когда он хотел избежать звучания странной аристократической фамилии, Дмитрий назывался Августином Шмидтом, или Шметом, на голландский манер. Дворянские титулы в Соединенных Штатах уже тогда не признавались: но слово «князь» прочно не забылось, иногда Деметриус приводил свой полный титул.

Можно было предвидеть, что влияние матери на русского аристократа, к тому же унаследовавшего большое состояние, ослабнет и он забудет о вероисповедании — благо на это наталкивали и появившиеся почти одновременно в США правительственные документы, где по настоянию «безбожника» Томаса Джефферсона признавалось право каждого американца «исповедовать любую религию или не исповедовать никакой». Но произошло обратное: Дмитрий навсегда покинул военную службу и поступил в Балтиморскую семинарию св. Марии. В 1796 г. он окончил семинарию и был рукоположен в сан священника — первым из американцев! Напомним, что большинство переселенцев в Новый Свет

были протестантами. Католики, главным образом ирландцы и итальянцы, составляли ничтожное меньшинство. Состояние Дмитрия было переслано ему в Америку за вычетом налогов, хотя кое-кто и пытался в России поднять против этой акции противокатолические рогатки, имевшиеся в русском законодательстве. Особую ценность составили коллекции жемчуга и драгоценных камней, принадлежавшие его матери (одним из восторженных ценителей этих коллекций был Гете).

В 1799 г. отец Дементиус основывает поселение в Западной Вирджинии для поселенцев-католиков; впоследствии оно стало городом Лоретто. Еще раньше отец Дементиус начинает активную миссионерскую работу по привлечению местных индейцев штатов Пенсильвания, Мэриленд и Вирджиния в лоно католической церкви.

Дементиус владел несколькими европейскими языками, и это помогало ему общаться с разноязыкой толпой переселенцев, часто не понимавших по-английски. На немецком языке он не только читал часть своих проповедей, но и выступал как журналист в немецкой прессе.

Дементиус принадлежал к либеральному крылу католичества и занимал, насколько это позволяла вера, гуманистическую позицию по спорным вопросам. Таким вопросом, например, было отношение к пьянству. Пьянство, очень распространенное среди поселенцев, считалось пороком. Дементиус одним из первых предложил считать алкоголизм болезнью и лечить его, а не карать.

Наряду с религиозным обслуживанием своей многочисленной паствы отец Дементиус скупал земли и сдавал их по дешевке католическим поселенцам. Неудивительно, что эта деятельность не умножила его личного состояния и ввергла его в огромные долги,

которые преследовали его всю жизнь и с которыми он не расплатился и до смерти. К счастью, он, как католический монах, не имел наследников и некому было осуждать его незадачливость.

Отец Деметриус жил один в скромной бревенчатой хижине при часовне в Пенсильванских горах, вокруг которой постепенно вырос город Лоретто. По роду миссионерской деятельности часто разъезжал на лошади по окрестным штатам.

По должности Деметриус был генеральным викарием Западной Вирджинии. При этом в 1827 г. он отверг лестное предложение должности епископа городов Цинциннати и Детройта. Неудивительно, что человек такого склада жизни и таких принципов подвергался разного рода слухам и сплетням в самой полной мере, пока не умер в том же Лоретто, в той же хижине нищим.

Отец Деметриус неплохо владел пером, но писал свои произведения только на одну тему: в защиту католической церкви и против реформации.

Церковь не обошла его личность вниманием; через много лет после его смерти были изданы две книги о нем. Но никаких следов читательского интереса эти книги не хранят.

Елена Блаватская: жизнь до и после смерти

Постепенно мне открылось, что эта женщина, чьи блестящие достижения и замечательные черты характера не меньше, чем ее положение в обществе, вызывают глубокое уважение к ней, является одним из самых замечательных медиумов в мире.

Г. Олкотт

Блаватская Елена — в БСЭ отсутствует.

Елена Блаватская (1831—1891) родилась в Екатеринославе, ныне Днепропетровске, и происходит из родовитой русско-немецкой семьи. Ее предки по материнской линии принадлежат к роду Долгоруких, который восходит к самому Рюрику, легендарному викингу, основателю киевского княжеского престола. Мать Елены была известной писательницей фон Ган, которую Белинский как-то назвал «российской Жорж Занд»; саму Елену называют сейчас основательницей современного теософского движения. «Матери она лишилась очень рано; воспитывала ее

поэтому бабушка, Елена Павловна Фадеева, женщина очень образованная и чрезвычайно увлекавшаяся естественными науками». Кстати, полностью доверять книге Крэнстон нельзя: она связывает Блаватскую с Петром Первым местом ее рождения, но г. Днепропетровск назван в честь диктатора Украины большевика Петровского и к Петру отношения не имеет. Елена Блаватская, получив блестящее домашнее образование и воспитание, была вполне готова к светской жизни, т. е. знала иностранные языки, играла на фортепиано, писала стихи. Но она избрала иной путь. Чтобы обрести независимость, она семнадцати лет вышла замуж за старика Никифора Блаватского, но вскоре развелась и уехала за границу. Там ее привлекали не Париж и модные курорты, а в основном восточные страны, их религия и психология.

«Первое ее путешествие началось с Константинополя, затем она отправилась на Дальний Восток. Провела она там десять лет, из них около двух лет — на Тибете. В 1860 году Елена вернулась в Россию, но ненадолго. Проведя два года у родных на Кавказе, она снова пустилась в путь: Италия, Греция, Египет и наконец Нью-Йорк. Туда она приехала в 1873 году. Именно тогда начинается ее литературная деятельность. Она публикует статьи в американских газетах, уверенно вступает в полемику с иезуитами. К этому же времени относятся ее описания Кавказа. Посылает она материалы для публикации и в русские журналы».

Елена не раз приезжала в Индию и прожила там несколько лет, изучая индийскую религию и образ мышления. Сама она ссылается на них как на главный источник своих представлений о мире.

Она стала поклонницей спиритуализма, который бросал вызов как основным современным научным представлениям, так и всем религиозным догмам. На-

пример, еще ребенком, приехав в Петербург, она увидела на улице Пушкина, т. е., конечно, призрак Пушкина, давно к тому времени умершего. Спиритуализм, по словам А. Конан-Дойла (а создатель Шерлока Холмса был еще и сочувственным историком этого направления в общественной жизни), «со всеми своими несообразностями и проявлениями фанатизма, за удивительно короткое время захватил все страны. Император Наполеон III и императрица Евгения, царь Александр, германский император Вильгельм Первый, и короли Баварии и Вюртемберга — все были убеждены в его исключительной силе».

Многие встречали откровения Блаватской скептически (вспомним пьесу Л. Толстого «Плоды просвещения»), но находилось немало и таких (в основном вне России), которые были готовы поглазеть на явление «с того света» умерших людей и выслушать ее аргументацию их присутствия. Теософское движение появилось в XIX веке и имеет теперь очень много сторонников, если считать все его многочисленные разветвления и группки. Но суть этого учения, как она изложена в книге Блаватской «Тайная доктрина», состоит в следующем.

В основу мироздания кладутся три основополагающих принципа:

1) В мире существует одна неизменная реальность, которая перекрывает даже понятие Бога.

2) Все в природе подчиняется закону периодичности, который носит характер универсального научного постулата. В соответствии с этим законом происходит рождение существа, взросление, наступление зрелости и смерть.

3) Во вселенной существует универсальная «сверхдуша», тождественная всем душам. После смерти происходит переселение душ, которое включает много циклов и является воплощением религиозного прин-

ципа бессмертия души, без которого немислима никакая массовая религия.

По мнению Блаватской, это мироустройство было известно Христу, Будде и индуистским махатмам, но они держали это знание при себе. Наконец один из них стал гуру Елены и передал ей эти сведения, и она начала их распространение в человеческом обществе. В 1875 г. она вместе с Г. Олкоттом и У. Джаджем основала в США теософическое общество, которое сразу же получило много приверженцев.

Цели теософического общества были следующими:

1. Составить начало всемирного братства человечества без различия вер, рас и происхождения; все члены должны стремиться к самосовершенствованию и взаимному вспомоществованию, как нравственному, так и материальному.

2. Распространять изучение восточных языков, литератур и философских и религиозных учений, чтобы доказать, что во всех скрыта одна и та же истина.

3. Делать изыскания в области неизведанных законов природы и развивать сверхчувственные силы человека.

Программа эта вытекала из того, что Блаватская изучала во время своих странствий по Востоку, в частности из учения известного йога Арулпраказы Валлалара. Он утверждал, что таинственный смысл священных книг Востока будет раскрыт хранителями тайн — махатмами — иностранцам, которые воспримут его с радостью. Далее он говорил, что постепенно сойдет на нет употребление животной пищи; различия между расами и кастами исчезнут и со временем восторжествует принцип Всеобщего Братства (в Индии); то, что люди называют «Богом», на самом деле является Вселенской Любовью, которая порождает и поддерживает совершенную Гармонию и Равновесие во всей природе; люди, однажды уверовав в

сокрытую в них божественную силу, приобретут такие необыкновенные способности, что смогут изменить действие закона гравитации и т. д.

Во второй половине своей жизни йог неоднократно восклицал, обращаясь к своим ученикам: «Вы не слушаете меня. Вы не следуете моему учению. Похоже, что вы решили не расставаться со своими прежними убеждениями. Все же недалеко то время, когда люди из России, Америки и других государств придут в Индию, и будут проповедовать вам эти же принципы всеобщего Братства... Скоро вы узнаете, что братья, живущие далеко на севере, совершат в Индии много удивительных дел на благо вашей страны».

Эти свидетельства приводит в своих работах член теософического общества Тхолувар Велаюдхам Мудельяр. Он же приходит к выводу, что приезд Блаватской из России, а также полковника Олкотта из Америки и был тем самым событием, которое и предсказывал великий учитель.

Круг интересов Блаватской достаточно широк и сложен. Интересна, например, ее трактовка того, что мы называем «переселением душ». Она утверждает, что каждая личность оставляет свои собственные — высокодуховные — «оттиски» на божественном Эго, сознание которого возвращается на определенном этапе его развития, причем даже у крайне порочной души, которая в конце обречена на уничтожение. Нет такой человеческой души, какой бы преступной и лишенной проблесков духовности она ни была, которая рождалась бы совершенно испорченной. Ту или иную карму человеческая личность нарабатывает в молодые годы, и именно эта карма сохраняется и составляет основу предстоящей. Ни один человек, какими бы ни были его наклонности, не становится безнравственным сразу. У него всегда есть время для развития кармы. Блаватская считает также, что, согласно Закону Воздаяния принимаются соответству-

ющие меры, чтобы события, не реализовавшиеся в данной жизни, совершились в другом воплощении. То есть, поскольку каждая новая попытка природы создать что-то всегда успешнее предыдущей, то и каждое новое воплощение всегда лучше, успешнее, чем предыдущее.

Ложи общества были созданы во всех крупных городах Америки и за рубежом. Некоторые из них существуют и сегодня. Под ее редакцией стали выходить и издания общества, в которых трактовались вопросы теософии.

Теософия демократична в том смысле, что она не допускает никаких привилегий или индульгенций, все достигается личными заслугами и достоинствами личности.

Переселение душ — это очень старая теория, которая представлена уже в древнегреческой философии так называемой «пифагорейской школой». По этой теории душа может покидать тело и переселяться в другое тело или в особь иного вида и даже в неодушевленный предмет. Согласно «Упанишад», индуистской духовной книге, душа переходит из тела в тело в непрерывном цикле рождений и смертей.

Условия существования определяются поведением душ при прежних рождениях, которые образуют карму данной души. При этом все огорчения и радости жизни являются воздаянием за прежние грехи и добрые деяния, совершенные при прежних рождениях. Душа, на счету которой много добра, попадает во вселенский океан душ, называемый Браманом.

Елена была довольно скромной, даже застенчивой и молчаливой женщиной, которая неловко чувствовала себя в центре всеобщего внимания. Вся жизнь Блаватской была заполнена работой, которая, по словам профессора Корсона, хорошо знавшего Блаватскую, происходила так:

«Она постоянно наполняла меня удивлением и любопытством — что еще она придумает? Она обладала обширными познаниями во всех областях, но ее способ работы был необычен. Писала она обычно в постели с девяти часов утра, выкуривая бесчисленное количество сигарет. Она цитировала длинные параграфы из дюжин и дюжин книг, которых, как я совершенно точно знал, не было в Америке, легко переводя с нескольких языков. Иногда она звала меня из моего кабинета, чтобы спросить, как перевести на хороший английский какую-нибудь идиому из Старого Света, ибо к этому моменту она еще не достигла того языкового уровня, который отличает ее «Тайную доктрину». Она говорила мне, что видит страницы книг с цитатами и просто переводит их на английский. Многим людям с обычными способностями этот факт кажется чудом».

Свои опыты Блаватская всегда проводила в узком кругу, не более шести—восьми человек, так как даже в самых чистых опытах, объясняла она, есть место скепсису, которого она стремилась избежать. Но в этот избранный круг попало большое число лиц, которые оставили свои воспоминания.

Сохранилось много свидетельств о перемещаемых без прикосновения предметах — бутылках, ложках, письмах. Ложка преодолевала две стены, письмо оказывалось в руках у Блаватской, попав к ней из другой комнаты, затем в руках у нее оказывалась точная копия этого письма. Но все это служило лишь вступлением к главной чудодейственной операции материализации духов умерших. Являлись люди, которых иногда присутствовавшие не знали при жизни. Например, часто появлялся грузин — слуга Елены, говоривший с характерным акцентом. Тем не менее, сопоставляя свои впечатления, люди устанавливали тождественность наблюдаемых призраков. И глав-

ное — все слышали признак материализации — громкое постукивание.

Надо сказать, что уже к середине века появилось много случаев разоблачения мошенничества, совершаемого медиумами при материализации духов. Медиумы показывали духов и взимали плату с наивных зрителей за этот показ. Так, к прибытию Блаватской в Нью-Йорк там было опубликовано разоблачение некоего Эдда, выступавшего с публичными спиритуалистическими опытами. Поэтому и Блаватской приходилось соглашаться на связывание рук и ног и ряд других действий, долженствующих предотвратить мошенничество. Но ее никогда в нем не сумели уличить.

Жизнь Блаватской не была легкой. Вспоминают, что в 1873 г. в Нью-Йорке, когда отец перестал ей помогать, а путешествия стоили немалых денег, она зарабатывала изготовлением искусственных цветов и кожаных изделий. Она признавала, что не все в устройстве загробного мира ей самой ясно. В частности, противоречия появлялись у нее в связи с тем, что являлись духи не только умерших, но и живых людей, которые по идее не должны были покидать тела.

«В 1875 году Блаватская вместе с Олкоттом уехала в Индию, основала в Бомбее главную квартиру теософического общества и начала издавать газету «Теософист» на английском языке. Затем уже в 1882 году она перенесла квартиру в Мадрас, в предместье Адиар. Тут Блаватская поражала посетителей различными чудесами: по мановению ее руки звонил колокольчик и раздавались таинственные звуки, падали с потолка розы, летали огненные шары, непонятно откуда появлялись письма махатм — тибетских братьев, — которые она прочитывала, не распечатывая.

В 1883 году Блаватская переселилась в Европу, в

Париж. Последовали за ней туда и ее ученики и помощники: Олкотт, Джадж, брамин Мошни, герцогиня де Помар и другие.

В 1886 году она снова переезжает, на этот раз в Лондон и основывает там главное отделение теософического общества.

8 мая 1891 года Блаватская умерла, завещав предать свое тело сожжению».

Всю жизнь Блаватская провела в путешествиях, побывав почти во всех уголках Европы, Индии, на Ближнем и Дальнем Востоке, в Средней Азии. Заезжала она и в Россию, где у нее тоже было немало приверженцев, но Россия не была к ней слишком благосклонна, и она через пять лет жизни в США стала американской гражданкой. При этом нужно учесть, что условия тогдашних путешествий были далеко не идеальными.

До самой смерти Елены ее авторитет в теософическом движении был непререкаем. Она неоднократно доказывала, что у нее нет других интересов, кроме задач движения. Когда однажды Блаватскую обвинили во внебрачной связи с мужчиной, она подверглась авторитетному медицинскому обследованию, которое установило, что она девственница. Многие уважаемые и влиятельные люди стали членами движения, поскольку их не удовлетворяла официальная религиозная догма. В частности, активным участником теософского семинара стал знаменитый изобретатель Томас Эдисон.

Однако после смерти Елены установить, кто главный теософ планеты, оказалось нелегко, и движение распалось на ряд соперничающих между собой групп. В частности, за доктором Штейнером пошли «антропософы», стремившиеся выделить в движении не религиозную, а человеческую сторону. Другая активистка движения, Анна Безан, ударилась в атеизм и социализм, отстаивая одновременно идеи националь-

но-освободительного движения индусов — на самом деле, нездорово получалось: носители универсальной истины находились под колониальным гнетом англичан.

Но Елена Блаватская продолжает оставаться для спиритуалистов высшим авторитетом главным образом в спиритуалистской практике. К ней продолжают обращаться во всех случаях, когда возникают сомнения в поведении медиумов и вызываемых духов. А если кто-то интересуется мнением автора на сей счет, то им придется обратиться к какой-либо иной публикации: здесь для нас важнее другое — несомненный успех, который имела Блаватская в США в избранном поле деятельности.

Примечание.

Справедливости ради следует заметить, что, несмотря на свою известность и несомненный авторитет, у Блаватской было достаточно и оппонентов. Согласно сведениям, приводимым в Большой Энциклопедии (Санкт-Петербург, типография товарищества «Просвещение», 1903 год), уже во время пребывания Блаватской в Париже в 1883 году в миссионерском журнале «Madras Christian College Magasine» появляется ряд разоблачений, главным образом раскрываются тайны ее «феноменов» и мадрасской квартиры. Редакция журнала утверждала, что целью всех «феноменов» и писем «махатм» было выманивание у доверчивых людей денег, якобы на нужды теософического общества. Практически одновременно со статьей в этом журнале появились и разоблачения со стороны Лондонского общества психических исследований, командировавшего своего члена, мистера Годжсона, в Индию для проверки деятельности Блаватской. Годжсон пришел к выводу, что все «феномены» Блаватской не что иное, как мошеннические проделки.

Интернационал анархистов и Эмма Гольдман

Семья — это тюрьма для каждой женщины, а дети — это пытка.

Эмма Гольдман

Гольдман Эмма — в БСЭ отсутствует.

Как сама Эмма в своей автобиографии, так и все ее биографы признают только сексуальную мотивацию, и нам не остается ничего, как следовать за ними. Эмма росла нелюбимым ребенком в семье, где отец был одержим сексуальной страстью, а мать — боязнью новой беременности. Эмму частенько поколачивали. Так было и в Ковно (ныне Каунасе), где она родилась, и в Петербурге, куда семья переехала вскоре, пользуясь либерализмом Александра Второго. Сначала переехал отец, представив справку о большой зарплате (разумеется, фиктивную!), за ним на лодке по Финскому заливу меж льдин последовала семья. Дело отца в Петербурге шло плохо — евреи облагались дополнительным налогом. Поэтому вме-

сто гимназии, где Эмма выбыла из конкурса еще до вмешательства процентной нормы, из-за плохой религиозной характеристики, она устроилась работать в мастерскую, производящую перчатки.

Чернышевский, русские нигилисты и изнурительный 10-часовой рабочий день подготовили ее к восприятию самого крайнего европейского политического движения того времени — европейского анархизма. Но это произошло уже в Америке, в Рочестере, штат Индиана. Она осела там в 20 лет: после двух коротких браков с эмигрантами она наконец встретила главного человека своей жизни. Но это был не анархистский лидер Иоганн Мост, преподавший ей основы анархизма и публичного красноречия. Мост, в прошлом депутат германского рейхстага от социал-демократической партии, в Новом Свете увлекся анархизмом и Эммой, вознамерившись создать семью. Собственно, семья уже была, но в ней состоял еще и Александр Беркман, земляк Эммы, тоже родом из Литвы. Так они и жили некоторое время втроем. Но затем Эмме пришлось делать выбор между чистым русским анархизмом Беркмана и противоречивыми немецкими матримониальными устремлениями Моста. И ее выбор был Беркман.

Она стала выступать с лекциями об анархизме на английском и немецком (его она знала лучше) в американских городах. Пользуясь, а точнее говоря злоупотребляя американской свободой слова, Эмма проповедовала порочность всех государственных институтов, начиная от частной собственности и кончая браком и семьей и включая сюда свободу артистического выражения, свободу абортот и политическое равенство полов. Большое место отводилось антирелигиозной пропаганде.

Это очень раздражало широкие круги эмигрантов, в том числе и религиозных евреев, хотя почти

все руководители анархистского движения и большинство участников были эмигрантами-евреями из России, Германии и Австро-Венгрии.

В этот ранний период своей деятельности Эмма отнюдь не избегала призывов к насильственным действиям. Физическое уничтожение эксплуататоров и подавителей народа считалось благом. Неудивительно, что перед каждой лекцией Эмма не знала, во что она выльется. В лучшем случае ее ждали возмущенные выкрики с мест, а в худшем и физическая расправа, иногда с участием полиции и последующей высылкой.

19-летний Саша Беркман, красивый и стройный, не слишком полагался на свои ораторские возможности; он решил действовать иначе. Однажды, достав пистолет, он публично покушался на жизнь капиталиста Фрика, президента одной промышленной компании. К счастью, Фрик оказался лишь легко ранен, а Саша схвачен и предан суду.

На суде Саша отказался от адвоката и защищал себя сам на немецком языке. Его приговорили к 22 годам тюрьмы. Имя Эммы на процессе не упоминалось, и от нее не потребовали даже публичного осуждения Саши. Прокурорам не пришло в голову, что эта приятная шатенка является если не вдохновителем преступления, то по крайней мере соучастницей. Слово служило лишь целям развлечения, по американским понятиям. Правда, вскоре после Саши и Эмме довелось изведать тюрьмы за призыв к бунту, но ее защищал хороший адвокат и дело ограничилось годом городской тюрьмы.

Эмма надолго ездила в Европу. Познакомилась с европейскими коллегами-анархистами, из которых наибольшее впечатление на нее произвел русский анархист князь Петр Кропоткин. В Вене она окончила курсы акушерок и с тех пор зарабатывала себе

на жизнь в США и Канаде, помогая роженицам из бедных семей, у которых не хватало денег на врача.

В таких условиях Америка соглашалась терпеть ее деятельность, считая, что она приносит не много вреда. Чтобы покончить с этим заблуждением понадобился серьезный урок, и Америка его получила.

С окончанием короткой испано-американской войны США были окончательно признаны мировой державой, а их президент Мак-Кинли утвердился в своем праве объявлять войны. В 1900 г. Мак-Кинли был переизбран на новый срок, но окончить его ему не удалось: 6 сентября 1901 года на Всеамериканской выставке в Буффало в него стрелял террорист-одиночка с неудобопроизносимой фамилией Леон Чолголш, родившийся в Америке сын эмигрантов из Восточной Европы. Через восемь дней президент скончался. Свои мотивы Леон объяснял на суде крайне сумбурно, многие относили его к душевнобольным, но не назначенные судом адвокаты. Известно было, что за неделю до преступления он побывал на лекции Гольдман, и можно было считать, что она инспирировала это убийство. Правда, Чолголш не был членом анархистской организации, и анархисты подозревали в нем агента полиции.

В то же время Гольдман в своих публичных лекциях оправдывала убийц президента и итальянского короля Умберто, хотя со временем она и перенесла центр тяжести на ненасильственные действия. Так или иначе, но Эмма не осудила убийцу, а газеты дружно именовали ее вдохновительницей убийцы, просто как самого популярного из лекторов-анархистов.

Отсидев 14 лет в тюрьме, Беркман был выпущен и на короткое время наслаждался обществом Эммы, прежде чем сменил ее на другую, на этот раз 15-летнюю любовницу-анархистку.

Но это не означало полного разрыва: скоро Эмма

и Саша помирились, задав схему своих отношений до конца 30-х годов. Такие увлечения следовали у каждого из них эпизодически, приводя к бурным приступам любви или ненависти. Это не мешало их деловому контакту в организации лекций и издании анархистского журнала «Мать земля» (Еру). В свою очередь Эмма увлеклась статным мужчиной, Беном Рейтманом, с которым была связана лет пятнадцать с перерывами на другие привязанности.

В 1917 г. Эмму посадили за пропаганду против воинской повинности, когда США вступили в первую мировую войну. А в 1919 г. ее и Беркмана депортировали в Россию, аннулировав ее вид на жительство в Америке как полученный незаконно. Можно спорить о юридической обоснованности такого решения, но ясно было, что терпению Америки пришел конец.

В России Гольдман и Беркману сразу же многое не понравилось. Их поселили в гостинице «Астория» как привилегированных иностранцев, дали хороший паек. Но люди вокруг жили ужасно по американским меркам. Но главное не это, в стране не было демократических свобод. Анархисты, которые во время октябрьского переворота были главной революционной силой, именно они руководили матросами и рабочими, штурмовавшими Зимний дворец, теперь сидели по тюрьмам или боялись высунуть нос из квартир.

Петр Кропоткин жил в городке под Москвой, тоже был возмущен происходящим, но поднять голос протеста против большевиков не решился, когда Гольдман и Беркман предложили ему это сделать. Горький, с которым они встретились, понес уже совершенную чушь: «Народные массы — это не движущаяся сила революции, а ее тормоз. Революция имеет единственный привод: это гений Ленина». Принял

их и сам гений, все еще надеявшийся разбудить весь капиталистический мир.

В 1921 г. Гольдман и Беркман после подавления Кронштадтского восстания поняли, что сотрудничать с большевиками преступно, и убрались из России в Германию без визы. Там Гольдман написала книгу «Мое разочарование в России», которая передала ее ощущение от контактов с большевиками, но это не было разочарованием в революции. Обрато в США Эмму, разумеется, не впустили, она была отвержена обоими лагерями. В 1926 г. она укрепила свой статус фиктивным браком с английским шахтером Джеймсом Колтоном, что позволило ей осесть в Канаде. Она ездила в Штаты несколько раз и даже выступала с лекциями в американских университетах, прежнего успеха не имела и воспринималась как реликвия...

Личная жизнь Эммы оставалась насыщенной. В 1934 г., 65 лет от роду, она пережила последнее романтическое приключение — роман с 36-летним социологом Фрэнком Хайнером. Хайнер увидел бы в своих объятиях обрюзглую старуху, но от этой неприятности он был избавлен полной слепотой.

Новый приступ активности вызвала у нее война в Испании. Недоверие социалистов всех мастей, возраст и тем более вражда с коммунистами не позволяли ей занять какое-то место в вооруженной революционной борьбе. Но она занималась сбором средств в помощь республиканцам. Политические процессы 30-х годов не застали ее врасплох: для нее это было естественное продолжение ленинской политики, однако она сотрудничала в коммунистическом Народном фронте, так как находила фашизм еще большим злом.

Разрешение въехать в США было получено в 1940 г. лишь для праха Эммы Гольдман. Не являясь формальным руководителем анархистского движения,

которое всегда было очень аморфно и, по определению, не знало дисциплины, Эмма Гольдман была самой яркой из американских анархистов. Интерес к ее личности растет со временем как слева, так и справа и достиг уже громадных размеров.

Быть может, кое-кому из российских новоэмигрантов неприятно вспоминать, что в истории международного терроризма есть и такая страница, но что делать, эта страница существует. Ее можно топтать, выкорчевывать, бережно переплетать, но последнее дело — это делать вид, будто ее не существует.

**Сергей Довлатов:
«Жизнь
коротка и печальна»**

Четыре города, четыре столицы, без которых не расскажешь историю русского писателя армяно-еврейского происхождения с американским гражданством Сергея Донатовича Довлатова.

Сергей Довлатов родился 3 сентября 1941 года в эвакуации в Уфе. В 1945 году семья вернулась в Ленинград. К этому городу у Сергея Довлатова особое отношение. О нем написано много прекрасных слов: «Без труда и усилий далась Ленинграду осанка столицы. Вода и камень определили его помпезную горизонтальную стилистику». Письма из Нью-Йорка друзьям в СССР Сергей Довлатов подписывал: «Национальность — ленинградец. Отчество — с Невы».

Семья Сергея Довлатова была тесно связана с литературной средой Ленинграда. После войны в Ленинграде было создано центральное литературное объединение при Союзе писателей.

Его возглавляла Маргарита Степановна Довлатова (сестра матери), старший редактор издательства «Молодая гвардия». В разное время ЛИТО возглав-

ляли Леонид Рахманов, Геннадий Гор, Виктор Бакинский. Светлой памяти этих людей Сергей Довлатов посвятил одну из своих последних газетных публикаций, памяти тех, кто олицетворял ленинградскую литературную школу писательского мастерства. Основа литературного стиля Сергея Довлатова была заложена в этой школе — точность, изысканность, лаконизм при внешней простоте. «Мир так был набит литературой, юмором и пьянством, что не оставлял места остальному. То есть не оставлял места совершенно!» Так, Сергей Довлатов пришел на экзамен по немецкому языку в университет, зная на этом языке 2 слова: Маркс и Энгельс. Естественно, был исключен с литфака; естественно, загремел в армию. Писателем его сделала зона — служба в конвойных войсках. По словам Бродского, «вернулся он оттуда как Толстой из Крыма со свитком рассказов и некоторой ошеломленностью во взгляде». Вернулся молодой начинающий, но вполне сформировавшийся литератор.

Следующим городом был Таллин. «Многие считают его искусственным, кукольным, бутафорским. Я жил там и знаю, что все это настоящее. Значит, для Таллина естественно быть немного искусственным. Таллин — это и была первая настоящая эмиграция. Постоянный привкус фальши и первый опыт этнической изоляции. «Туземцы» медлительны и неподвижны, говорят на эстонском, заняты своими «туземными» делами, в русских компаниях не наблюдаются, им нет ни малейшего дела до «оккупантов». Сергей Довлатов стал журналистом случайно. Журналистику не любил. Сотрудничество с эстонскими партийными изданиями не приносило ни денег, ни славы. Свою повесть «Компромисс» (журналистские будни в Эстонии) Сергей Довлатов заканчивает прямо щедринским диалогом:

«— Займись каким-нибудь полезным делом. Как тебе не стыдно?

— Тоже мне учитель нашелся.

— Я всего лишь убил человека — говорит мой брат, — и пытался сжечь его труп. А ты...»

В 1975 году таллинское издательство «Ээсти раамат» («Эстонская книга») не решилось выпустить уже набранный сборник Сергея Довлатова «Пять углов» («Записки горожанина»).

В 1976 году Сергей Довлатов напечатал «Континент», потом «Время и мы»; радио «Свобода» неделю транслировало его повести. Стало уже окончательно ясно, что в СССР Сергея Довлатова печатать не будут. Кроме этого последовали обычные в таких случаях репрессии со стороны властей: исключение из Союза журналистов, лишение всех иных заработков. Со стороны КГБ шло давление по выпихиванию за границу: пусть уезжает — иначе посадим. В 1978 году заканчивается «советский период Довлатова». «Жизнь моя долгие годы катилась с Востока на Запад. И третьим городом этой жизни стал Нью-Йорк. Я думаю — это мой последний, решающий, окончательный город. Отсюда можно эмигрировать только на Луну».

Сергей Довлатов с семьей по израильской визе известным маршрутом Вена — Рим — Нью-Йорк отправляется в эмиграцию. «Все мы готовились к отъезду на Запад. Каждый по-своему. Лично я собирал информацию. Я знал, что литература в Америке источником существования не является. Что тиражи русских книг ничтожны. Что людям моего склада очень трудно найти работу». Однако в Америке эту работу можно было искать, а дома он был лишен права зарабатывать себе на жизнь по выбранной специальности. Сергей Довлатов никогда не был диссидентом, он вообще считал, что литература и политика не имеют между собой ничего общего. «Я уехал,

чтобы стать писателем и стал им, осуществив несложный выбор между тюрьмой и Нью-Йорком. В Союзе я диссидентом не был (пьянство не считается). Я всего лишь писал идейно чуждые рассказы. И мне пришлось уехать». Приехав сюда талантливым, необыкновенно талантливым, талантливо талантливым разгильдяем, Сергей Довлатов именно в США состоялся как серьезный профессиональный писатель. На родине остались две литературные публикации: в «Неве» и «Юности» (откровенно халтурные конъюнктурные повести о рабочем классе), а здесь за 12 лет Сергей Довлатов выпустил 12 книг на русском языке (две совместные), 6 книг вышли на английском.

«Компромисс» — журналистские будни в Эстонии.

«Невидимая книга» — о неудачной попытке издать книгу в СССР.

«Зона» — записки надзирателя.

«Соло на ундервуде» — записные книжки.

«Марш одиноких» — статьи об эмиграции.

«Наши» — история семьи.

«Заповедник» — работа в Пушкинских Горах.

«Ремесло» — попытки издать книгу в СССР и создать газету в США.

«Иностранка» — женщина в эмиграции.

«Чемодан» — что я нажил.

«Филиал» — записки ведущего.

«Представление» — записки надзирателя.

«Демарш энтузиастов» — эксцентрические рассказы, картинки и стихи.

«Не только Бродский» — русская культура в портретах и анекдотах.

Произведения Сергея Довлатова издавались на шведском, финском, датском, немецком, французском, на иврите и русском в Израиле. После нобелевских лауреатов Бродского и Солженицына Сергей Довлатов был третьим по популярности в англоязычных литературных кругах. Сергей Довлатов был по-

стоянным автором журнала «Нью-Йоркер». Достаточно сказать, что до него такой чести удостоивался только Набоков. Только американцы знают, какая это мера литературного успеха. Когда Сергей Довлатов обратился с какой-то весьма незначительной просьбой к благоволившему к нему Курту Воннегуту, тот вполне резонно заметил: «Чем я могу помочь человеку, печатающемуся в «Нью-Йоркер». Меня-то там не печатают».

Произведения Сергея Довлатова печатались в первоклассных изданиях — «Гранд стрит», «Партизан-ревью» и т. д. Сергей Довлатов был лауреатом американского пен-клуба за лучший рассказ 1986 года и, конечно, не перечислить всех антологий лучших коротких рассказов, куда включались произведения Сергея Довлатова. Довлатов стремился к тому, чтобы речь его была лаконична и предельно емкостна. У него была теория, что каждый прозаик должен вводить в свое письмо некий дисциплинирующий момент, надевать творческие «вериги». В поэзии роль таких «вериг» играют рифма и размер, это дисциплинирующее начало уберегает поэтов от многословия и пустоты. Французский писатель Жорж Перек в 1969 году написал роман «Исчезновение», ни разу не употребив в нем букву *e*, самую популярную во французском алфавите. Сергей Довлатов пишет таким образом, что все слова во фразе начинаются на разные буквы. Правило искусственного замедления письма применялось даже при цитировании в «Заповеднике». «К нему не зарастет народная тропа» — меня не устраивало «нему» и «народная». И я пошел на то чтобы поставить: «К нему не зарастет священная тропа». А затем сделал сноску: «Искаженная цитата. У Пушкина — народная тропа». С предлогом мне пришлось смириться. Ничего не мог придумать». Его часами забавляла и восхищала им же самим сочиненная фраза: «Завтра я куплю фотоувеличитель».

Суть восторга, может, и ускользает, но что-то действительно здесь есть. Реплика из Марка Твена: «Я остановился поболтать с Гекльберри Финном» — была полна для него неизъяснимого очарования. Он даже собирался сделать эту фразу названием какой-нибудь из своих книг. Строчки из «Конца прекрасной эпохи» Бродского: «Даже стулья плетенные держатся здесь на болтах и гайках», — характеризуют время ярче, чем обнаружение всей подноготной Берии», — писал Андрей Арьев, и с чем был абсолютно согласен Сергей Довлатов. Он не был формалистом и эстетом. Его замедленное письмо не просто дань формализму, а способ максимального самовыражения. Его предложения все более укорачивались — это школа более всего Хемингуэя или Шервуда Андерсона, одного из любимых его авторов. Его любимым писателем был Куприн. Сергей Довлатов вообще считал, что неприлично называть любимым писателем Достоевского или Толстого, а Куприн — это его уровень. Любимый поэт — Бродский. Любимые произведения «Хаджи-Мурат», «Капитанская дочка».

Произведения Гоголя, Толстого, Достоевского не нашли на Западе адекватных переводов. Практически непереволим на английский такой автор, как Шолохов. По образному выражению Бродского, «синтаксис Сергея Довлатова не вставляет палки в колеса переводчиков». Его легко переводить, легко и читать. Простота его произведений не имеет ничего общего с поверхностностью. Сергей Довлатов любил повторять, что в литературе сложное доступнее простого. Его произведения практически невозможно пересказать. Так же сложно определить и жанр его произведений. Критики согласились с тем, что это городской рассказ. Войнович назвал своего «Чонкина»: роман-анекдот. В каком-то смысле и довлатовские рассказы — это анекдот, но анекдот возвышенный и облагороженный. Сергей Довлатов не юмо-

рист, пародист или сатирик. Он особо подчеркивал во многих интервью, что считает себя не писателем, а рассказчиком, который хотел бы стать писателем. Рассказчик говорит о том, как живут люди; прозаик говорит о том, как должны жить люди, а писатель о том, ради чего живут люди.

Единственная цитата, выписанная Сергеем Довлатовым, стала его писательским кредо: «Всю жизнь стремился к выработке того сдержанного непритязательного слога, при котором читатели и слушатели овладевают содержанием, сами не замечая каким способом они его усваивают» (Б. Пастернак).

Образ «лишнего человека» — излюбленный в русской классике. О «лишних» людях писали Пушкин, Лермонтов, Достоевский. Герои Сергея Довлатова мало что имеют общего со своими интеллектуальными тургеневскими предтечами, кроме того, что они в этом обществе никому не нужны, что они аутсайдеры этого мира. Сергею Довлатову не нужно было, как М. Горькому, выдумывать и идеализировать босяков и уголовников. В достаточном объеме типаж поставляла ему советская власть. Один из довлатовских парадоксов: благопристойное существование — опора лицемерия; незащищенная открытость дурных волеизъявлений — гарантия честности. Поэтому Сергей Довлатов с удовольствием пишет о задворках общества — городских подонках и деревенских плебейях. Сергей Довлатов вообще считал, что самые яркие персонажи в литературе — отрицательные неудавшиеся герои (Митя Карамазов). Самые тусклые — неудавшиеся положительные (Олег Кошевой).

Мои любимые произведения Сергея Довлатова — это «Зона», «Заповедник», «Иностранка», «Наши». Нравится это или нет, но уголовники, убийцы, воры, сутенеры и наркоманы — такая же неотъемлемая часть мира, как академики, балерины или художники. Вряд ли можно было сказать об этом мире что-то новое

после Шаламова и Солженицына. Сергей Довлатов предлагает новое видение этой проблемы: ад не в зоне, ад — это мы сами. Герои «Зоны» живут по ту сторону добра и зла, но не как ницшеанский сверхчеловек, а как, например, кошка. Сергей Довлатов всегда вздрагивал, когда его сравнивали с Достоевским или Гоголем. Американцы вообще культурно девственная нация, но те из них, кто хорошо знает русскую литературу и историю (по дайджестам и комиксам!), приняли «Зону» благосклонно. «Сергей Довлатов пишет с первозданной энергией, его персонажи обрисованы столь же ярко, как персонажи Достоевского, но они намного смешнее и горят в более легкомысленном аду» (Виллидж Войс). Параллельно Сергея Довлатова обвиняли, правда, в том, что он вертухай и охранял А. И. Солженицына. Неважно, что к началу солженицынской отсидки Сергею Довлатову исполнилось 3 года.

«Заповедник» — самое лирическое произведение Сергея Довлатова. В Пушкинских Горах Сергей Довлатов работал накануне отъезда в США, исключенный и уволенный, откуда только было можно. Это 1977 год, а действие повести перенесено в 1971 г. Как и во многих других произведениях, рассказ ведется от имени автора, что ни в коем случае нельзя рассматривать как документальное свидетельство. Сергей Довлатов называл фактические ошибки особенностью своей поэтики. Документальная фактура его рассказов — это имитация. Его лирический герой имеет столько же общего с самим Сергеем Довлатовым, сколько, к примеру, Эдичка Лимонов имеет общего с Эдуардом Сovenко. В заповедник сегодня приезжают, но не только как в пушкинские, но и довлатовские места.

«Наши» — это вся современная история России через изображение жизни четырех поколений русской семьи. В русле традиций великих русских сати-

риков, проявляя иронию и непочтительность, характерную для его предыдущих произведений, Сергей Довлатов в «Наших» с присущей ему оригинальностью пишет групповой портрет своей семьи» (Виллидж Войс).

К слову «рассказы» Сергей Довлатов всегда добавлял: «Мои импрессионистские рассказы», поэтому его очень веселил тот факт, что американское издательство собиралось продавать повесть по разряду нон фикшен (то есть не выдуманная реальная история).

«Иностранка» посвящается одиноким русским женщинам в Америке — с любовью, грустью и надеждой. Эта повесть — неудавшаяся попытка вырваться из литературного этнического гетто. Писалась в расчете на Голливуд, но заключение контракта, увы, не состоялось.

Все люди смертны. Еще никому не удалось прожить вечно. Смерть — такая же составляющая жизни, как и рождение, ее иррациональный момент. Как каждый настоящий писатель, Сергей Довлатов достаточно много писал о смерти. «Жизнь коротка и печальна. Ты заметил, чем она вообще кончается». Или еще одна цитата из «Записных книжек»: «Все интересуются, что там будет после смерти. После смерти начинается — история». Сергей Довлатов считал, что о смерти писать нужно, но писать грамотно, без стилистических ошибок, писать с юмором, но без самолюбования.

Он включил в «Соло на ИБМ» цитаты из нью-йоркской газеты «Новое русское слово»: «...**К счастью**, из 300 человек, летевших этим рейсом, **погибло 12**». Траурное извещение: «**Преждевременная кончина Г. Л.**». Есть у него и более зловещие записи: «Возраст у меня такой, что, покупая обувь, я каждый раз задумываюсь: «Не в этих ли штиблетах меня будут хоронить?» Человек умирает только тогда, когда чувству-

ет, что он может уйти. Уход Сергея Довлатова окрашен в какие-то полумистические тона. К своему 50-летию Сергей Довлатов хотел издать малое собрание сочинений. Он хотел назвать эту книгу «Рассказы». Служивцы по радио «Свобода» отговаривали и острили, дескать, так называют только посмертные издания. Вот запечатанный конверт над его рабочим столом в нью-йоркской квартире с надписью: «Вскрыть после моей смерти». Из окна этой же квартиры в Квинсе видно кладбище «Маунт Хеброн», где он и обрел свое последнее пристанище. И последнюю свою ночь, в последнем своем довлатовском «зигзаге», когда то ли первая половина еврейского набора хромосом спаивала вторую половину: русскую душу и тело, то ли наоборот, он оказался не дома. Стал задыхаться, умирать. «Столь кошмарного конца — в удушливый летний день в машине «скорой помощи» в Бруклине с хлынувшей горлом кровью и двумя пуэрториканскими придурками в качестве санитаров — он бы сам никогда не написал: не потому, что не предвидел, но потому, что питал неприязнь к чересчур сильным эффектам».

24 августа 1990 года Сергея Довлатова не стало. На надгробном камне выгравирован его автопортрет: «Одна изящная смешная непрерывная артистически завершенная линия» (И. Бродский).

**Нина Берберова:
«Счастье женщины —
быть бесконечно
преданной
и ласковой»**

В конце 80-х—начале 90-х годов «толстые» журналы со своим обычно академическим тиражом переживали бурную пору расцвета: в Россию возвращалась литература русского зарубежья. Я не назову сейчас точную цифру, но наша семья выписывала никак не меньше 10 «толстых» журналов. «Октябрь», «Нева», «Знамя», «Новый мир», «Юность» и множество других литературно-публицистических изданий печатали десятки романов, повестей и рассказов русских писателей-эмигрантов, малоизвестных в России, неизвестных вообще или известных условно, то есть фамилия мелькала где-нибудь в послесловии с формулировкой: «Не понял... не осознал... не принял и т. д.». В этом бурном литературном потоке, оросившем тронутую творческой засухой скудную ниву отечественной словесности, не затерялись незаурядные произведения русской писательницы Нины Николаевны Берберовой.

Нина Берберова родилась 8 августа 1901 года в

Петербурге. Отец — армянин, работал в Министерстве финансов, мать — потомственная дворянка. В 1919—1920 годах училась в Ростове-на-Дону. В 1921 году вступила в петроградский Союз поэтов, занималась в студии «Звучащая раковина» Н. С. Гумилева, где познакомилась со своим будущим мужем В. Ходасевичем. С 1922 года в эмиграции: Берлин, Сорренто (жили с мужем у М. Горького).

С 1925 года живут в Париже, где началась профессиональная деятельность Нины Берберовой. 17 лет сотрудничала с ежедневной парижской газетой «Последние новости», где был опубликован цикл рассказов «Биянкурские праздники», печаталась во всех ведущих эмигрантских изданиях: три романа и пять повестей опубликованы в журнале «Современные записки».

Во время войны проживала в оккупированной немцами части Франции, после войны редактировала литературную страницу еженедельника «Русская мысль».

С 1950 года проживает в США. С 1958 года преподает в Йельском, а затем в Принстонском университетах. Скончалась 26 августа 1993 года в Филадельфии. Нина Берберова прожила долгую жизнь, полную удивительных событий, расставаний и встреч. «Меня всегда интересовали люди, — любила повторять Нина Берберова. — Изучение внутреннего мира человека всегда важнее следования за внешней событийной канвой его жизни». Возможно, поэтому наибольший успех ждал Нину Берберову в жанре мемуарной литературы. Справочники «Юнеско» содержат информацию о существующих на сегодняшний день 35 000 специальностях. Вряд ли будет преувеличением сказать, что представители подавляющего большинства из зарегистрированных профессий оставили после себя воспоминания, размышле-

ния о пережитом или автобиографии. Трудно себе представить разве что «Записки практолога» или «Очерки ассенизатора»! Библиотека мемуарной литературы насчитывает тысячи, десятки (может и сотни) тысяч томов: от «Записок о Галльской войне Цезаря» или «Жития святых» до «Моей борьбы» Гитлера или «Малой земли» Брежнева.

Мемуары (от *лат.* *memoria* — память) — литературные произведения особого жанра, с трудом поддающегося определению, существующего на зыбкой грани, отделяющей прозу от поэзии, вымысел от правды. Впрочем (и это одна из особенностей жанра), правдивы все без исключения мемуарные произведения: правдивая оценка событий — взгляд на них со своей точки (или кочки) зрения зависит от личности автора, степени его образованности или информированности, от преследуемых этим автором целей и от невероятного сочетания всех прочих объективных и субъективных факторов. Истина (то есть реальное положение вещей) как цель метафизическая доступна только богам (да и то, говорят, не всем). Библиография русской зарубежной литературы Людмилы Фостер (Бостон, 1973) включает в себя 17 000 наименований всех литературных жанров: 1 080 романов, 636 сборников рассказов, 1 024 сборника стихов и т. д., созданных за 50 лет, — с 1918 по 1968 год.

«Энциклопедический словарь с 1917 года» (Лондон, 1988) Вольфганга Казака, естественно, более обширен, так как включает в себя произведения плодотворной «Третьей волны» эмиграции. В нем представлено практически в 2 раза больше произведений, созданных в зарубежье. Но лишь некоторым писателям дано от Бога не только выразить себя в литературе, но и связать ткань времен, стать летописцем того времени, в котором он жил. Из русских мемуар-

ных книг в эмиграции выделяются три. Начало всем будущим скандалам на мемуарной почве положил Георгий Иванов со своими «Петербургскими зимами». Его обвиняли в некорректности воспоминаний (очень, кстати, язвительных) о еще живущих людях. Скандал по поводу «Некрополя» Владислава Ходасевича вспыхнуть не успел, так как началась вторая мировая война, потом забылся и стал фактом литературы, а не предметом досужих сплетен. Оставили мемуары и жены двух самых значительных поэтов первой волны русской эмиграции. Ирина Одоевцева («На берегах Невы», «На берегах Сены») внесла достойный вклад в создание портретной галереи русского зарубежья. И, наконец, «Курсив мой», который Нина Берберова считала главным делом своей жизни: «Я пишу сагу о своей жизни. Эта книга — не воспоминания. Эта книга — история моей жизни, попытка рассказать эту жизнь и раскрыть ее смысл... А пишу я обыкновенным карандашом. Трансцендентное меня мало интересует».

Книга состоялась. Она вместила в себя и революцию, и гражданскую войну, и эмиграцию, и вторую мировую. Она вместила в себя почти весь XX век. Она вместила в себя портреты миллионов русских эмигрантов, волею судеб оказавшихся вдали от России. «Курсив» написан легко, изящно — это настоящее произведение художественной литературы.

В нем Нина Берберова язвительна и зла. Возможно, она и не превзошла в желчности воспоминания Н. Я. Мандельштам или Л. К. Чуковской, которые были написаны позже, но в конце концов каждый человек имеет право на субъективную оценку собственной жизни, равно как и на оценку встреченных в этой жизни людей. Вот два эпизода, характеризующих ее писательский и жизненный стиль: она учит шведский язык перед турпоездкой в Скандинавию;

она оставляет больного мужа, который уже ничего ей не может дать. «Я сварила борщ на три дня, заштопала носки и уехала». Бог ей судья. Как говорят англичане: «У каждого свой скелет в шкафу». Нина Берберова выразилась более изящно: «В книге 600 страниц текста и 600 страниц умолчания».

Второе по значимости произведение Нины Берберовой — роман «Железная женщина» — было опубликовано спустя 11 лет после «Курсива» в Нью-Йорке в 1981 году. Это не только журналистское исследование истории в форме биографического повествования, но и просто публицистика — это роман — информация нового стиля, «инфроман» (неологизм Андрея Вознесенского). В определенном смысле «Железная женщина» является дополнением к «Курсиву».

«Кто она? — спрашивали меня друзья, узнав про книгу о Марии Игнатьевне Закревской—Бенкендорф-Будберг, — Мата Хари? Лу Саломе?»

В самом деле, для того, чтобы получить ответ на этот и другие вопросы, необходимо задать еще три:

1. Что хотел написать автор?
2. Что удалось написать автору?
3. Что написал автор помимо своей воли?

Нина Берберова решила написать книгу о жизни, молодости и борьбе пленительной авантюристки баронессы и графини, талантливой переводчицы, любовницы М. Горького и невенчаной жене Герберта Уэллса — о «железной женщине». В итоге получился портрет обуреваемой всеми страстями женщины, двойного агента секретных служб России и Великобритании. Выяснилось, что ни графиней, ни баронессой, ни талантливой переводчицей, ни верной спутницей Горького и уж тем более «железной» она не была; что образ этот вызывает не восхищение, а скорее брезгливую жалость. Выбор темы и героини мно-

гое говорит об отношении самого автора к Закревской-Будберг. Восхищаясь своей героиней, отдавая дань ее мужеству, ловкости, хитрости, изворотливости, Нина Берберова, помимо своей воли, приходит к парадоксальному для себя выводу: хоть это «просто, пресно и обыкновенно», но счастье женщины заключается не в авантюрах, а в том, чтобы быть бесконечно преданной, ласковой, послушной и скромной, в «традиции мужского превосходства и женской неполноценности». Как и «Курсив», этот роман грешит неточностями, оговорками, иногда и просто забывчивостью (к моменту выхода в свет романа Нине Берберовой исполнилось 80 лет), стилистическими шероховатостями в виде неизбежных длиннот при сопоставлении разного рода документов (остряки называют такой стиль стареющих писателей «астматически-маразматическим»). Как и «Курсив», «Железная женщина» написана на великолепном русском языке.

Последняя книга Нины Берберовой — «Люди и ложи: русские масоны XX века» (Нью-Йорк, 1986) — опять скандальна. Если в Америке просто удивились тому, что Нина Берберова была допущена к архивам (второй муж Нины Берберовой Николай Васильевич Макеев был масоном, Нина Берберова и сама по слухам была членом ложи «Грант Ореан»), причем последняя не только в этом, но и в следующем веке — архивы закрыты на 200 лет, — то в России книга вызвала скандал. Теория «масонского заговора» в России не нова. Печально известный факт: все члены Временного правительства, кроме П. Н. Милюкова, были масонами, то есть дали клятву Франции, которая по уставу превышает клятву мужа и жены, клятву родине и т. д. В результате А. Ф. Керенский не заключил мира с Германией. Франция была спасена, а в России произошел переворот. Книга уни-

кальна по подбору материала, однако это далеко не беллетристика, а повод для серьезных исследований и обобщений.

Из литературного наследия Нины Берберовой следует упомянуть цикл ранней прозы «Биянкурские праздники» (1929—1938). «Мне удалось сохранить здесь колорит речи той поры. Язык Добровольческой армии юга России». Любопытно отметить тот факт, что Жаклин Онассис-Кеннеди, последние свои годы работавшая редактором, выбрала именно эти рассказы Нины Берберовой для публикации в США. И еще одна привычно скандальная публикация из далекого 1936 года — «Чайковский», которая повергла в шок далеко не пуританскую Францию с ее либеральным отношением к нетрадиционной сексуальной ориентации.

Книги Нины Берберовой возвращаются на Родину среди многих тысяч томов других писателей и поэтов, тех, кого принято называть хранителями культуры русского зарубежья. «Происходит воссоединение двух русских культур как плацдарм для будущего возрождения России».

Айзек Азимов.

Человек, который сделал себя сам

Люди на Земле должны дружить. Я всегда старался подчеркнуть это в своих произведениях. Не думаю, что можно заставить всех людей любить друг друга, но желал бы уничтожить ненависть между людьми.

А. Азимов

Научную фантастику любят во всем мире, она увлекает людей самых разных профессий. Ни образовательный ценз, ни имущественные, ни социальные или национальные барьеры не преграда для нее. Так и хочется сказать, что научную фантастику любят все, но это было бы преувеличением. В среде читающей публики найдется немало читателей самых разных возрастов и склонностей, которые и на дух эту фантастику не переносят.

Нет универсальной формулы привлекательности фантастики — есть многомиллионная категория ценителей и почитателей этого, возможно, самого демократичного жанра литературы.

«Почему пишем мы и почему читают написанное нами? Когда мы говорим о будущем человечества — мы утверждаем, что война с безрассудством все-таки будет выиграна» (А. Азимов «Избранные письма»).

В далеком 1923 году вера в лучшее будущее и поманила семью местечковых евреев Азимовых к далеким американским берегам. Выехали из Петровичей, что под Смоленском, и дальше через разоренную революцией и гражданской войной Россию. Ехали налегке, нечего было взять из разграбленного имущества. Все богатство — двое малышей: трехлетний Исаак и годовалая Маня.

Знаменитый беспосадочный перелет Линденберга состоялся много позже, а о пассажирской авиации еще никто всерьез не задумывался. «Плыли на пароходе мучительно долго. Только в феврале прибыли в Нью-Йорк.

Для того, чтобы мальчик мог на год раньше пойти в школу, мать исправила в метрике дату рождения на 7 сентября 1919 года. Хотя в семье официально отмечали день рождения Айзека (имя звучало уже по-английски) 2 января 1920 года. В 11 лет Азимов окончил школу, в 15 лет — колледж, диплом бакалавра получил в Колумбийском университете в 19 лет, в конце 40-х годов — доктор, а затем профессор биохимии медицинского факультета Бостонского университета.

В своих автобиографических произведениях Азимов упоминает о том, что первые годы в Америке семья жила очень бедно. «Отец экономил во всем, но в 1926 году купил лавку по продаже сладостей». Мать тяжело заболела, и 9-летний мальчик целый день работал в лавке с отцом.

В 9 лет в руки Азимова попал первый американский фантастический журнал «Эмейзинг стоориз» («Занимательные истории»). С этого момента Ази-

мов окончательно и бесповоротно влюбился в научную фантастику. В 1939 году Азимов публикует первую фантастическую повесть «Брошенные на Весте».

В 1940 году появился первый рассказ о позитронных роботах, а к 1950 году этот культовый цикл был завершен. Азимов не был верующим человеком, как его родители, он придерживался атеистических убеждений. Религией Айзека Азимова стала на всю жизнь любовь к людям — гуманизм. Три закона Азимова — этическая система ценностей, философская база его жизни:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться командам человека, если эти команды не противоречат первому закону.

3. Робот заботится о своей безопасности, поскольку это не противоречит первому и второму законам.

Изобретение самого термина «роботехника» принадлежит Азимову. Законы не только идеально детализированы с инженерной точки зрения, они — законченная философская концепция: их можно прочитать иначе: «возлюби ближнего своего, как самоё себя», «поступай с другими так, как бы ты хотел, чтобы поступали с тобой».

Возможно, гуманистическая направленность его творчества вызвала тот бум читательского интереса, который сопровождал каждое последующее его произведение. С этого момента почти каждый рассказ или роман сопровождался эпитетом «великолепный» или «лучший».

Рассказ «Приход ночи» (1941) считается лучшим о современной фантастике. Сериал «Основатели» (1956) получил премию как лучшая серия всех времен. С восторгом как публикой, так и критикой были приняты романы «Стальные пещеры» (1954), «Обнаженное солнце» (1956), «Конец вечности» (1956) был

единодушно признан лучшим романом американской научной фантастики.

В 1958 году Азимов оставил Гарвардский университет и всецело посвятил себя литературной деятельности. Он стал тем писателем, кого американцы называют full time writer (то есть писатель с полным рабочим днем!). Для США это явление редчайшее. Позволить себе заниматься только литературой могут считанные единицы: Апдайк, Норман Мейлер, Стайрон, Роберт Ладлэм и Стивен Кинг. Вот, пожалуй, и весь список.

К удивлению и разочарованию читающей публики, Азимов перестал публиковать фантастические произведения. Выхода следующего романа пришлось ждать долгих 14 лет — «Сами боги» (1972). Здесь проявилась другая грань азимовского таланта: он переключился на научно-популярную литературу, что и принесло ему поистине мировую известность. Творческое наследие писателя составляет свыше 500 произведений (художественных около 200). Азимов составил и опубликовал свыше 50 обширнейших сборников эссе на научную тематику. Даже простое перечисление интересующих писателя тем заняло бы немало места: математика и религия, биохимия и лингвистика, психология и английская литература.

Самые знаменитые книги Азимова переведены на все без исключения языки мира: «Биографическая энциклопедия по науке и технике», «Вид с высоты», «Краткая история биологии», «Нейтрино». Лучшие научно-популярные работы не уступают по блеску произведениям художественной литературы.

Вместе с тем даже не самые удачные (с точки зрения строгой науки) написаны живо, образно, насыщены множеством исторических сведений. «Время энциклопедистов прошло! И я, конечно, понимаю, что при охвате такого количества тем совершенно неизбежен дилетантизм. Только хочу заметить: я не

собирался стать ни хиромантом, ни шекспироведом...» Кстати на русский язык переведено около 50 произведений Азимова, менее 10 % всего им написанного в области научной фантастики.

Последние годы жизни Азимов занимался составлением антологий научной фантастики.

В год его смерти (1992) была опубликована книга «Азимов смеется опять», и уже после смерти вышел последний роман из цикла «Основатели» (1993) и его «Мемуары» (1994). Самая последняя антология «Золото» вышла в 1995 году. По решению издательства «Даблдэй» разработка идей, выдвинутых Азимовым полвека тому назад, будет продолжена. С разрешения автора (у Азимова копирайт до 2042 года) темы позитронных роботов, галактической империи и др. будут продолжать три выдающихся фантаста новой волны — Грегори Бенфорд, Грег Бир и Дэвид Брин. К 70-летию Азимова ими был написан роман «Друзья установления», а в 1997 году опубликован другой роман «Страхи установления».

Азимов — авторитетнейшая, почти культовая фигура в американской научной фантастике. Его книги неизменно входят в антологии лучших произведений американской фантастики. Некорректно сравнивать Азимова с тем же Набоковым, но если обратиться к статистике, то окажется, что книги Азимова издавались только в США такими тиражами, о каких не могли мечтать нобелевские лауреаты Бунин, Солженицын и Бродский вместе взятые. Азимов — единственный этнический русский литератор, добившийся такого ошеломляющего успеха на литературном поприще. Практически все его важнейшие литературные работы единодушно отмечены и профессиональными литераторами и читателями (специальные премии «Хьюго» и «Небьюла»). В 1963 году Азимов получил особую премию «Хьюго» за «приложение науки в научной фантас-

тике». Азимов был награжден премиями Американского химического общества, Ассоциации ученых США. Он лауреат премии Вестингауза. Азимов получил 14 почетных степеней в различных университетах США и Европы.

Азимов — воплощенная американская идея о человеке, «сделавшем себя самим». Его многочисленные американские биографы скрупулезно фиксируют любую мало-мальски важную деталь, связанную с работой, отдыхом и т. д. Известно, какую писчую бумагу предпочитал Азимов, марками каких автомобилей пользовался он и его семья (Азимов был женат второй раз, имел сына (1951) и дочь (1955), в каких отелях он предпочитал останавливаться. Особая статья — это дом, точнее американский культ дома. Есть подробнейшие описания всех домов семьи Азимовых: от первого на 425-й ван Сиклен авеню в Бруклине, приобретенного его отцом в 1925 году, до 33-комнатных апартаментов в районе Центрального парка Нью-Йорка.

Азимов как фигура общественная занимался благотворительностью, являлся соучредителем Фондов помощи начинающим литераторам — щедро делился тем, что получил в дар от природы — своим незаурядным талантом и жизненным опытом. Бог не обидел Азимова чувством юмора. Азимов очень любил хорошую шутку и опубликовал три юмористических книги: «Сокровища юмора», «Чувственный грязный старик», «Азимов опять смеется». Он обожал мистифицировать и попросту дурачить почтенную публику, давать «вредные советы» в духе Григория Остера: «Если в вашем распоряжении хорошая библиотека, то вообще ни на какие лекции ходить не нужно. Я лично так и делал». Или его интервью журналу «Нью-Йорк таймс ревью»: «Я никогда не присутствовал на старте космического корабля. Правда, видел однажды вечером в небе спутник... Обстоятельно пораз-

мыслив, я решил сидеть дома. Я путешествую по небесным телам, не отходя от письменного стола». На самом деле Азимов не был домоседом. Он страдал от клаустрофобии (боязнь замкнутого пространства), но объездил весь земной шар, пользуясь исключительно плавающими средствами. Во время службы в военно-морских силах США с 1942 по 1945 год он дважды летал самолетом по маршруту Сан-Франциско — Гавайи и обратно. Воспоминания об этих полетах всю жизнь приводили его в содрогание, развились в агрофобию — боязнь высоты и страх к воздушным полетам. Этот страх был настолько устойчивым, что всю оставшуюся жизнь Азимов никогда не пользовался услугами пассажирской авиации.

Азимов был членом аристократического Голландского клуба в Нью-Йорке, президентом которого стал в 1975 году; членом Клуба почитателей Шерлока Холмса (литература), Гильбер и Салливан (музыка), «Вудхауз» (театр) и ряда других. Он практически не употреблял алкоголь и не курил. Азимов с удовольствием вспоминал, что имел в армии самый высокий IQ, но самый низкий показатель физического развития.

Неизвестно, как сложилась бы судьба Азимова, останься его семья в России. Однако, памятуя о том, что довоенный выпуск Большой Советской Энциклопедии называл кибернетику «буржуазной лженаукой», можно предположить: вряд ли Азимов состоялся бы как ученый, вряд ли бы мы сегодня наслаждались его прекрасными книгами.

Спасибо России, подарившей миру Азимова, спасибо Америке, приютившей и обогрешей его и его семью. Умер великий русско-американский писатель Айзек Азимов (Исаак Иегудович Азимов) 6 апреля 1992 года. Тело его согласно завещанию было кремировано, а прах развеян.

Александр Солженицын

Солженицын Александр Исаевич (р. 1918), русский писатель.

Сохранение человеческой души в условиях тоталитаризма и внутреннее противостояние ему — сквозная тема рассказов «Один день Ивана Денисовича» (1962), «Матрёнин двор» (1963), оба опубликованы А. Т. Твардовским в журнале «Новый мир», повесть «В круге первом», «Раковый корпус» (1968; опубликован за рубежом), вбирающих собственный опыт Солженицына: участие в Великой Отечественной войне, арест, лагеря (1945—1953), ссылку (1953—1956). «Архипелаг ГУЛАГ» (1973; в СССР распространялся нелегально) — «опыт художественного исследования» государственной системы уничтожения людей в СССР, получил международный резонанс, повлиял на изменение общественного сознания, в том числе на Западе. В творчестве Солженицына, продолжающего традиции русской классики XIX в., трагические судьбы героев осмысливаются автором в свете нравственного и христианского идеала. В десяти-томном «Красном колесе» (1971—1991) на огромном фактическом материале рассматриваются причины революции (слабость власти, упадок религии, общественный радикализм) и ее ход, анализируются политические и идеологические платформы различных партий и

групп, обосновывается возможность альтернативного исторического развития России. В статьях «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», «Жить не по лжи» и др., «Письме вождям Советского Союза» (все — 1973) Солженицын предрекал крах социализма, вскрывал его нравственную и экономическую несостоятельность, отстаивал религиозные, национальные и классические либеральные ценности. Эти темы, как и критика современного западного общества, призыв к личной и общественной ответственности развиты в публицистике Солженицына периода изгнания из СССР (с 1974 — в ФРГ, с 1976 — в США, штат Вермонт; вернулся в Россию в 1994), в том числе — новейшей («Как нам обустроить Россию?», 1990, «Русский вопрос» к концу XX в.», 1994). Автобиографическая книга «Бодался теленок с дубом» (1975; дополненная в 1991) воссоздает общественную и литературную борьбу 1960-х — начала 70-х гг. в связи с публикацией его сочинений в СССР. Нобелевская премия (1970).

Александр Исаевич Солженицын родился 11 декабря 1918 года в Кисловодске, в семье «казахьей интеллигенции». Отец его погиб еще до его рождения, поэтому воспитывала мальчика в основном мать, оказавшая значительное влияние на формирование мировоззрения будущего писателя.

Солженицын изучал математику в университете г. Ростова-на-Дону; кроме этого, он счел для себя полезным поступить еще и на заочное отделение Московского государственного университета, где занялся литературой. Ну, а потом началась война. Военные годы Александр провел на фронте, был артиллеристом, дослужился до капитана. Казалось бы, весь мир перед ним, человек молодой, образованный, разносторонний. Но не тут-то было. В 1945 году Александра арестовали. Причина ареста была достаточно простой: Солженицын осмелился в одном из своих писем критиковать Иосифа Сталина. Для этого нужно было быть либо до безумия смелым,

либо чрезвычайно наивным. Как бы то ни было, а неизбежным результатом критики стали арест, тюрьма, трудовые лагеря. Восемь лет он провел за той чертой, которая отделяла нормальных людей от преступников. Восемь долгих лет... Потом было еще три года ссылки, по истечении которых его сочли возможным реабилитировать, определив ему в качестве постоянного места жительства город Рязань. Жизнь пришлось начинать сначала.

В Рязани Александр устроился преподавателем математики. И именно здесь он начал писать. В 1962 году появилось первое его произведение «Один день Ивана Денисовича». Рассказ был напечатан в журнале «Новый мир» и практически сразу же принес автору известность. В «Иване Денисовиче» Солженицын, основываясь на собственном опыте, описал один день из жизни заключенного трудового лагеря. Действие, естественно, происходит еще в сталинское время, повествование ведется простым и доступным языком. Но известность автору принесли не столько даже литературные достоинства произведения, сколько то обстоятельство, что Солженицын написал наконец что-то достоверное, описал жизнь реальную, не идеологизированную. Это была правда, о которой до этого момента говорить было просто не принято. А он заговорил! Книга стала настоящей сенсацией в политических кругах, а кроме того, еще и вызвала к жизни стремление к правде. Народ как-то вдруг осознал, что кроме одобренных партией трех тем, доминирующих в советской литературе: подвиги советских воинов, производственная и партийная темы, есть все же еще что-то гораздо более тесно связанное с жизненными реалиями. Солженицын, что называется, «открыл шлюз».

Неудивительно поэтому, что официальная попу-

лярность Солженицына в Советском Союзе оказалась недолговечной. Сталин ушел, но пришел Хрущев. Советская литература, как и прежде, обязана была оставаться партийной. Наводить критику разрешалось только на пресловутые «отдельные недостатки», которые к тому же отыскивались только «на местах» (кстати сказать, партийная риторика советского времени заслуживает пристального внимания филологов, особенно в части соотношения формы со смыслом).

В 1963 году выходит сборник рассказов Солженицына, после чего ему было вполне официально заявлено, что в будущем его работы публиковаться не будут. Однако этот запрет не помог: книги Солженицына стали появляться самиздатом, став нелегальной литературой.

В течение нескольких последующих лет Солженицын опубликовал ряд своих произведений за рубежом («В круге первом» и «Раковый корпус» появились в 1968 году; «Август 1914 года» — в 1971-м).

В 1970 году Солженицыну была присуждена Нобелевская премия по литературе, но он отказался ее принять по весьма прозаической причине. Если бы он выехал из страны с такой «меркантильной» целью, его бы просто не впустили обратно.

И вот наконец в 1973 году в Париже выходит в свет первая часть знаменитого «Архипелага». Сразу же после публикации на Солженицына набросилась, навалилась советская пресса. «Архипелаг ГУЛАГ» представляет собой попытку собрать воедино все, что известно о системе тюрем и лагерей, созданной после прихода к власти большевиков в 1917 году. Могло ли это понравиться властям, даже если учесть, что основной «пользователь» этих лагерей товарищ Сталин уже давно почил с миром. На Западе же интерес как к личности Солженицына, так и к его произве-

дениям вспыхнул с новой силой. И его снова арестовали. Однако на этот раз наказание ему было определено более мягкое, чем в первый раз.

На следующий же день после ареста, то есть 13 февраля 1974 года, писателя выслали из СССР. Только благодаря этому обстоятельству Солженицын и смог уже в декабре этого же года получить Нобелевскую премию.

Он продолжает писать. Уже в следующем году Александр Исаевич публикует документальный роман «Ленин в Цюрихе: главы». Еще через пять лет, то есть в 1980 году, появляются два его произведения: «Бодался теленок с дубом», в котором дается описание жизни в Советском Союзе, и «Смертельная опасность», представляющее собственный анализ взаимоотношений Соединенных Штатов с Советским Союзом, а также ошибочных представлений американцев об СССР.

А потом в СССР началась перестройка и гласность. Союз постепенно распался, осталась Россия. С самого начала Солженицын считал, что Россия в новых условиях должна развиваться по своему собственному христианскому пути, он полагал, да и сейчас полагает, что мы не должны заимствовать западную демократию. Эта модель не для нас!

Начиная с 1980 года в России стали снова интересоваться произведениями Александра Исаевича. А в 1989 году — дата по-своему знаменательная — журнал «Новый мир» опубликовал наконец-то в России «Архипелаг ГУЛАГ». Через год Солженицыну официально вернули российское гражданство.

«Часы коммунизма свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами», — писал Солженицын в 1990 году в работе «Как нам обустроить Россию?» Случилось именно то, чего

он тогда так опасался, Россия сегодня расплющена, теперь это понимают все. Многие и сегодня уверены, что были другие пути для столь важного и болезненного перехода от одного образа жизни к другому. Об этом было много споров. Сегодня, однако, споры эти представляются уже бесполезными, нужно думать, как жить дальше, а точнее — как выжить. Этой проблеме и посвящена последняя книга Александра Исаевича «Россия в обвале»: *«Ах, если бы, если бы мы были способны к истинному всеобъединению: мирными средствами, но воистину всенародно выразить наш гнев — так, чтобы власти в своем мраморном корыте задрожали и очнулись. В других странах такими массовыми выходами и поворачивают ход всей истории».*

По мнению Александра Исаевича, сегодня, как уже много раз во время других смутных периодов в нашей истории, Россию спасет дух российского народа: «Если мы действительно способны высвободиться из того примитивного материалистического мироучения, в котором воспитывали нас десятилетиями, что бытие, бытие, бытие определяет сознание, то нам неизбежно понять и принять: будущее наше, и наших детей, и нашего народа — зависит первой и глубинней именно от нашего сознания, от нашего духа, а не от экономики».

Будем надеяться, что это так.

Заключение

Что общего у наших героев, кроме того, что они родились в России и попали в энциклопедию «Гро-лиер» как американцы? И как можно примерить описанные черты к себе, не впадая в комплекс неполноценности или гордыню?

Ясно, что общими свойствами были талант — у большинства, и повышенная предприимчивость — у многих. Бесконфликтность считалась не слишком, многие преуспевшие россияне были ершистыми личностями, которые завоевывали успех глоткой и локтями, а не «галантерейным обхождением». Но многие умели не доводить конфликты до точки кипения, останавливать их до достижения опасных стадий.

Многие хорошо «держали удар», т. е. умели достойно переносить поражения. Это качество весьма полезно, так как никто из наших героев не избежал поражений, хотя бы на пути к успеху.

Среди преуспевших мало представителей мира бизнеса и политики. Это симптоматично, русские коммерсанты или администраторы, как и политические деятели, не котируются высоко. Я слышал, что одним из создателей одной популярной компании розничной торговли был русский купец Артамонов, но подробностей я не узнал, да и до энциклопедии ему было, наверное, далеко.

Никто не достиг успеха «шаганием через трупы». Обилие трупов в Америке — символ поражения, а не

успеха. Может, поэтому нет в США известных русских военачальников. Военные потери не измеряются здесь в миллионах.

Знание языка как инструмент успеха явно преувеличивается. Большинство наших героев говорили по-английски неважно, а некоторые просто плохо. И наоборот, я знаю многих, кто мог бы выдавать себя за коренных американцев (или даже являются ими), но с успехом и не знаком. В связи с этим встает законный вопрос: не является ли плохое знание английского инструментом успеха? То есть, возможно, американцы думают о русских X. и Y. так: «X. плохо говорит по-английски, но, наверное, он силен в своем деле, просто высказать это не может. Дам-ка ему на всякий случай хороший отзыв. А Y. говорит лучше меня, но часто упивается своим речевым даром. Он хорошего отзыва не достоин». Кроме того, нужно помнить, что красноречие — это свойство, которое редко не замечают завистники.

Другое дело — языковое притворство — претензия на непонимание.

— Я, если чего не знаю, сразу чешу: не понимаю, мол.

Если вас в этом уличат, американцы умеют быть беспощадными. Более того, они легко распространяют свое открытие на всех «русских», включая чукчей и молдаван. Это, я бы сказал, самая опасная из кажущихся невинных уловок.

И в то же время нет другого народа, столь терпимого к акцентам. Диву даешься, сколь терпеливо они вслушиваются в речь недавно прибывшего с другого континента, который произносит всего один согласный звук, и тот непонятно какой.

Успех многих, в том числе трех женщин, возглавлявших взаимно противоречивые общественные движения теософов, анархистов и объективистов, гово-

рит о том, что американцы нуждаются в толковых идейных руководителях, хотя бы области их деятельности были совершенно бездуховны. Но вместе с тем к кандидатам на лидерство в таких движениях относятся крайне недоверчиво. Например, часто отвергалось как несостоятельное научное руководство, хотя немало и примеров, когда русские в нем преуспели.

По-видимому, больше шансов на успех в качестве идейных лидеров имеют женщины, они вызывают больше доверия к себе. Три из них были лидерами широких общественных движений, причем вовсе не «женских». Но право на лидерство должно быть совершенно бесспорным. Подчас лучше удовлетворяться неформальным лидерством, но не давать повод к обвинениям в карьеризме и обратить сэкономленные усилия на содержательные цели.

В целом можно сказать, что багаж познаний и качеств, привезенных в Америку, важнее правил поведения в ней. Хотя немало примеров американского успеха составляют случаи людей, которые до приезда в Америку не пользовались успехом.

Средняя продолжительность жизни всех умерших уже героев этой книги — 78,9 года, что намного выше средней продолжительности жизни американских и русских мужчин в любую пору. Иначе говоря, успех — от этого никуда не денешься! — предпочитает здоровых людей.

Среди преуспевших в Америке россиян примерно половина — евреи. На первый взгляд, это еще один банальный довод в пользу превосходства евреев в любых областях деятельности («Евреев в десятки раз меньше, чем русских, а вот смотрите...»). Однако более пристальное рассмотрение говорит о том, насколько условно мнение о преимуществах той или иной нации. Действительно, евреев намного меньше, чем русских, но русских эмигрировало в США примерно

вдвое меньше, чем евреев. А успех они делят поровну. Значит, русские способнее — следует вывод! Но и он — лишь поверхностное наблюдение: ведь евреи прибывали в США почти без разбору, в то время как среди русских фильтровались наиболее способные. Так что пищи для каких-то выводов о превосходстве тех или иных наций отсюда никак не получишь.

Поражает незначительность числа преуспевших русских ученых: в энциклопедию не попал никто из русских математиков. Остается надеяться, что новое поколение эмигрантов будет более успешным.

Если рассматривать эту книгу как руководство к действию, то было бы весьма полезно оценить также случаи, когда россияне не имели успеха, но таких случаев много, гораздо больше, чем случаев успеха, да и у «счастливых» мы найдем немало примеров неудачных шагов.

Однако, как видим, у нас немало возможностей порадоваться за удачливых соотечественников.

Оглавление

Предисловие к русскому изданию	3
На второй родине	6
Вертикальный взлет Игоря Сикорского	12
Гам вокруг Георгия Гамова	23
Американский инженер Степан Тимошенко	33
Трудное отцовство Владимира Зворыкина	44
Василий Леонтьев — апостол планирования	55
Давид Сарнов, человек-колокол	62
Иммануил Великовский: величие или ничтожество?	74
Абстракции Александра Архипенко	116
Сергей Рахманинов: одиночество в толпе	121
Музыкальный сфинкс Игоря Стравинского	161
Блеск (и нищета?) Яши Хейфеца	174
Два пришествия Владимира Горовица	181
Контрабас и палочка Сергея Кусевицкого	187
«Genatsvale, Mr. Balanchine!»	193
Душа Наталии Макаровой в полете	201
«Автомат Барышникова»	207
Королевство Юла Бриннера	212
Владимир Набоков по обе стороны океана	220
Судьбы Алисы Розенбаум и Эйн Рэнд	244
«Напролет болтал о Ромке Якобсоне...»	253
Преподобный отец князь Деметриус Галлицин	262
Елена Блаватская: жизнь до и после смерти	267
Интернационал анархистов и Эмма Гольдман	277
Сергей Довлатов: «Жизнь коротка и печальна»	284
Нина Берберова: «Счастье женщины — быть бесконечно преданной и ласковой»	294
Айзек Азимов. Человек, который сделал себя сам ...	301
Александр Солженицын	308
Заключение	314

Марк Рейтман

**ЗНАМЕНИТЫЕ ЭМИГРАНТЫ ИЗ РОССИИ
Очерки о россиянах, добившихся успеха в США**

Ответственный редактор *Э. А. Юсупянц*

Художник *М. Пыльцин*

Художественное оформление *Г. Нечитайло*

Корректоры: *В. Югобашьян, Г. Бибикова*

Лицензия ЛР № 065194 от 02 июня 1997 г.

Сдано в набор 10.10.98. Подписано в печать 24.11.98.

Формат 84×108/32. Бум. офсетная.

Гарнитура NewtonС. Печать высокая.

Усл. п. л. 16,8. Тираж 10000 экз. Зак. № 265

Издательство «Феникс»

344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга»

344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57

Торгово-издательская фирма

- ❧** *Оптовая и розничная торговля книжной продукцией*
- ❧** *Издание книг и финансирование издательской деятельности своих партнеров*
- ❧** *Быстрообновляемый разнообразный ассортимент (всегда в наличии более 3000 наименований популярных книг)*
- ❧** *Своевременная доставка книг контейнерами и автотранспортом в любую точку России*
- ❧** *Умеренные цены*

Надежность, качество, оперативность

НАШ АДРЕС:

344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17

Тел. (8632) 62-44-72, 62-38-11

Факс: 62-55-27

**Полный комплекс услуг
для оптовых покупателей**

Успех в жизни. От чего он зависит, есть ли рецепт его достижения? Можно ли стать богатым и удачливым, оказавшись один на один в чужой стране?

Люди, о которых написана эта книга, доказали себе и всему миру, что это возможно. Более того, страна, ставшая им второй Родиной, до сих пор гордится их именами.

Сергей Рахманинов, Игорь Стравинский, Василий Леонтьев, Игорь Сикорский, Юл Бриннер, Елена Блаватская, Владимир Набоков — вот неполный список эмигрантов из России, прославивших ее на века.

Какой невероятной ценой досталась им эта слава? Об этом рассказывается в книге Марка Рейтмана «Знаменитые эмигранты из России».

Книга рассчитана на широкий круг читателей.